

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 30 (1–4),

№ 1

2022

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2022. Т. 30(1–4). № 1

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [А. А. Крымов](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 04.04.2022. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России», [интернет-каталог](#) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugueva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 12** *Симакова Т. А.* Развитие навыков киберактивности субъектов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний в процессе формирования положительного имиджа

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРАКТИКА

- 25** *Поникаров С. В.* Правоохранительная деятельность сотрудников отделов специального назначения территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний, связанная с применением оружия при проведении спецопераций под руководством Национального антитеррористического комитета Российской Федерации
- 30** *Уматкулова Р. Р.* Понятие усмотрения в праве: его правовая природа и основания

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 33** *Кузьмин Р. Г.* Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и других государств

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 41** *Кутякин С. А.* Историко-документальный анализ вклада в Победу в Великой Отечественной войне труда заключенных и лиц, мобилизованных в рабочие колонны ГУЛАГа НКВД СССР

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 48** *Долинин А. Ю.* Понятие, виды и основные факторы возникновения кадровых рисков в уголовно-исполнительной системе

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 58** *Звонов А. В., Хохрин С. А.* Некоторые особенности характеристики преступности сотрудников пенитенциарных учреждений
- 65** *Макарова М. В., Тюменев А. В.* Проблемы дифференциации бандитизма и схожих преступлений террористической направленности
- 72** *Романова И. Н.* Проблемы юридической ответственности за вред, причиненный при использовании технологий искусственного интеллекта
- 78** *Сулейманов Т. А., Фомин В. В.* Методика и тактика прокурорского надзора за исполнением законов при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 86** *Сорокоумова С. Н., Курдин Д. А.* Использование data mining в изучении динамики личностного роста курсантов ведомственного вуза Федеральной службы исполнения наказаний
- 96** *Симакова Т. А., Гаврина Е. Е.* Психологическая неустойчивость и коррупционная направленность личности как проблемы профессионального образования
- 102** *Сухов А. Н.* Социально-психологический анализ безопасности различных групп

ПЕРСОНАЛИИ

- 110** *Щербаков Г. В., Кузнецов М. И.* Полвека служения пенитенциарной науке. К 75-летию заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, первого заместителя председателя Рязанской общественной организации ветеранов Академии ФСИН России, доцента кафедры социальной психологии и социальной работы кандидата философских наук, доцента Валерия Николаевича Казанцева
- 114** *Бодько П. П., Кузнецов М. И.* Юбилей почетного работника уголовно-исполнительной системы, заместителя председателя комитета ветеранов Академии ФСИН России полковника внутренней службы в отставке Александра Михайловича Хабарова

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 117** *Simakova T. A.* Development of cyberactivity skills among subjects of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia in the process of forming a positive image

ADMINISTRATIVE PRACTICE

- 119** *Ponikarov S. V.* Law enforcement activities of employees of special purpose departments in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia related to the use of weapons during special operations under the leadership of the National Antiterrorism Committee of the Russian Federation
- 120** *Umatkulova R. R.* The concept of discretion in law: its legal nature and grounds

ABROAD

- 121** *Kuz'min R. G.* The institution of returning a criminal case by a prosecutor to an investigator for additional investigation in the criminal procedure legislation of the Russian Federation and other states

TIME LENS

- 122** *Kutyakin S. A.* Historical and documentary analysis of the contribution to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 of the labor of prisoners and persons mobilized in the labor columns of the GULAG of the NKVD of the USSR

MANAGEMENT VECTOR

- 123** *Dolinin A. Yu.* The concept, types and main factors of the occurrence of personnel risks in the penal system

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 124** *Zvonov A. V., Khokhrin S. A.* Some features of the criminality characteristics of penitentiary staff
- 125** *Makarova M. V., Tyumenev A. V.* Problems of differentiation of banditry and similar terrorist crimes
- 126** *Romanova I. N.* Problems of legal liability for harm caused by the use of artificial intelligence technologies
- 128** *Suleymanov T. A., Fomin V. V.* Methods and tactics of prosecutorial supervision over the execution of laws in the execution of non-custodial sentences

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 130** *Sorokoumova S. N., Kurdin D. A.* The use of Data mining in the study of the dynamics of personal growth among cadets of a departmental university of the FPS of Russia
- 132** *Simakova T. A., Gavrina E. E.* Psychological instability and corruption orientation of personality as problems of professional education
- 133** *Sukhov A. N.* Socio-psychological analysis of the security of various groups

PERSONALIA

- 110** *Shcherbakov G. V., Kuznetsov M. I.* Half a century of service to penitentiary science. On the 75th anniversary of the Honored worker of the Higher School of the Russian Federation, First Deputy Chairman of the Ryazan Public Organization of Veterans of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, PhD (Philosophy), Associate Professor, associate professor of the department of social psychology and social work V. N. Kazantsev
- 114** *Bod'ko P. P., Kuznetsov M. I.* Anniversary of the Honored employee of the Penal System of Russia, Deputy Chairman of the Veterans Committee of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, retired Colonel of the Internal Service Aleksandr Mikhaylovich Khabarov

УДК 159.99:378.147

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.12-24

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СИМАКОВА,

кандидат психологических наук, доцент,

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-5715-0291,

e-mail: simakovatanea@yandex.ru

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ КИБЕРАКТИВНОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА

Для цитирования

Симакова, Т. А. Развитие навыков киберактивности субъектов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний в процессе формирования положительного имиджа / Т. А. Симакова // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 12–24. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.12-24.

Аннотация. Деятельность правоохранительных органов осуществляется в условиях интенсификации информационных процессов. Данное обстоятельство обуславливает необходимость реагирования на коммуникационные вызовы современного общества и предполагает использование инновационных видов и технологий человеческого общения, оказывающего несомненное влияние на формирование общественного мнения. Цифровые технологии и Интернет являются открытыми пространствами взаимодействия сотрудников с общественностью.

В статье рассматриваются факторы, способные оптимизировать процесс развития имиджа Академии ФСИН России при использовании цифровых технологий. При этом положительные навыки киберактивности субъектов образовательной организации рассматриваются как основополагающие факторы, оказывающие прямое влияние на процесс создания и упрочения положительного имиджа.

Ключевые слова: имидж образовательной организации, цифровые технологии, навыки киберактивности, современные технологии человеческого общения.

Введение

Деятельность правоохранительных органов осуществляется в условиях интенсификации информационных процессов и связана с необходимостью реагирования на

© Симакова Т. А., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

коммуникационные вызовы. Это предполагает изучение особенностей использования инновационных видов технологий человеческого общения и их влияния на формирование общественного мнения. Цифровые технологии и Интернет являются распространенными средствами взаимодействия сотрудников с представителями всех социальных институтов. При использовании интернет-ресурсов субъекты образовательной организации получают возможность освещать свою деятельность, вступать в открытый диалог с представителями широких слоев общественности, осуществлять обмен конструктивными идеями и обнародовать официальные и персональные точки зрения о происходящих событиях. Однако, несмотря на перечисленные преимущества, важно понимать возрастание степени ответственности – активность сотрудников и обучающихся в интернет-пространстве моментально становится достоянием бесконечной по численности аудитории пользователей, поскольку сеть Интернета практически не имеет границ, неосторожное высказывание или действие, моментально становясь достоянием общественности, может дискредитировать не только самого автора, но и организацию, а также систему, представителем которой он является.

Следует учитывать тот факт, что профессиональная деятельность в уголовно-исполнительной системе (УИС) в настоящее время не является престижной. Общественное мнение склонно к игнорированию степени трудности выполняемых целей и задач, находясь под влиянием информационных потоков о деятельности УИС, где приоритетно освещаются негативные происшествия и замалчиваются положительные результаты. Анализ научной литературы показал, что проблема формирования имиджа ФСИН России в целом и образовательных организаций в частности остается до настоящего времени малоизученной. Имидж сотрудников правоохранительных органов, в том числе ФСИН России, может формироваться под воздействием различных факторов, среди которых особое значение имеют Интернет, социальные сети и средства массовой информации (СМИ), включающие в себя цифровые технологии.

В условиях цифровизации общества информационные технологии Интернета оказывают серьезнейшее влияние на формирование имиджа сотрудников образовательных организаций ФСИН России как в положительную, так и в отрицательную сторону. Сегодня Интернет – это не только средство для получения информации (достаточно часто необъективной, имеющей характер «информационного смога», фейка), но и одно из основных средств коммуникации.

Результаты и обсуждение

Формирование имиджа правоохранительных органов России имеет особую специфику. Приобретая негативный имидж, любая, а в особенности правоохранительная, структура становится негативно воспринимаемой по сравнению с другими организациями и социальными институтами, что провоцирует отток высококлассных специалистов, сказывается на профессиональном выборе потенциальных сотрудников, и это приводит в конечном итоге к неизбежной деградации такой структуры. Актуальность проблемы развития имиджа образовательной организации ФСИН России определяется наличием следующих причин:

- высокий уровень конкуренции среди образовательных организаций при осуществлении набора абитуриентов;
- доступность ко всем видам ресурсов (человеческим, финансовым, информационным и др.);
- привлекательность образовательной организации для профессионалов, положительное влияние на поддержание стабильности и осуществление социальной защиты сотрудников, тем самым стимулируя их профессиональное развитие;

– приобретение образовательной организацией признательности, обладающей определенной силой, создание запаса социального доверия к происходящему образовательному процессу образовательного учреждения.

В массиве современных исследований, посвященных формированию положительного имиджа ФСИН России и ее сотрудников, отдельно изучаются ведомственные образовательные организации. Так, А. С. Гучанова определяет имидж образовательной организации как комплексный феномен, обеспечивающий возможность конструктивного взаимодействия с окружающим миром в различных сферах профессиональной деятельности. В этой возможности усматриваются потенциальные ресурсы для повышения эффективности исполнения профессиональных обязанностей [1]. А. С. Гучанова к основным направлениям оптимизации имиджа образовательной организации относит следующие параметры:

- системная подача потребителям целевой информации о достигаемых успехах, о реализуемом комплексе образовательных услуг;
- обновляющиеся на постоянной основе информационные материалы, пропагандирующие образовательную миссию образовательной организации;
- оригинальность системы воспитательно-профилактической работы, нацеленной на развитие креативных способностей обучающихся, укрепление здорового образа жизни;
- качественные образовательные услуги более расширенного спектра по сравнению с другими образовательными организациями;
- комплексная система ценностей, затрагивающая область традиций, обычаев, стилей поведения;
- определенная философская концептуальность, границы образовательных приоритетов, видение будущих векторов развития, миссия образовательной деятельности.

Е. Б. Перелыгина к основным функциям имиджа образовательных организаций относит позиционирование образовательной организации в общественном пространстве, а также побуждение к действиям по ее развитию [2]. Данные функции распространяются и на образовательные организации ФСИН России. Созидание имиджа образовательной организации ФСИН России ориентировано на согласование и взаимосвязь ее внутреннего и внешнего имиджа. Т. Н. Щербаковой были выявлены составляющие имиджа образовательной организации, имеющие характеристики переменных и постоянных параметров [3]. К числу постоянных параметров положительного имиджа Т. Н. Щербакова причисляет целенаправленную концепцию образовательной организации; четко сформулированную и предметно проявленную научно-педагогическую миссию; благополучный психологический микроклимат в структурных подразделениях образовательной организации как проявление доброжелательности и оптимистического настроения коллектива; наличие основных видов компетентности у сотрудников организации (управленческая, социальная, педагогическая); проявленность образа руководителя-профессионала, возглавляющего образовательную организацию, обладающего качествами вдохновителя, личностной яркостью лидера-стратега, наличием неформального авторитета. К числу переменных параметров имиджа образовательной организации относятся: определенность миссии и приоритеты образовательной организации; виды оказываемых образовательной организацией образовательных и иных услуг; учебная, научная, материально-техническая база образовательной организации.

И. Р. Лазаренко считает, что процесс развития имиджа образовательной организации представляет собой сложную и продолжительную по времени процедуру [4]. Она основывается на эксклюзивных особенностях образовательной организации, которые

требуют исследования, активного развития и продвижения на постоянной основе. При этом необходимо наличие целенаправленной единой стратегии продвижения образовательной организации, объединяющей сформировавшиеся исторические традиции и инновационные идеи. Важно наличие в структуре образовательной организации специальной группы, функциональными обязанностями которой является продвижение этого учебного заведения в общественном пространстве. Состав такой группы предпочтительно должен включать в себя специалистов, обладающих компетенциями в области цифровых технологий, социальных педагогов, наделенных способностями креативной деятельности.

Е. А. Петрова, описывая процесс проектирования имиджа образовательной организации, указывает на то, что в нем востребованными являются компетенции, связанные с областями менеджмента, психологии, логистики, маркетинга, поскольку проект должен быть ориентирован на отражение потребностей потребителей образовательных услуг и интересы партнеров в образовательной деятельности [5].

По мнению О. П. Михайловой и В. Н. Шепель, имидж образовательной организации зависит от высоты уровня качества образовательных услуг, а также от организационной культуры осуществления образовательной деятельности [6]. Авторы отмечают, что сочетание сложного комплекса составляющих элементов маркетинга вуза только в случае сбалансированности обеспечивает принятие оптимальных стратегических решений, касающихся деятельности образовательной организации во внешней конкурентной среде сторонних высших учебных заведений. Это, в свою очередь, является залогом обеспечения достижения постоянного притока потребителей образовательных услуг, устойчивого положения на конкурентном рынке за счет сформированности лояльности к вузу.

Имидж – достаточно динамичное явление, которое может трансформироваться под влиянием обстоятельств, информации, динамических процессов конкуренции в сфере образовательной деятельности. Существует множество примеров, когда создаваемый годами положительный имидж организации был разрушен в одно мгновение. В силу этого к нему нужно относиться бережно и внимательно, так как успех определяется не только характером внешнего восприятия целевой аудитории и общественности, но и целенаправленной внутренней деятельностью всей образовательной организации, ее структурных подразделений и персональной ответственностью ее субъектов. Изложенное дает основание полагать, что положительный имидж – это представление, которое целенаправленно создается людьми, сознательно и продуманно как образ, направленный на формирование положительного отношения, которое находится под контролем и требует постоянного поддержания и развития.

Образовательные организации ФСИИ России в деле формирования общего имиджа УИС играют особую роль и в этом смысле должны отвечать всем перечисленным параметрам, поскольку специфика их деятельности в первую очередь касается подготовки высококвалифицированных кадров для учреждений и органов УИС. Для образовательных организаций ФСИИ России имидж имеет особенное значение, поскольку является прямым показателем доверия широких слоев населения и одновременно критерием оценки эффективности образовательной деятельности. Имидж образовательной организации указывает на степень соответствия осуществляемой образовательной деятельности ожиданиям и образовательным потребностям различных слоев современного социума.

Формирование позитивного имиджа образовательных организаций ФСИИ России с помощью СМИ является залогом оптимального функционирования и развития всей УИС. В условиях современной конкурентоспособности вузов достаточно непросто

представить уникальность учебного заведения, особенности его жизнедеятельности. А если учесть, что это высшее учебное заведение подведомственно какой-либо правоохранительной системе (МВД России, ФСИН России, МЧС России и т. п.), то и внимание к нему со стороны общественности более пристальное, так как впечатление о ведомстве и его образовательной организации рассматривается как единое целое. Например, нарушения закона, случаи коррупции в среде сотрудников правоохранительных органов вызывают резкую негативную оценку в обществе как ведомства в целом, так и его структурных подразделений. Благодаря богатой истории УИС у многих в обществе сложилось впечатление о ней как о репрессивной организации с ужасными условиями содержания. Вместе с тем сегодня это далеко не так. И это мешает сформировать устойчивый положительный имидж ФСИН России.

Имидж образовательных организаций ФСИН России является важнейшим фактором формирования положительного выбора у потенциального абитуриента получения образования в данной образовательной организации. Для того чтобы у вуза сформировался положительный имидж, необходимо выявить его слабые и сильные стороны с целью определения приоритетов и стратегии дальнейшего развития. Безусловно, важно дать объективную оценку своим достоинствам и недостаткам, в результате чего достоинства следует популяризировать, а недостатки – устранять.

Формирование имиджа – это система процессов, которая позволяет создать запланированный образ. К числу основных этапов формирования имиджа образовательной организации ФСИН России следует отнести:

- определение цели образовательной организации с учетом ее специализации. Продуманность и предметность в определении цели позволяет грамотно выстроить стратегии ее достижения и оптимизировать процесс развития образовательной организации;

- планирование. Логический, последовательный критериально выверенный план является надежным залогом успеха, при этом важно подвергать контролю реализацию намеченных планов, осуществлять рефлексивную оценку намеченных плановых мероприятий, выявляя препятствия и причины их возникновения;

- анализ эффективности. После реализации плана необходим тщательный анализ выполненного с определением дальнейших перспектив и аналитическим разбором недостатков;

- определение целевой аудитории образовательной организации. Это могут быть не только обучающиеся (курсанты и студенты), но и их родители, сотрудники УИС. Особое внимание необходимо уделять выпускникам образовательной организации. Они в первую очередь являются внештатными «пиарщиками» учебного заведения. От того, как они выполняют свои служебные обязанности, ведут себя в общественных местах, демонстрируют определенные способности и навыки, зависит уровень восприятия обществом образовательной организации. Кроме того, родители выпускников образовательных организаций ФСИН России – это также активные представители целевой аудитории, причем отличающиеся особой эмоциональной включенностью. От их оценки изменяется общественное мнение об образовательной организации как в положительную, так и в отрицательную сторону.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что имидж образовательных организаций ФСИН России – это эмоционально окрашенный образ, оказывающий психологическое влияние на определенные группы людей, предполагающий определение и решение ряда задач по изучению общественного мнения; распространению позитивных новостей о развитии образовательной организации контроля за ними; освещению событий

о деятельности образовательной организации; размещению информационно-справочного материала и демонстрации достижений образовательной организации. При этом проектирование имиджа образовательных организаций ФСИН России должно иметь системный целенаправленный и имманентный характер. Основными функциями имиджа образовательных организаций ФСИН России следует рассматривать, во-первых, позиционирование учебного заведения в СМИ широкой общественности на основе дифференцированного подхода с учетом комплексных характеристик различных слоев населения, а во-вторых, побуждение к имманентному действию по внутреннему развитию организации.

Организация образовательного процесса – технологии и системы обучения, воспитания и развития обучающихся, задействование в учебном процессе профессионалов-практиков и органичное сочетание информационных и традиционных технологий образовательной деятельности – является важнейшим фактором, детерминирующим процесс становления и развития имиджа образовательной организации. Материально-техническая база, включающая в себя современное компьютерное, мультимедийное оборудование, спортивные комплексы, комфортабельные помещения общежитий, является важным условием формирования имиджа. Еще одним значимым параметром создания и развития имиджа образовательной организации считается патриотизм как ценностное отношение к историческому прошлому своей образовательной организации, проявляющееся в сохранении исторического наследия и определении современного вклада в развитие своего региона и страны.

Таким образом, в современном российском обществе давно назрела необходимость оптимизации существующего имиджа как УИС в целом, так и образовательных организаций ФСИН России и их сотрудников в частности. Это обусловлено и тем, что сложившийся к настоящему времени имидж является замедляющим фактором развития образовательных организаций ФСИН России, которые, наоборот, в связи со спецификой своей деятельности и выполняемых задач должны формировать положительный имидж УИС. Решению указанной проблемы может способствовать повышение роли СМИ в процессе формирования имиджа образовательных организаций ФСИН России на всех уровнях.

Необходимо обратить внимание на то, что сегодня трудно представить себе процедуру формирования имиджа без участия СМИ (телевидения, периодической печати, Интернета и т. п.). Представляется, что формирование имиджа – это воздействие во многом через СМИ на определенную аудиторию в целях формирования у ее членов психологического притяжения к данному объекту. Отсюда следует вывод о том, что аудитория имиджа – это группа людей, у которой необходимо сформировать нужное мнение о чем-либо или о ком-либо. СМИ для образовательной организации ФСИН России являются своеобразным посредником при общении с обществом. От того, какая информация будет размещена в СМИ о вузе, зависит формирование его положительного имиджа.

Процесс создания имиджа в современном обществе может происходить параллельно, когда наряду с целенаправленной, организованной деятельностью происходит стихийное деструктивное влияние на общественное сознание как побочный продукт работы социальных сетей. Последние статистические данные свидетельствуют об эскалации такого влияния в жизни современного общества. Крупный исследовательский центр Mediascope обнаружил следующие данные: средний пользователь проводит в Интернете 183 минуты в день. Чем моложе аудитория соцсети, тем больше времени она проводит онлайн. Данные исследования Deloitte также подтверждают по-

пулярность социальных сетей: по итогам 2020 г. в рейтинге использования лидируют соцсети: «ВКонтакте», «YouTube» и «Одноклассники». На пятой строчке – «Instagram», на шестой – «Facebook» [7]. Например, сегодня социальная сеть «ВКонтакте» пользуется большой популярностью среди различных категорий населения. Она позволяет ее пользователям создавать группы по интересам. В результате поиска по ключевому запросу «ФСИН» по России было найдено всего 648 сообществ, крупнейшим из которых является официальное сообщество ФСИН «ВКонтакте» (18 324 участника). Кроме того, ни одной группы, имеющей явно негативное отношение к ФСИН России, выявлено не было. Согласно статистике в настоящее время более 80 % организаций и компаний по всему миру используют социальные сети в своей работе [8].

Современные социальные сети размывают границы между профессиональной деятельностью и личной жизнью. В этой ситуации сотрудникам образовательных организаций ФСИН России как представителям правоохранительных органов следует быть достаточно ответственными. Личный аккаунт сотрудника правоохранительного ведомства воспринимается общественностью в контексте его сопричастности с данным ведомством. Случаи асоциального поведения сотрудников правоохранительных органов, как правило, не остаются незамеченными социальными медиа, вызывая широкий резонанс общественности. Это оборачивается утратой лояльности, снижением доверия ко всей системе и ее представителям. Наибольший урон вызывается случаями поведения сотрудников образовательных организаций ФСИН России, связанными с нарушениями ими профессиональной этики, норм нравственности, прецедентами асоциального поведения в общественных местах. Такими примерами являются размещение в сети Интернет видеоматериалов, показывающих, как сотрудники Красноярской колонии танцуют стриптиз; курсанты Ульяновского летного училища танцуют полуобнаженные с элементами форменной одежды. Высокий общественный резонанс вызвал видеоролик сотрудников УФСИН России по Республике Бурятия, посвященный Дню сотрудника оперативного отдела.

Принято считать, что публикуемая информация должна носить чисто информативно-разъяснительный характер. При этом важно отметить, что только исключительно позитивный настрой в предоставляемой информации может привести к апатии со стороны общественности. В этом случае потеря интереса целевой аудитории происходит по причине искажения и отсутствия освещения реальных событий, умалчивания о них. Представляется, что позитивный имидж образовательной организации ФСИН России может формироваться за счет освещения деятельности о решении проблемных вопросов, об устранении и о профилактике конфликтных ситуаций, предпринимаемых мерах по предотвращению насущных проблем, связанных с сохранением всестороннего благополучия и здоровья обучающихся и сотрудников, создавая всевозможные информационные поводы. При этом важно сопровождение размещаемой информации качественной визуализацией новостных событий. Качество визуализации зависит от органичности выбора ракурса, сочетания эмоциональной тональности фигуры и фона снимка, сочетания деталей с общей концептуальностью снимка, запечатленными событиями.

Роль сайтов образовательных организаций в формировании их имиджа подчеркивается в научной литературе [9]. Содержательное наполнение официальных интернет-сайтов образовательных организаций выполняет функцию немаловажного фактора, оказывающего влияние на их имидж. На официальных сайтах образовательных организаций ФСИН России размещается новостная лента с наиболее значимыми событиями, прошедшими либо планируемыми. В целях полноценного функционирования

в контексте развития положительного имиджа предпочтительно, чтобы официальный сайт образовательной организации ФСИИ России имел уникальный стиль оформления и подачу содержания; использовал новейшие технологии глобальной компьютерной сети; выполнял представительские функции, рассчитанные на разные социальные категории потенциальных посетителей; брал роль связного между организацией, ее структурными подразделениями, субъектами, сторонними общественными организациями, СМИ. При таких условиях официальный сайт образовательной организации ФСИИ России может стать информационным инструментом, способствующим взаимодействию всех общественных институтов и отдельных лиц, причастных к образовательной деятельности.

Работа с информацией для размещения ее на официальном сайте образовательной организации ФСИИ России и ответственность за данное направление деятельности возлагается на сотрудников пресс-служб. Кроме официального сайта образовательной организации ФСИИ России, формирование имиджа происходит с помощью социальных сетей и мессенджеров. За данное направление деятельности также отвечают сотрудники пресс-служб. Современные интернет-площадки, включающие в себя блоги, социальные сети, форумы обладают ресурсными возможностями формирования имиджа образовательных организаций ФСИИ России. В качестве проявления этих возможностей прежде всего стоит назвать налаживание обратной связи с внешней средой, кроме того, возможность прямого контактирования с гражданами с учетом их информационных потребностей. При этом важно использовать методы, имеющие непосредственное влияние на формирование положительного имиджа образовательной организации в социальных сетях. Применение метода мониторинга социальных сетей дает возможность производить сбор информации об организации с последующим ее анализом для определения в дальнейшем наиболее эффективных каналов взаимодействия с целевой аудиторией. Использование в социальных сетях рекламной деятельности, освещение различных event-мероприятий позволяет увеличивать численность целевой аудитории. В связи с этим сотрудникам пресс-служб образовательных организаций ФСИИ России в комплексном исследовании проблемы имиджа был задан вопрос: «На каких веб-сайтах в социальных сетях размещается информация (о мероприятиях, событиях) о Вашей образовательной организации?» Ответы респондентов распределились следующим образом: ВКонтакте – 23 %, YouTube – 17, Одноклассники – 15, Твиттер – 15, Instagram – 11, Facebook – 7, LiveJournal – 7, Википедия – 5 %. В ходе эмпирических исследований киберактивности субъектов образовательных организаций в интернет-пространстве автором были выявлены и обоснованы основные виды интернет-рисков, которые остаются недостаточно исследованными в настоящее время и при этом являются источниками риска разрушения имиджа образовательной организации и саморазрушения личности.

К первой группе относятся контентные риски. Они связаны с использованием обучающимися и сотрудниками образовательной организации интернет-ресурсов, содержащих информацию экстремистского, террористического толка; пропаганду расовой и межнациональной ненависти, агрессии и насилия; призывы к суициду, порнографии. Эти странички открываются неопытными пользователями через спам или посредством ссылок на страничках в социальных сетях. Из-за любопытства и дефицита навыков безопасного персонального поведения в киберсреде, обеспечивающего сохранение репутации и имиджа, мотивируемые любознательностью обучающиеся изучают эти странички, могут отмечать отдельные видеоматериалы, вызывающие интерес или иной эмоциональный отклик, пересылают их своим знакомым. В Академии ФСИИ России с поступающими абитуриентами проводится профилактическая работа по развитию на-

выков корректного поведения в киберпространстве. Однако, несмотря на это, ежегодно выявляются факты деструктивного использования интернет-ресурсов, которые служат доказательством необходимости комплексного совершенствования развития киберкомпетентности обучающихся как субъектов образовательной организации.

Коммуникационные риски, с которыми сотрудники и обучающиеся сталкиваются в киберпространстве, связаны с нападениями, оскорблениями и унижением достоинства, получаемыми ими в процессе общения в онлайн-среде. Киберпротивоборство без специальной подготовки достаточно часто приводит к неприглядным действиям, психологическая травля способствует ослаблению социального самоконтроля поведения и провоцирует асоциальные реакции и действия, которые затем могут стать достоянием широкой аудитории интернет-пользователей. Не имея навыков осмысленного противостояния травли в киберпространстве, обучающийся, не анализируя специфику протекания конфликта, может сам оказаться в роли киберпреследователя. Существует и иное проявление коммуникационного киберриска в виде агрессии в офлайн-среде из-за длительного пребывания в состоянии психологического дискомфорта и страха из-за травли в Интернете. Это проявляется как форма психологической защиты, работающей как перенос ответной реакции не в киберреальности, где по каким-то причинам она не может быть осуществлена, и проживается в более безопасном месте – в реальном социуме. В данной ситуации обучающийся становится более конфликтным, агрессивным по отношению к окружающим его людям без видимых причин. Это доказывает, что отсутствие опыта разрешения сложных психологических ситуаций кибербуллинга у обучающихся может привести к асоциальным поступкам и действиям в реальном социуме.

Еще одна форма киберриска для обучающихся проявляется в виде взаимодействия с флеймерами. Основной задачей флеймера является втягивание людей в дискуссию и ведение ее с нарушением общекультурных норм полемизирования. При этом применяются употребление ненормативной лексики, нарушаются общепринятые нормы ведения дискуссий и споров, унижается достоинство человека, используются оскорбления и обзывания. Флеймеры включаются в такие действия, используя вымышленные имена и адреса, в то время как обучающиеся и сотрудники УИС как пользователи Интернета, не имея должного уровня владения сетевым этикетом, действуют открыто. В результате провокаций (оскорбления, нападки, унижение достоинства, ненормативная лексика) обучающиеся могут стихийно продемонстрировать неприглядные способы отстаивания своих позиций. Впоследствии эти случаи показываются обществу в сопровождении средств, усиливающих неприглядность происходящего.

Еще одним коммуникационным риском для обучающихся может стать общение с виртуальными друзьями. Проведенное нами исследование в 2020/21 учебном году показало, что больше 69 % обучающихся готовы к виртуальному общению, причем 62 % готовы к виртуальному знакомству с противоположным полом и только 31 % отказываются от виртуального общения. При этом большая часть проанкетированных обучающихся считают, что виртуальное общение позволяет глубоко и всесторонне понять и узнать человека. Такое отношение к виртуальному общению может привести к коммуникативным проблемам, ведь за аватаром кибердруга может стоять личность любого возраста, пола, внешности, что в итоге может привести к глубоким разочарованиям, снижению самооценки своих коммуникативных навыков. При получении травматического опыта возможно его распространение на коммуникативные связи с окружающими людьми в реальном социуме. В итоге отрицательный эмоциональный фон может оказывать влияние на качество несения службы и результаты учебы.

Формирование общедоступного и компрометирующего своего образа сотрудниками и обучающимися в интернет-пространстве является также одним из киберрисков. Выкладывая в социальные сети откровенные фото интимного характера в местах отдыха или в форме, на фоне здания ведомственной образовательной организации, далеко не всегда сотрудники, а тем более обучающиеся задумываются о последствиях использования такой личной информации в киберпространстве. Эта информация, попадая в руки спецконтингента, их друзей, родственников, может использоваться в целях снижения персональной репутации сотрудников, шантажа, угроз, троллинга, снижения персональной репутации сотрудников УИС. Каждый сотрудник, заботясь о своей безопасности, должен понимать, что, делая всеобщим достоянием личные фотографии своего дома, имущества, детей, указывая их имена, место учебы, он тем самым провоцирует преступника в последующем использовать эту информацию в целях манипуляции.

Эмпирические исследования интрапсихической структуры интернет-личности позволили нам выявить и предметно определить компоненты киберустойчивости личности обучающихся. К их числу относятся мотивационный, когнитивный, коммуникативный, социально-перцептивный, креативный, ценностно-смысловой и рефлексивный компоненты.

Функции мотивационного компонента:

- саморегуляция побуждений, обладающих силой реализации потребностей, устремлений, интересов личности, задающих вектор киберактивности;
- активация развития персональной киберкомпетентности во всех сферах жизнедеятельности, включая образование, общение, бытовое самообслуживание, досуг;
- мобилизация психофизиологических, психических, духовных резервов организма, включающая в себя как стимуляцию, так и торможение для оптимизации поведения в киберсреде;
- самоограничение от нежелательных поступков и действий в интернет-пространстве, которые могут приводить к потенциальным личностным потерям.

Функции когнитивного компонента:

- знание законов, регулирующих поведение интернет-пользователя;
- знание качественных отличительных признаков правоупотребительного и противоправного поведения в интернет-среде;
- знание маркеров киберрисков и умение обеспечить кибербезопасность личности;
- знание способов получения, анализа, сохранения и обмена информацией в киберпространстве;
- предотвращение интеллектуального иждивенчества как присвоения результатов чужих интеллектуальных продуктов с использованием интернет-ресурсов;
- знание и соблюдение навыков цифровой гигиены.

Функции коммуникативного компонента:

- знание и умение осуществлять быстрый поиск и обмен информацией в киберсреде;
- умение использования ресурсов интернет-пространства для повышения эффективности жизнедеятельности;
- способности к переводу социально-негативных конфликтов в социально-позитивные;
- понимание специфики межличностных отношений в киберпространстве, сохранение, поддержание и приумножение своей безопасности;
- владение навыками этикета различных видов общения в онлайн-среде.

Функции социально-перцептивного компонента:

- понимание предъявляемого и скрытого содержания действий и поступков субъектов онлайн-среды (распознавание деструктивных намерений, как своих, так и других участников онлайн-общения);
- умение прогнозировать действия партнеров по общению в сложных жизненных и профессиональных ситуациях;
- профилактические навыки, препятствующие нарушению персональных границ личностного пространства и психологического благополучия;
- управление развитием персональной траекторией киберсоциализации;
- распознавание мотивов партнеров по общению по отношению к себе в общении, протекающем полностью или частично в онлайн-пространстве.

Функции креативного компонента:

- способность поиска неординарного решения задач жизнедеятельности с использованием интернет-ресурсов;
- умение осуществления поиска интернет-ресурсов по самообеспечению в процессе разрешения противоречий текущего этапа жизнедеятельности;
- жизнотворчество на основе использования интернет-ресурсов.

Функции ценностно-смыслового компонента:

- осознание смысложизненных ценностей, обеспечивающих самореализацию в киберпространстве;
- принятие актуальных ценностей гражданского общества в условиях цифровизации;
- навыки этического поведения, понимание свободы киберпространства как совокупности владения информацией, компетентного и ответственного ее использования;
- определение смысложизненных перспектив саморазвития за счет синхронизации активности личности в условиях гибридной среды, синтезирующей онлайн- и офлайн-пространства.

Функции рефлексивного компонента:

- самопонимание себя как субъекта киберсоциализации, обладающего активностью, инициативностью и ответственностью;
- самооценка своего уровня киберустойчивости и киберкомпетентности;
- потребность конструктивного имманентного самопреобразования в контексте киберсоциализации;
- осознание проявления психологических защит, проявляющихся в процессе киберсоциализации.

Заключение

В качестве важнейших факторов формирования положительного имиджа образовательных организаций ФСИН России выступают несколько параметров – это качество контента, размещаемого в сети Интернет, компетентность сотрудников, функционально обеспечивающих работу с целевой аудиторией и уровень компетентности киберактивности субъектов образовательной организации. Основными характеристиками качественного контента являются уникальность, полезность, практичность, информативность.

В качестве способов оптимизации развития имиджа образовательной организации для сотрудников служб, обеспечивающих работу с целевой аудиторией, следует признать взаимодействие с общественными организациями, территориальными органами УИС, осуществление интерактивной функции с целевой аудиторией, повышение качества информации и ее презентации при использовании надежных платформ информационных технологий, а также оперативное согласование материалов с руководством

образовательной организации. Формирование имиджа образовательной организации ФСИИ России зависит от частоты распространения информации, а также от уровня СМИ, в которых данная информация размещается.

Не менее важной стороной развития положительного имиджа образовательной организации следует считать особое внимание к вопросам обучения безопасному общению в киберпространстве курсантов образовательных организаций ФСИИ России. Важно отметить, что безопасному общению в киберпространстве нужно обучать и действующих сотрудников учреждений и органов УИС, поскольку их навыки общения в Интернете находятся иногда на еще более низком уровне по сравнению с молодежью. Если курсанты допускают некорректное общение в киберпространстве вследствие несформированности правовых знаний в области будущей профессиональной деятельности, то сотрудники из-за недостаточной компьютерной грамотности, открывая все подряд ссылки с целью научиться пользоваться интернет-ресурсами, могут случайно выйти на запрещенные сайты.

Проявление активности в киберсреде обучающимися способно трансформироваться в киберустойчивость личности только при условии реализации комплексной целенаправленной образовательной деятельности вуза. В настоящее время формирование киберустойчивости субъектов образовательного пространства имеет формы просветительской работы преподавателей, сотрудников отдела по работе с личным составом, курсового звена, кураторов учебных групп, индивидуальных наставников обучающихся. При этом следует отметить фрагментарность этой работы, проявляющуюся в форме реагирования на обнаруженные факты аддиктивного поведения обучающихся в качестве пользователей интернет-ресурсами, требующего дисциплинарных взысканий, вплоть до исключения обучающихся из образовательной организации.

Поскольку уровень компетентности киберактивности всех субъектов образовательной организации оказывает влияние на формирование имиджа образовательной организации, работа по развитию киберкомпетентности должна носить целенаправленный плановый характер и быть включенной в учебный процесс (темы учебных дисциплин, факультативные и элективные курсы, программы профессиональной переподготовки), воспитательную работу (беседы о киберрисках и их профилактирование, конкурсы киберкомпетентности обучающихся и преподавателей, встречи со специалистами в области цифровых технологий по специальностям будущих профессий), психолого-педагогическое сопровождение (диагностика склонностей к киберзависимому поведению и кибераддикциям, коррекция кибераддиктивного поведения, включающая в себя индивидуальную и групповую работу).

Библиографический список

1. Гучанова А. С. Управление созданием имиджа образовательного учреждения // Молодой ученый. 2016. № 24. С. 520–523.
2. Перельгина Е. Б. Имидж как феномен интерсубъектного взаимодействия: содержание и пути развития : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2003. 697 с.
3. Щербакова Т. Н. К вопросу о формировании имиджа образовательного учреждения // Молодой ученый. 2012. № 3. С. 430–434.
4. Лазаренко И. Р. Формирование имиджа образовательного учреждения как управленческое новшество // Педагог: наука, технология, практика. 2000. № 2. С. 39–42.
5. Петрова Е. А. Имиджелогия: избранные труды. М. : РИЦ АИМ, 2011. 202 с.

6. Михайлова О. П., Шепель В. Н. Модели формирования бренда высшего учебного заведения : аналитический обзор // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 4(179). С. 304–312.

7. Аудитория социальных сетей в России. URL : <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii> (дата обращения: 01.12.2020).

8. Родина Л. В. Регламентация поведения сотрудников правоохранительных органов и государственных служащих в социальных сетях как инструмент управления репутацией ведомства // Академическая мысль. 2018. № 2(3). С. 36–39.

9. Новикова Т. Б. Новые информационные технологии в формировании имиджа образовательного учреждения : учеб. пособие. Магнитогорск, 2015.

УДК 343.83

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.25-29

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОНИКАРОВ,
преподаватель кафедры организации режима
и надзора в уголовно-исполнительной системе,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: minrs@yandex.ru

**ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛОВ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ,
СВЯЗАННАЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ ОРУЖИЯ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПЕЦОПЕРАЦИЙ
ПОД РУКОВОДСТВОМ НАЦИОНАЛЬНОГО
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Для цитирования

Поникаров, С. В. Правоохранительная деятельность сотрудников отделов специального назначения территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний, связанная с применением оружия при проведении спецопераций под руководством Национального антитеррористического комитета Российской Федерации / С. В. Поникаров // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 25–29. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.25-29.

Аннотация. В статье рассматривается управленческая, правоохранительная деятельность сотрудников, которые проходят службу в отделах специального назначения при территориальном органе Федеральной службы исполнения наказаний. Данное направление деятельности сопряжено с применением этими субъектами табельного оружия при проведении спецоперации под управлением Национального антитеррористического комитета. Научным результатом представленной статьи стало выявление факторов законного применения оружия сотрудниками пенитенциарного спецназа, а также предложения по совершенствованию действующего законодательства в части проведения указанным спецназом операции под руководством Национального антитеррористического комитета.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, сотрудники спецназа, отделы специального назначения, территориальные органы Федеральной службы исполнения наказаний, Национальный антитеррористический комитет, оружие.

© Поникаров С. В., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

На основании Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1) сотрудники отделов специального назначения территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) применяют табельное оружие с ограничениями: на территориях учреждений, исполняющих наказания, следственных изоляторов (СИЗО); в пределах режимной территории; в охраняемых учреждениях (например, больница для осужденных), а также при конвое (это и есть критерии ограничения). Законодатель в основном предложил территориальный принцип применения оружия. Однако правоохранительная служба указанных сотрудников не ограничивается территорией пенитенциарных учреждений. Возникает вопрос: может ли сотрудник отдела специального назначения территориального органа ФСИН России применять оружие в иных местах?

Такая проблема никогда не обсуждалась в теории управления, а также права. Отсутствуют учебные и научные публикации по данному вопросу. Исключение составляют лишь некоторые публикации [1]. Отметим, что за рубежом сотрудники аналогичных подразделений имеют право использовать оружие за границами пенитенциарного органа. Это обеспечивает безопасность учреждения, исполняющего наказание [2]. Например, иностранные спецназовцы, обслуживающие французские тюрьмы, имеют право на использование табельного оружия [3, 4].

Основными нормативными актами, регулирующими порядок применения мер принуждения (физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия), являются:

- Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;
- Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»;
- Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;
- Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»;
- Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Анализ указанных нормативных актов позволяет однозначно утвердительно ответить на вопрос о том, могут ли сотрудники отделов специального назначения территориальных органов ФСИН России применять огнестрельное оружие, специальные средства и физическую силу при участии в контртеррористических операциях, проводимых под руководством Национального антитеррористического комитета (НАК), то есть за пределами исправительного учреждения. Обоснуем это мнение.

Статья 70 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы“» фиксирует, что сотрудник уголовно-исполнительной системы (УИС) независимо от места нахождения и времени суток обязан предупреждать и пресекать правонарушения. Аналогичная норма закреплена в ст. 26 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1. Указанные статьи обязывают сотрудника реагировать на пресечение правонарушений во всех общественных местах, в том числе при участии в контртеррористических операциях, проводимых под руководством Национального антитеррористического комитета. Действующая редакция ст. 28 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1: «Сотрудники уголовно-исполнительной системы вправе применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие на территориях учреждений, исполняю-

щих наказания, следственных изоляторов, прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, на охраняемых объектах уголовно-исполнительной системы, при исполнении обязанностей по конвоированию и в иных случаях, установленных настоящим Законом». Отметим, что фраза «и в иных случаях» разрешает сотрудникам применять оружие за пределами исправительного учреждения. Данные случаи закреплены в других статьях рассматриваемого Закона.

Да, законодатель предположил принцип территориальности. Однако указанная ст. 28 является отсылочной, то есть отправляет к другим статьям Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1. Например, ст. 31.2 определяет случаи, связанные с применением боевого оружия. Так, сотрудник подразделения специального назначения имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять специальные средства в следующих случаях: 1) для отражения нападения на работников уголовно-исполнительной системы, осужденных, лиц, заключенных под стражу, и иных лиц; 2) для пресечения преступлений; 3) для пресечения массовых беспорядков в учреждении, исполняющем наказания, следственном изоляторе. Это конкретные случаи, не учитывающие принципа территориальности. Таким образом, сотрудники спецназа пенитенциарной системы вправе применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие и в случаях, зафиксированных в ст. 31.2 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1. Вместе с тем интервьюирование прокурорских работников показало: они нередко полагают, что это может привести к расширительному толкованию норм, а следовательно, к злоупотреблениям со стороны сотрудников спецназа УИС.

Спецназ ФСИН России участвует в таком виде правоохранительной деятельности, как контртеррористическая операция, проводимая под руководством НАК. Это право предоставлено им ч. 3 ст. 15 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Часть 6 ст. 15 этого Закона закрепляет положение о том, что участвующие в контртеррористической операции подразделения федеральных органов исполнительной власти применяют боевую технику, оружие и специальные средства в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации. Например, сотрудники отделов специального назначения ФСИН России руководствуются в данном случае специальным законодательством (Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1, Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»). Если в такой операции участвуют специальные подразделения ФСБ России, МВД России (полиции) и Росгвардии, то они применяют оружие также на основании соответствующих нормативных актов на всей территории России.

Однако как быть спецназу территориальных органов ФСИН России? Ведь ч. 1 ст. 28 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 только косвенно разрешает применять оружие вне территории исправительного учреждения (прямого разрешения нет). Полагаем, что в этом случае необходимо руководствоваться ч. 1 ст. 24 (применение оружия гражданами Российской Федерации) Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии». В данной правовой норме нет принципа территориальности. Указанный нормативный акт федерального уровня разрешает гражданам Российской Федерации применять имеющееся у них на законных основаниях оружие для защиты жизни, здоровья, собственности, но только в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Применению оружия должно предшествовать четко выраженное предупреждение об этом лица, против которого применяется оружие, за исключением случаев, когда промедление в применении оружия создает непосредственную опасность для жизни

людей или может повлечь за собой иные тяжкие последствия. При этом применение оружия в состоянии необходимой обороны не должно причинить вред третьим лицам.

Мы полагаем, что необходимо дополнить действующее законодательство и изложить ч. 6 ст. 15 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в следующей редакции: «Участвующие в контртеррористической операции подразделения федеральных органов исполнительной власти применяют боевую технику, оружие и специальные средства в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность Федеральной службы безопасности Российской Федерации». Таким образом, сотрудники отделов специального назначения территориальных органов ФСИН России, которые участвуют в контртеррористических операциях, будут применять оружие в соответствии со ст. 14 (право на применение боевой техники, оружия, специальных средств и физической силы) Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности». Это объясняется тем, что подобные операции проводятся под руководством ФСБ России.

На основе интервьюирования бывших сотрудников правоохранительных органов, осужденных за незаконное применение оружия и отбывающих наказание в ФКУ ИК-3 УФСИН России по Рязанской области (колония строгого режима, в которой содержатся бывшие сотрудники правоохранительных органов), а также на основе анализа приговоров по уголовным делам мы сформулировали три ситуационных условия, которые составляют правовую основу применения оружия. Так, сотрудники, которые применяли на практике оружие, полагали, что достаточно оснований, закрепленных в законе. Однако это не так. Для того чтобы на законных основаниях применить оружие, необходимо реализовать следующие ситуационные условия:

- 1) должны быть юридические основания применения оружия (например, закрепленные в ч. 1 ст. 24 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»;
- 2) следует соблюдать пропорциональность применения оружия (например, в вас стреляют, и вы открываете огонь на поражение);
- 3) угроза жизни и здоровью обязана быть настоящей, а не мнимой (это значит, что сотрудник пострадал или мог пострадать от противоправных действий правонарушителей).

Сотрудники обязательно должны учитывать то, что угроза нападения со стороны правонарушителя должна быть реальной, а не надуманной или абстрактной. Это означает, что, во-первых, физическое лицо в сторону сотрудника УИС направило огнестрельное оружие либо вооруженный осужденный словесно угрожает работнику УИС тем, что выстрелит в него, в свою очередь, сотрудник должен определить, что это действительно огнестрельное оружие, а не какой-нибудь игрушечный пистолет или револьвер; во-вторых, опасным для здоровья по действующему уголовному законодательству и согласно сложившейся судебной практике признается такое насилие, которое повлекло или могло реально повлечь за собой в момент его совершения причинение потерпевшему тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, а также легкого вреда здоровью, вызвавшее кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»). Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утверждены приказом Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н. С точки зрения правомерности (исходя из положений названного приказа) применения огнестрельного оружия нападение нельзя считать опасным для здоровья, когда причиненный вред выражается в поверхностных повреждениях, в том числе ссадина,

кровоподтек, ушиб мягких тканей, поверхностная рана и другие повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности. Такие повреждения расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью.

Значительно сложнее обстоит дело с признанием допустимости применения оружия в случаях, когда нападающий пытается причинить легкий вред здоровью сотруднику (например, при необходимой обороне). В соответствии с упомянутыми Медицинскими критериями (пп. 8.1, 8.2) таким вредом считается временное нарушение функций органов продолжительностью до трех недель (до 21 дня включительно) от момента причинения травмы и незначительная стойкая утрата общей трудоспособности – стойкая утрата общей трудоспособности менее 10 %. Поскольку такой вред опасен для здоровья, применение огнестрельного оружия для его предотвращения (пресечения) не противоречит п. 1 ч. 1 ст. 31.2 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (то есть для защиты себя и (или) иных лиц от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья).

Нередко нападение, опасное для жизни или здоровья сотрудника, может быть невооруженным и состоять в попытках удушения, утопления, сбрасывания с высоты, движущегося транспортного средства, в нанесении сотруднику ударов руками и ногами. При этом нужно исходить из необходимости причинения правонарушителю, по возможности, наименьшего вреда (например, ранение в руку, ногу). Правомерность производства выстрела на поражение в указанных условиях определяется исходя из общих положений правомерности необходимой обороны. Сотруднику нужно руководствоваться ст. 24 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», а также постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Поскольку оружие применяется для защиты, то задача состоит прежде всего в том, чтобы не допустить возможного наступления вреда (предотвратить его наступление). В соответствии с указанным постановлением состояние необходимой обороны «возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, то есть с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния». Отсюда следует, что нападение считается начавшимся уже с момента непосредственной реальной угрозы причинения потерпевшему смерти или серьезного ранения.

Библиографический список

1. Поникаров С. В. Классификация нормативных актов, регулирующих правоохранительную деятельность подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний // *Пенитенциарная наука*. 2019. Т. 13, № 4. С. 552–557.
2. Lobel, O. 2015, 'Interlocking Regulatory and Industrial Relations: The Governance of Workplace Safety', *Administrative Law Review*, vol. 57, iss. 4, pp. 1071–1151.
3. Prelo, M. 2017, *Organisation de la peine judiciaire en France*, Paris.
4. Bordeaux, N. 2019, *Direction d'Etat, autorités de police de la France*, Marcel.

УДК 340

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.30-32

РЕГИНА РАДИКОВНА УМАТКУЛОВА,
адъюнкт,
Уфимский юридический институт МВД России,
г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: reginaum@mail.ru

ПОНЯТИЕ УСМОТРЕНИЯ В ПРАВЕ: ЕГО ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСНОВАНИЯ

Для цитирования

Уматкулова, Р. Р. Понятие усмотрения в праве: его правовая природа и основания / Р. Р. Уматкулова // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 30–32. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.30-32.

Аннотация. В статье рассматривается понятие «усмотрение в праве», его правовая природа и основания, обосновывается необходимость детального изучения усмотрения в праве, исследуются существенные характеристики данного правового явления, указываются отличия между усмотрением в праве и субъективным правом, приводятся основные точки зрения ученых-правоведов, выделяются два подхода к пониманию усмотрения в праве – положительный и негативный. На основании проведенного исследования, анализа научной литературы формулируется определение понятия «усмотрение в праве».

Ключевые слова: усмотрение, усмотрение в праве, норма права, толкование юридических норм, правотворческая техника.

Проблема усмотрения в праве является одной из дискуссионных в российской правовой системе. Особо в теории правовой науки стоит выделить проблему, связанную с отсутствием в научной литературе единого подхода к определению понятия «усмотрение в праве». Неразрешенность на понятийном уровне влечет за собой разногласия в различных сферах юридической практики. В современных условиях во времена активных политических, экономических и социальных преобразований данная проблема не утратила своей значимости и актуальности. Более того, понимание усмотрения в праве и его правовой природы приобретает особое значение, обусловленное постоянными изменениями в системе законодательства, совершенствованием способов правового регулирования отношений, выдвижением новых целей по формированию правового поля государства.

Каждый субъект права так или иначе сталкивается с необходимостью определения своих интересов и осуществления каких-либо действий по своему усмотрению. Итогом

© Уматкулова Р. Р., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

усмотрения в зависимости от его цели и содержания является выбор оптимального решения для субъекта. Если говорить о правоприменительных органах, то в ходе принятия решений предоставляемая им излишняя свобода, безусловно, имеет отрицательные черты, поскольку разнообразие решений негативно сказывается на единообразии правоприменительной практики. В то же время полное исключение возможности усмотрения в праве усложнит процесс претворения в жизнь правовых норм. Законодатель не имеет возможности охватить все разнообразие жизненных ситуаций, да это вряд ли можно признать целесообразным. В связи с этим субъектам правоприменения предоставляется определенная свобода, то есть право на усмотрение при принятии решений.

В отечественной правовой науке можно выделить два подхода к усмотрению – одни выступают за его ограничение, считая его злоупотреблением правом, другие, наоборот, признают усмотрение в качестве важного условия для реализации прав и свобод человека [3, с. 34]. В связи с этим представляется целесообразным определить, какой смысл (позитивный или негативный) вкладывается в понятие усмотрения в праве.

В научной литературе в работах различных авторов можно увидеть отрицательное отношение к возможности усмотрения в праве. Например, И. Т. Посошков предлагает свести к минимуму элемент усмотрения, а вместо него принимать новые совершенные законы, более детально регулирующие общественные отношения [1]. В. В. Демидов утверждает, что возможность выбора варианта поведения, а тем более принятие правоприменительных актов по усмотрению является проявлением правового нигилизма [2]. Если рассмотреть позицию сторонников позитивного отношения к усмотрению, то мы видим, что для них возможность действовать по своему усмотрению является проявлением свободы. Кроме того, отмечается, что весьма сложно предусмотреть многообразие ситуаций и факторов, которые могут на них повлиять, а значит, при применении норм права сложно избежать усмотрения [4, с. 13]. Если говорить о сложившейся в России юридической практике, то единое отношение к усмотрению в праве в ней также не сформировалось. При этом практикующие юристы оценивают возможность усмотрения едва ли не как основную причину отрицательных процессов правовой жизни общества, например, возможность должностного лица принимать решение по своему усмотрению считают коррупциогенным фактором. В связи с этим позиции лиц, сталкивающихся с проблемами правоприменения, сводятся к необходимости ограничения возможности усмотрения в праве.

Под усмотрением в правовой литературе понимается право либо полномочие на выбор варианта поведения. Однако стоит отметить, что наличие у субъекта права не означает, что оно будет реализовано и выбор будет сделан. Если при определении понятия «усмотрение» сделать акцент на результат, а именно на выраженное определенным способом мнение субъекта по вопросу, то станет очевидным различие между правом, которое предоставляется субъекту (субъективным правом), и усмотрением. Субъективное право представляет собой возможность выбрать вариант поведения, в то время как усмотрение – это уже совершенное действие, то есть реализованное субъектом право.

В качестве примера рассмотрим установленную гражданским законодательством возможность собственника распоряжаться своим имуществом. Субъективным правом в данном случае будет являться возможность совершать с имуществом любые, установленные законодательством действия (продажа, дарение и т. п.). Совершение акта дарения имущества другому лицу при этом будет являться уже усмотрением собственника. Усмотрение в праве в обязательном порядке должно быть реализовано с соблюдением правовых предписаний, то есть юридическим усмотрением нельзя признать соверше-

ние субъектом выбора вне сферы действия правовых норм. Усмотрение в праве может находить свое выражение исключительно в правовом поведении субъекта.

Особо важно обратить внимание на то, что поставленный вопрос должен находиться в сфере действия права и усмотрением в праве будет являться только решение, имеющее юридическое значение, которое повлечет за собой определенные правовые последствия. Принимаемое в рамках усмотрения решение должно являться результатом интеллектуально-волевой деятельности субъекта. Субъект должен нести ответственность (позитивную или негативную) за принимаемое им решение. Возможность субъекта руководить своими действиями и осознавать характер принимаемых решений является выражением интеллектуально-волевого аспекта личности. В связи с этим, если субъект принимал решение под давлением либо не понимал смысл совершаемых действий, такое решение не является усмотрением [5, с. 81].

На основании изложенного усмотрение в праве следует определить как интеллектуально-волевою деятельность субъекта права, реализуемую в рамках правовых предписаний, направленную на выбор оптимального решения в сложившейся ситуации, а также результат такой деятельности.

Библиографический список

1. Баскин Ю. Я., Корнев А. В., Лазарев В. В., Липень С. В. История государственно-правовых учений : учебник. URL : <http://lawlibrary.ru/izdanie2515.html> (дата обращения: 24.11.2021).
2. Демидов В. В. Законность в современном Российском государстве : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 169 с.
3. Оносов Ю. В. К вопросу о понятии усмотрения в праве // Право и политика. 2019. № 10. С. 32–39.
4. Оносов Ю. В. О комплексном подходе к исследованию усмотрения в праве // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17, № 1. С. 11–16.
5. Скударнов А. С. Усмотрение при применении права // Евразийский юридический журнал. 2018. № 9(124). С. 79–83.

УДК 343.13

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.33-40

РОМАН ГЕННАДЬЕВИЧ КУЗЬМИН,

заместитель руководителя контрольно-следственного отдела,

Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации

по Амурской области; аспирант,

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,

г. Благовещенск, Российская Федерация,

e-mail: ronnie1979@mail.ru

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ПРОКУРОРОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СЛЕДОВАТЕЛЮ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ

Для цитирования

Кузьмин, Р. Г. Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и других государств / Р. Г. Кузьмин // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 33–40. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.33-40.

Аннотация. Статья посвящена проблеме правового регулирования в российском уголовном процессе дискреционных полномочий прокурора по возвращению уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия и устранения выявленных недостатков, поскольку в законе содержатся лишь рамочные и недостаточно конкретизированные основания для принятия прокурором решения о возвращении уголовного дела следователю. Сравнение указанного института с соответствующими законами ряда зарубежных стран позволило выявить его недостатки, мешающие более эффективной работе правоохранительной системы. В статье содержатся предложения по конкретизации законодательства, в частности, приводится перечень возможных оснований для принятия прокурором решения о возвращении уголовного дела следователю.

Ключевые слова: полномочия прокурора, возвращение уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, основания возвращения уголовного дела прокурором, письменные указания прокурора, достаточность доказательств, повышение качества расследования.

© Кузьмин Р. Г., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Процесс расследования преступления не может протекать бесконечно. Целью производства по уголовному делу является окончание собирания доказательств при их достаточности, завершение предварительного следствия и принятие лицом, производящим расследование, окончательного процессуального решения по уголовному делу.

Система органов государственной власти, которым поручено досудебное производство предварительного расследования по уголовным делам, существует в отечественном уголовно-процессуальном законе в той или иной характерной для определенного времени степени модернизации уже три столетия. Одной из наиболее распространенных в следственной практике форм окончания предварительного расследования всегда являлось направление уголовного дела в суд для дальнейшего судебного разбирательства и постановления приговора – итог работы правоохранительной системы по обеспечению прав и законных интересов граждан, общества и государства.

Должностные лица, производящие предварительное следствие по уголовным делам, наделены законом необходимой компетенцией по осуществлению предварительного следствия по уголовному делу, в том числе уполномочены возбуждать уголовные дела и самостоятельно направлять ход расследования (ст. 38 УПК РФ). При этом следователи сами выбирают тактику и методику производства следственных действий и на основе полученных доказательств принимают окончательное процессуальное решение по уголовному делу.

На первый взгляд следственные органы наделены независимыми процессуальными полномочиями и юридически не подчиняются надзорному органу – прокуратуре, которая в настоящее время впервые за всю историю своего развития не имеет прямых полномочий по направлению процесса расследования уголовного дела, в том числе путем дачи указаний о проведении конкретных процессуальных действий. По существу, единственным реальным рычагом воздействия на орган предварительного следствия во время собирания доказательств в целях корректировки курса расследования у прокуратуры является внесение представлений об устранении выявленных нарушений закона. Однако на начальном и завершающем этапах производства по уголовному делу надзорный орган имеет существенные полномочия по контролю работы органов предварительного следствия. Так, согласно ч. 4 ст. 146 УПК РФ прокурор вправе признать постановление о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным. УПК РФ хотя и уполномочил следователя самостоятельно осуществлять ход расследования уголовного дела, но не наделил компетенцией направлять его в суд – это обязанность прокурора.

Согласно ч. 6 ст. 220 УПК РФ после подписания следователем обвинительного заключения уголовное дело с согласия руководителя следственного органа направляется прокурору, который проверяет законность проведения следственных и иных процессуальных действий, достаточность собранных доказательств и принимает решение в соответствии со ст. 221 УПК РФ: либо утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд, либо возвращает уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия со своими письменными указаниями о производстве конкретных следственных действий. Это единственная предусмотренная законом обязанность прокурора дать следователю письменные указания.

УПК РФ содержит 4 основания для принятия прокурором решения о возвращении уголовного дела следователю: необходимость изменения объема обвинения, пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков, а также неправильная квалификация действий обвиняемых. Такие довольно общие основания являются благодатной почвой для использования рычага давления на должностных

лиц органа предварительного следствия, например, в целях направления хода расследования уголовного дела по «нужному» руслу, в том числе прекращения уголовного преследования конкретного лица. Отсутствие более конкретных оснований для возвращения уголовного дела следователю дает возможность работникам органа надзора использовать субъективное понимание «неполноты» следствия для реализации своих поводов не направлять уголовное дело в суд.

Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Однако понимание достаточности также зависит от точки зрения конкретного прокурора, решающего судьбу уголовного дела. Обобщив практику возвращения уголовных дел прокурорами Амурской области за 2019–2021 гг., можно привести следующие примеры достаточно спорных оснований, послуживших поводами для возвращения прокурорами уголовных дел следователю: в обвинительном заключении не указано наличие у обвиняемого малолетнего ребенка и сведения о привлечении к уголовной ответственности в 1990 г.; CD-диски необоснованно признаны вещественными доказательствами; изъятые деньги не сданы в финансовую организацию; не рассмотрены ходатайства о вызове в суд эксперта и следователя; в заключении экспертизы не указано, производилось ли фотографирование повреждений на трупе, и к заключению не приобщена фототаблица; в обвинении излишне приведены нормы федерального законодательства; обвиняемый не уведомлен о продлении срока предварительного следствия; в явке с повинной неверно указана дата преступления; обвиняемый не допрошен о результатах расследования трудовой комиссией несчастного случая; не установлено место регистрации потерпевшего и обвиняемого; не получено письменное согласие свидетеля на проведение судебно-медицинской экспертизы; к материалам уголовного дела не приобщены документы, подтверждающие родство потерпевшего с погибшим, копия процессуального решения о проверке сообщения по выделенным в отдельное производство материалам, сведения об устранении юридическим лицом выявленных нарушений, заключение служебной проверки в отношении сотрудника полиции и т. п. (архив СУ СК России по Амурской области, 2019–2021 гг.).

Представляется сомнительным, что устранение в ходе дополнительного следствия подобных недостатков в конечном итоге отразится на полноте следствия с точки зрения достаточности доказательств, может каким-либо образом повлиять на рассмотрение уголовных дел в суде по существу или стать поводом к их возвращению судом в порядке ст. 237 УПК РФ. Как показывает следственная практика, не всегда выраженное в постановлении о возвращении уголовного дела следователю мнение прокурора относительно дальнейшей судьбы уголовного дела объективно. Об этом, в частности, свидетельствуют факты отмены вышестоящими прокурорами части решений прокуроров о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия как необоснованных и незаконных. Так, в 2021 г. следователям Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Амурской области в порядке ст. 221 УПК РФ возвращено на дополнительное расследование 15 уголовных дел. Из них обжаловано следователем и участниками уголовного судопроизводства 8 постановлений прокуроров. По результатам рассмотрения жалоб отменено 3 постановления. В частности, заместителем прокурора Амурской области отменено постановление нижестоящего прокурора о возвращении уголовного дела по обвинению гражданина И. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поскольку мнение прокурора о необходимости прекращения уголовного

дела ввиду малозначительности деяния (хищение имущества стоимостью 1200 руб.) не основано на законе, так как не принято во внимание, что совершена квалифицированная кража с незаконным проникновением в жилище потерпевшего, и стоимость похищенного имущества в данном случае значения не имеет (постановление прокурора Октябрьского района Амурской области от 13 августа 2021 г. о возвращении уголовного дела № 12101100013000010 для производства дополнительного следствия и заместителя прокурора Амурской области от 25 августа 2021 г. об отмене постановления нижестоящего прокурора // Архив СУ СК России по Амурской области, 2021 г.).

Таким образом, существующая следственная практика показывает, что институт возвращения прокурором уголовного дела следователю, закрепленный в отечественном законодательстве, нельзя признать завершённым и не требующим корректировки. С учетом того что компетенцией возвращения уголовного дела следователю наделены и прокуроры некоторых других стран, целесообразно изучить соответствующий зарубежный опыт и провести сравнительный анализ для возможного выявления недостатков, присущих этому институту в нашей стране, которые мешают более эффективной работе правоохранительной системы в целом.

В странах, где при осуществлении предварительного расследования прокурор прямо руководит данным процессом, контролируя следователей в постоянном режиме, внедрение института возвращения уголовного дела на дополнительное расследование не произошло. В основном рассматриваемая компетенция прокурора характерна для стран, ранее входивших в состав СССР. При сравнительном анализе прежде всего интересен выбор законодателя по утверждению перечня оснований для возвращения прокурором уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия.

Так, уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь 1999 г., как и российский закон, содержит лишь общие основания для возвращения уголовного дела следователю – прокурор обязан вернуть уголовное дело следователю со своими письменными указаниями для производства дополнительно предварительного расследования, а также для предъявления нового обвинения в случае необходимости его дополнения, изменения на более тяжкое или на существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения либо для составления нового постановления, если составленное по делу не соответствует установленным законом требованиям (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958).

В уголовном процессе Украины прокурор фактически руководит предварительным расследованием, имеет полный доступ к материалам, документам и иным сведениям, касающимся досудебного расследования, дает обязательные к исполнению указания следователю. Какая-либо отдельная норма закона Украины не регламентирует институт возвращения уголовного дела следователю. Однако в ст. 36 Уголовного процессуального кодекса Украины содержится положение о том, что прокурор может отказать в утверждении обвинительного акта (Уголовный процессуальный кодекс Украины. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178). Оснований, по которым прокурор может отказать в утверждении обвинительного акта, не приводится.

Согласно ст. 292 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова возвращение прокурором уголовного дела следователю осуществляется на основании постановления, в котором указываются процессуальные действия, которые должны быть осуществлены или изменены, деяния и обстоятельства, которые подлежат установлению, средства доказывания, которые подлежат применению, и устанавливается срок

уголовного преследования (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729).

Статья 226 Уголовно-процессуального кодекса Эстонии закрепляет полномочия прокурора при ознакомлении с материалами уголовного дела удостовериться в том, что собраны необходимые доказательства. После этого прокурор сам составляет обвинительный акт (Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. URL : https://www.legislationline.org/download/id/6463/file/Estonia_CPC_as_of_2005_ru.pdf). Конкретной нормы о порядке возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования в законе Эстонии не содержится, однако с учетом изложенного такой компетенцией прокурор, несомненно, наделен.

Более детально основания возвращения уголовного дела закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан 2014 г. Согласно ст. 301 и 302 Кодекса прокурор изучает поступившее с обвинительным актом уголовное дело и проверяет: имело ли место деяние и содержит ли это деяние состав уголовного правонарушения; нет ли в деле обстоятельств, влекущих за собой его прекращение; правильно ли квалифицировано деяние подозреваемого; подтверждается ли инкриминируемое лицу деяние имеющимися в деле доказательствами; по всем ли установленным уголовно наказуемым деяниям лицо признано подозреваемым; приняты ли меры для привлечения к уголовной ответственности всех лиц, в отношении которых по делу добыты доказательства о совершении ими уголовных правонарушений; правильно ли избрана мера пресечения и нет ли в деле оснований для ее изменения либо отмены; приняты ли меры обеспечения гражданского иска и возможной конфискации имущества; связано ли имущество подозреваемого, обвиняемого с уголовным правонарушением, являющимся основанием для возможной конфискации, и представлены ли доказательства относимости данного имущества к предмету конфискации; не допущены ли в производстве досудебного расследования существенные нарушения уголовно-процессуального закона; приняты ли органом уголовного преследования меры по установлению сумм процессуальных издержек и других сумм для обеспечения их взыскания судом; имеются ли основания для заключения процессуального соглашения. В случае выявления нарушений прокурор уполномочен направить уголовное дело лицу, осуществляющему досудебное расследование, для производства дополнительного расследования (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL : https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852).

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан сохранился примерно в том виде, в каком существовал уголовный процесс нашей страны до принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации”», когда произошла реформа российского уголовного процесса – перераспределение полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, направленное на повышение независимости органов предварительного расследования и значительное снижение степени влияния прокурора на ход расследования уголовного дела, в частности, утрата компетенции по даче письменных указаний следователю (за исключением случая возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования). «Все это означает сужение полномочий прокурора, расширение полномочий руководителя следственного органа и одновременно укрепление процессуальной независимости следователя. Таким образом, перераспределение полномочий между прокурором и начальником следственного органа по Федеральному закону от

5 июня 2007 г. произошло явно в пользу руководителя следственного органа. Прокурор перестал быть процессуальным руководителем предварительного следствия...» [1, с. 72].

Согласно ст. 382 УПК Республики Узбекистан прокурор обладает большими полномочиями при осуществлении надзора за следственными органами, в том числе возвращает дела органам предварительного следствия со своими указаниями о производстве дополнительного расследования при выявлении нарушений (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101). Перечень оснований возвращения уголовного дела схож с основаниями, предусмотренными аналогичным законом Казахстана.

По такой же конструкции сформированы и положения Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения. Согласно ст. 273 Кодекса прокурор изучает поступившее от следователя дело с обвинительным заключением, чтобы проверить его на предмет соответствия 11 критериям, в том числе: доказано ли деяние, вменяемое обвиняемому; привлечены ли в качестве обвиняемых все участвовавшие в преступлении лица; приняты ли меры обеспечения гражданского иска. Прокурор может вернуть дело следователю со своими указаниями для производства дополнительного следствия или пересоставления обвинительного заключения (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. URL : https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7460).

По Уголовно-процессуальному кодексу Грузии прокуратура является органом уголовного преследования, она осуществляет процессуальное руководство следствием. Следователь обязан выполнять указания прокурора в связи с расследованием уголовного дела (ст. 37) (Уголовно-процессуальный кодекс Грузии. URL : <http://jurytrial.ru/media/files/library/file895.pdf>). При этом уголовный процесс Грузии не предусматривает такое полномочие прокурора, как возвращение уголовного дела следователю.

Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики также наделил прокурора компетенцией по осуществлению процессуального руководства предварительным расследованием. Согласно ст. 290 Кодекса прокурор изучает поступившее вместе с обвинительным актом уголовное дело с целью проверки имеющих значение для дела обстоятельств и может вернуть уголовное дело следователю со своими указаниями для производства дополнительного предварительного следствия (Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280). При этом, как в Казахстане и Узбекистане, закон Азербайджана содержит конкретный перечень процессуальных действий, наличие которых в материалах поступившего уголовного дела должен проверить прокурор.

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики также относит прокурора к участнику уголовного процесса, наделенного руководящими функциями для органа предварительного расследования. Прокурор обязан при изучении поступившего с обвинительным актом уголовного дела проверить, имело ли место деяние, в чем подозревается лицо, наличие в деле обстоятельств, влекущих за собой его прекращение, обоснованность подозрения в совершении преступления, правильность квалификации деяния и другие значимые обстоятельства. Согласно ст. 253 УПК Кыргызской Республики прокурор вправе вернуть дело следователю со своими письменными указаниями для производства дополнительных следственных действий с указанием срока на их проведение, который не должен превышать 15 дней (Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326). Таким образом, прокурор в Кыргызстане не только дает конкретные указания при возвращении уголовного дела следователю, но и устанавливает срок для их исполнения.

Схожими полномочиями обладают прокуроры Республики Таджикистан и Туркменистана, которые обязаны изучить поступившее с обвинительным заключением уголовное дело, проверить законность выполнения процессуальных действий и их полноту, сопоставив их с перечнем, указанным в законе, и могут вернуть дело следователю со своими письменными указаниями для производства дополнительного следствия или пересоставления обвинительного заключения (ст. 247, 248 и 325, 326 уголовно-процессуальных кодексов Республики Таджикистан и Туркменистана) (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304; Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана. URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31344376).

По Уголовно-процессуальному кодексу Китайской Народной Республики расследование уголовных дел проводится органами общественной безопасности, а наиболее сложных дел – прокуратурой. При рассмотрении дела, требующего дополнительного расследования, Народная прокуратура может вернуть его в орган общественной безопасности для дополнительного расследования. Дела, по которым проводится дополнительное расследование, должны быть закончены в течение одного месяца. Дополнительное расследование может быть проведено не более двух раз (Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики. URL : <https://www.mfa.gov.cn/ce/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330729.htm>).

Проанализировав специфику существующего в нашем государстве и ряде зарубежных стран института возвращения прокурором уголовного дела следователю на завершающей стадии досудебного уголовного судопроизводства, можно сделать вывод о том, что в основном дискреционные полномочия прокурора по возвращению уголовного дела на дополнительное расследование в законодательстве зарубежных стран схожи, за исключением небольших отличий: в некоторых государствах законодатель предоставил прокурору больше самостоятельности в принятии указанного решения (Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Молдова, Китайская Народная Республика); в других – прокурору строго указано, какие основания являются достаточными для возвращения дела (Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Азербайджан, Узбекистан, Кыргызстан). При этом повсеместно прокурор наделен обязанностью при возвращении уголовного дела давать письменные указания о проведении конкретных процессуальных действий по устранению выявленных недостатков.

Как верно отметила в своем компаративистском исследовании кандидат юридических наук К. А. Таболина, «...как правило, деятельность прокурора представляет собой надзор либо уголовное преследование либо сочетание надзорной деятельности и уголовного преследования, при этом для большинства государств – участников СНГ характерна двойственность полномочий прокурора, включающая в себя надзорное начало и уголовное преследование. Во многих государствах деятельность прокурора заключается также в процессуальном руководстве расследования уголовного дела» [2, с. 1082]. Однако лишь в Российской Федерации прокурор процессуально ограничен в возможностях прямо руководить работой органа предварительного следствия при расследовании уголовного дела и осуществлять постоянную корректировку работы следователя, в том числе путем дачи письменных указаний. Представляется целесообразным закрепить в УПК РФ более расширенного и строго исключительного перечня оснований для возвращения уголовного дела следователю. Это может способствовать повышению качества расследования, соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства и совершенствованию организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия.

О том, что отечественный уголовно-процессуальный закон недостаточно уделил внимания регламентации дискреционных полномочий прокурора в указанной сфере, свидетельствует и тот факт, что приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» утверждены конкретные руководящие начала для прокуроров при осуществлении надзора за работой следователей. Так, согласно п. 1.14 указанного приказа надзирающему прокурору при изучении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением, необходимо проверять соответствие выводов следователя установленным в ходе расследования обстоятельствам дела, достаточность собранных доказательств, правильность квалификации содеянного, соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных и иных процессуальных действий, обеспечение реализации права на защиту, своевременность рассмотрения заявленных по делу ходатайств, разъяснение в случаях, предусмотренных п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ, права на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, соблюдение при назначении и производстве судебных исследований и экспертиз требований уголовно-процессуального закона, в том числе касающихся обеспечения принципа независимости эксперта, а также его компетентности, включая наличие аттестации на право самостоятельного производства экспертизы, проведенной в порядке, установленном соответствующими федеральными органами исполнительной власти, и лицензии, если этого требуют действующие нормативные правовые акты в сфере судебно-экспертной деятельности. В случае установления обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, отсутствия достаточных доказательств виновности обвиняемого, неправильной квалификации содеянного, неполноты проведенного предварительного расследования прокурор возвращает уголовное дело следователю для дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого или пересоставления обвинительного заключения и устранения иных выявленных недостатков, при этом постановление прокурора должно быть аргументированным, содержащим сведения о допущенных нарушениях, подлежащих устранению.

Более конкретный перечень оснований возвращения уголовного дела следователю для устранения выявленных недостатков целесообразно было бы закрепить и в УПК РФ. В частности, можно указать такие причины возвращения уголовного дела следователю, как: неустановление (недоказанность) события преступления или отсутствие в деянии состава преступления; неправильная квалификация деяния или непривлечение к уголовной ответственности всех лиц, в отношении которых имеются достаточные доказательства их участия в совершении преступления; существенные нарушения прав и законных интересов обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика; несоблюдение правил подследственности уголовных дел, а также соединения и выделения дела; несоответствие обвинительного заключения требованиям закона.

Библиографический список

1. Колесников О. В. Перераспределение полномочий между прокурором и руководителем следственного органа по Федеральному закону от 5 июня 2007 года // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 3. С. 70–72.
2. Таболина К. А. Особенности уголовно-процессуальной деятельности прокурора в досудебном производстве в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6. С. 1076–1083.

УДК 343.823"1941/1946"

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.41-47

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КУТЯКИН,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры административного и финансового права,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: kutiakin@yandex.ru

ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВКЛАДА В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ТРУДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ И ЛИЦ, МОБИЛИЗОВАННЫХ В РАБОЧИЕ КОЛОННЫ ГУЛАГА НКВД СССР

Для цитирования

Кутякин, С. А. Историко-документальный анализ вклада в Победу в Великой Отечественной войне труда заключенных и лиц, мобилизованных в рабочие колонны ГУЛАГа НКВД СССР / С. А. Кутякин // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 41–47. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.41-47.

Аннотация. В статье исследуется деятельность ГУЛАГа НКВД СССР по выполнению задач Советского правительства, направленных на обеспечение нужд государства, прежде всего Красной Армии, человеческими и материальными ресурсами. Проводится экскурс в историю ГУЛАГа НКВД СССР времен Великой Отечественной войны, для чего исследуются архивные документы и другие материалы, посвященные деятельности ГУЛАГа. Цель исследования заключается в том, чтобы осветить вклад ГУЛАГа НКВД СССР в лице заключенных и лиц, мобилизованных в рабочие колонны, в Победу в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: ГУЛАГ НКВД СССР, Великая Отечественная война, производственно-хозяйственная деятельность ГУЛАГа НКВД СССР, заключенные, рабочие колонны при лагерях ГУЛАГа НКВД СССР, трудармейцы, Победа в Великой Отечественной войне.

В годы Великой Отечественной войны вся наша страна в силу объективных причин была разделена на три части: тыл, фронт и оккупированные территории. Эти слова не только прочно вошли в лексический обиход обычных граждан, но и закрепились в канцелярском обороте различного рода служебных документов от местного до общегосударственного уровня. Война потребовала всеобщей мобилизации и перестройки всей работы тыла с учетом интересов фронта и задач организации разгрома немецко-

© Кутякин С. А., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

фашистского агрессора. Свою лепту в дело Победы над врагом внесло и Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР (ГУЛАГ) как одно из крупнейших военизированных подразделений тыла, обладавшее значительными человеческими и производственными ресурсами. По справедливому замечанию В. Бердинских, лагерная экономика являлась важнейшей опорой социалистической экономики [1, с. 4–5].

В годы войны вся оперативная и производственно-хозяйственная деятельность ГУЛАГа была направлена: на расширение объемов производства боеприпасов и специальной тары для их хранения и транспортировки (спецукупорка), которая производилась из пиломатериала, полученного за счет собственных лесозаготовок; обеспечение рабочими кадрами из числа заключенных важнейших оборонных предприятий и возводимых оборонных объектов; обеспечение надлежащего состояния здоровья заключенных и их максимальное трудовое использование; увеличение собственных продовольственных ресурсов путем создания и расширения подсобных хозяйств и специализированных сельскохозяйственных лагерей, организации сбора грибов, ягод и других даров природы; укрепление режима содержания заключенных и противодействие антисоветским проявлениям в их среде.

По состоянию на 1 июля 1944 г. в непосредственном подчинении ГУЛАГа находилось 56 исправительно-трудовых лагерей. ГУЛАГ осуществлял руководство 69 республиканскими, краевыми, областными управлениями и отделами исправительно-трудовых лагерей и колоний, входящих в состав территориальных НКВД–УНКВД.

Возникшая в первые месяцы войны острая потребность в комплектовании личным составом частей Красной Армии была обусловлена беспрецедентно большими потерями среди личного состава. По некоторым данным, в первые полгода войны потери среди живой силы составили около трети от общего числа потерь за всю войну. Большинство из этих потерь составляли лица, попавшие в плен либо пропавшие без вести [4]. В связи с этим по представлению НКВД СССР Президиумом Верховного Совета Союза ССР 12 июля 1941 г. был издан Указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений». Согласно этому нормативно-правовому акту из мест лишения свободы подлежали освобождению: лица, осужденные за нетяжкие преступления бытового характера, которым оставалось отбывать менее одного года лишения свободы; лица, осужденные за нарушения трудовой дисциплины, выразившиеся в самовольном уходе с рабочего места (кроме ранее судимых лиц); лица, совершившие на производстве мелкие кражи или хулиганские действия (за исключением лиц, осужденных за злостное хулиганство); впервые осужденные женщины, имеющие малолетних детей или находящиеся в состоянии беременности (за исключением женщин, осужденных за преступления контрреволюционного характера и бандитизм); бывшие учащиеся школ фабрично-заводского образования, железнодорожных и ремесленных училищ, осужденные за нарушения дисциплины или самовольный уход с места учебы. Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 24 ноября 1941 г. распространил действие Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 12 июля 1941 г. на следующие категории осужденных: бывшие военнослужащие, осужденные до начала Великой Отечественной войны за совершение нетяжких должностных, хозяйственных и воинских преступлений; несовершеннолетние лица.

Согласно этим указам освобождаемые лица подлежали передаче в военные комиссариаты с целью пополнения рядов действующей армии. В лагерях НКВД военными комиссариатами создавались специальные комиссии для организации проверки таких лиц. В состав этих комиссий входили и специально откомандированные работ-

ники прокуратуры. По состоянию на 1 апреля 1942 г. из общего числа освобожденных передано в военкоматы 82 104 бывших заключенных призывного возраста. Среди них: 3439 артиллеристов, 1268 танкистов, 290 летчиков, 635 зенитчиков, 532 радиста, 304 автотехника, 258 связистов, 252 специалиста по ремонту и обслуживанию авто- и бронетехники, 157 моряков-подводников, 135 водителей автотранспорта, 90 пулеметчиков, 85 десантников-парашютистов, 68 специалистов минно-подрывного дела, 52 мотоциклиста, 39 прожектористов, 36 политработников, 24 инженера, 22 военврача (письмо и. о. прокурора СССР Г. Н. Сафонова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву «Об освобождении некоторых категорий заключенных согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. „Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений”»). URL : <https://stalinism.ru/po-zakonom-voennogo-vremeni/pismo-i-o-prokurora-sssr-g-n-safonova-sekretaryu-tsk-vkp-b-a-a-andreevu-ob-osvobozhdenii-nekotorykh-kategorij-zaklyuchennykh-soglasno-ukaza-prezidiuma-verkhovnogo-soveta-sssr-ot-12-iyulya-1941-g-ob-osvobozhdenii-og-nakazaniya-osuzhdennykh-po-nekotorym-kat.html>). Кроме того, получила широкое распространение практика отсрочки исполнения приговоров суда в связи с отправкой осужденных в боевые части Красной Армии. Это повлекло за собой значительное сокращение численности заключенных в исправительно-трудовых лагерях и исправительно-трудовых колониях ГУЛАГа.

По данным отдела учета и распределения заключенных (ОУРЗ) ГУЛАГа к началу войны в исправительно-трудовых лагерях и исправительно-трудовых колониях содержалось 2 290 845 заключенных. К 1 января 1942 г. их численность снизилась на 22,5 % составляла 1 707 043 заключенных (или 77,5 % от численности заключенных на начало войны); к 1 января 1943 г. – 1 484 182 чел. (или 64,8 %); к 1 января 1944 г. – 1 179 819 чел. (или 51,5 %); к 1 января 1945 г. – 1 460 677 заключенных (или 63,7 %) (справка ОУРЗ ГУЛАГ НКВД СССР от 10 марта 1945 г. «Об основных показателях работы отдела за 1941–1945 гг.» // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1 Д. 330. Л. 56–59, 61–62). Таким образом, ряды Красной Армии пополнили 1 068 800 бывших заключенных и подследственных, переданных в действующую армию во исполнение решений Советского правительства и судебных органов.

Истории известны имена множества бывших заключенных, проявивших героизм и мужество в годы Великой Отечественной войны и удостоенных высших государственных наград СССР, включая звание Героя Советского Союза. К сожалению, формат статьи не позволяет назвать все имена. Вот лишь некоторые из них.

А. Матросов 27 февраля 1943 г. героически погиб в бою у деревни Чернушки Псковской области. Ценою своей жизни, когда закончились боеприпасы, способствовал выполнению боевой задачи подразделения, закрыв собою амбразуру вражеского дзота, чем спас своих фронтовых товарищей.

А. Отставнов 26 сентября 1943 г. в составе возглавляемого им подразделения форсировал реку Днепр. Обороняя наблюдательный пункт полка, отразил атаку немецкой бронетехники, лично подбив вражеский бронетранспортер.

В. Бреусов 15 августа 1943 г. при штурме высоты, будучи пулеметчиком, выдвинулся вперед и обеспечил ее захват, уничтожив при этом из своего пулемета несколько вражеских солдат.

И. Сержантов, будучи летчиком-истребителем, совершил 258 боевых вылетов, лично сбил 13 самолетов противника. Погиб в воздушном бою 29 апреля 1943 г.

Однако отток трудоспособного лагерного населения в действующую армию привел к тому, что многие лагеря НКВД СССР перестали справляться с выполнением своих производственных задач и ставившимися перед ними правительственными заданиями.

В частности, лагеря Главного управления железнодорожного строительства НКВД СССР, дислоцированные в регионах Архангельской области и Коми АССР (Печорлаг, Севжелдорлаг, Ухтижемлаг, Севдвинлаг, Воркутлаг) вследствие освобождения и направления в воинские части и строительные батальоны указанных категорий лиц стали испытывать острый дефицит рабочей силы [3, с. 194]. Данная проблема решалась при помощи создания так называемых рабочих колонн при лагерях ГУЛАГа.

Институт рабочих колонн был известен еще со времен Гражданской войны и являлся составной частью трудовой армии. Трудовая армия представляла собой военизированное формирование мобилизованных через военные комиссариаты мужчин и женщин. Структурно трудовая армия состояла из рабочих отрядов, рабочих колонн, рабочих батальонов [2, с. 9–49]. Основной целью трудовой армии являлось обеспечение реализации института трудовой повинности определенных категорий граждан. Однако в официальных документах военных лет 1941–1945 г. термин «трудовая армия» не встречается, в отличие от термина «рабочие колонны» (письмо заместителя наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышова заместителю наркома обороны СССР Е. А. Щаденко «Об оставлении в распоряжении НКВД рабочих колонн, образованных из освобожденных заключенных» от 12 февраля 1942 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 35. Л. 228–229).

Рабочие колонны НКВД СССР формировались:

- из бывших осужденных, отбывавших наказание в лагерях НКВД СССР и освобожденных по окончании срока наказания;
- этнических немцев, имевших советское гражданство, в том числе бывших военнослужащих Красной Армии, отмобилизованных из ее рядов в рабочие колонны НКВД СССР;
- граждан СССР других национальностей, принадлежащих к титульным нациям воюющих с СССР стран (итальянцы, финны, венгры, румыны, болгары);
- иных «этнически неблагонадежных» граждан.

Всего в военный период в рабочих колоннах НКВД СССР находилось 150 300 чел., из них: 31 600 бывших заключенных, осужденных за прогулы, самовольное покидание места работы и преступления небольшой степени тяжести; 92 000 этнических немцев, граждан СССР; 2400 финнов; 3200 румын; 300 венгров; 100 итальянцев; 4500 болгар; 3200 греков; 1000 корейцев; 5000 крымских татар; 1700 калмыков; 800 молдаван; 4500 лиц прочих национальностей (справка ОУРЗ ГУЛАГа от 10 мая 1945 г. «О национальном составе заключенных в рабочих колоннах» // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1227).

Рабочие колонны, состоявшие из бывших заключенных, организационно входили в состав тех лагерей ГУЛАГа, откуда эти лица были освобождены. В целом рабочие колонны выполняли задания правительства на самых сложных и тяжелых участках: в горнодобывающей промышленности, на лесозаготовках, на стройках. В обязанности НКВД входило обеспечение лиц, трудящихся в составе рабочих колонн, жилыми помещениями, питанием, обмундированием, постельными принадлежностями. Однако на местах изыскать эти ресурсы, как правило, не было возможности. В силу этого фактическое положение трудармейцев было нередко хуже, чем у заключенных, содержащихся в лагере. Из текста телеграммы начальника УНКВД Чкаловской области В. И. Дмитриенко на имя заместителя наркома внутренних дел Б. З. Кобулова о продовольственном снабжении и жилищно-бытовых условиях спецпереселенцев-немцев, отправленных на строительство трестов Азнефтегазстрой и Бугурусланнефть, следует, что жилищно-бытовые условия мобилизованных немцев являлись исключительно плохими. Некоторые жилые бараки не оборудованы крышами, отопительные печи были в неисправном состоянии,

разбиты окна, в землянках отсутствовали нары, не было матрасов; мобилизованным трудармейцам приходилось спать на земле. Большая скученность людей: в бараках, рассчитанных на 200 чел., проживало 400 и более лиц. Отсутствовали бани, дезинфекционные камеры, прачечные. Антисанитарные условия способствовали возникновению и распространению таких заболеваний, как тиф, чесотка, педикулез, воспаление легких. Вследствие отсутствия пекарен мобилизованным немцам выдавалось 300 г хлеба в день, остальное они получали сырым тестом. В некоторых случаях в течение нескольких дней, они не получали и этого. Все это привело к массовым отказам от выхода на работу и невыполнению производственных планов (телеграмма начальника УНКВД Чкаловской области В. И. Дмитриенко на имя заместителя наркома внутренних дел Б. З. Кобулова от 8 января 1943 г. «О продовольственном снабжении и жилищно-бытовых условиях спецпереселенцев-немцев, отправленных на строительство трестов Азнефтегазстрой и Бугурусланнефть» // ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 129. Л. 5–6.).

Другая проблема заключалась в том, что не был определен правовой статус как самих рабочих колонн, так и находившихся в них лиц. Они не являлись заключенными, но и назвать их полностью свободными было нельзя. Руководству на местах был непонятен режим содержания принудительно мобилизованных лиц, порядок организации их охраны и трудового использования. Как следует из докладной записки начальника УНКВД Новосибирской области Л. А. Малинина и начальника контрразведывательного отдела УНКВД А. В. Шамарина начальнику особого совещания при НКВД СССР И. В. Иванову «Об итогах мобилизации немцев-переселенцев в Новосибирской области в соответствии с постановлением ГКО за № 1123 от 10 января 1942 г.» (ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 112. Л. 58–59.), трудовая мотивация среди немцев-переселенцев находилась на низком уровне, а в некоторых случаях отсутствовала совсем. Это было обусловлено общим недовольством мобилизованных, так как их разделяли со своими семьями. Семьи мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев лишались не только своих мужей и отцов, но и тех доходов, которые последние им обеспечивали. Это приводило к общему недовольству среди мобилизованных немцев-переселенцев и антисоветским настроениям в их среде. Нередкими являлись факты организации вредительства и саботажа по месту работы мобилизованных немцев в рабочих колоннах. Среди них существовали настроения использовать концентрированное содержание в рабочих колоннах для организации массовых акций протеста.

В значительной степени эффективность трудового использования заключенных ГУЛАГа снижалась ввиду слабой дисциплины и отказов от работы. Нельзя забывать о том, что в лагерях содержались лица, часть из которых являлись профессиональными преступниками. В своей повседневной жизни они руководствовались не нормами социалистического права, а неформальными нормами преступной субкультуры, царившей среди лагерного населения. Принудительный характер труда, который к тому же фактически никак не оплачивался, приводил к его саботажу нередко в виде отказов от работы. В связи с этим НКВД СССР издал циркуляр от 14 июля 1943 г. № 363 «Об усилении борьбы с отказами заключенных от работы» (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1а Д. 153. Л. 223.). В этом нормативно-правовом акте указывалось на то, что подержание строгой дисциплины среди заключенных как в быту, так и на производстве является неукоснительным требованием военного времени. Однако, как указывалось в документе, в лагерях и колониях ГУЛАГа нередко факты хулиганства, хищений, невыполнения требований администрации и технического персонала, нарушения правил внутреннего распорядка, отказа от работы. Это стало результатом отсутствия должного

реагирования на данные нарушения со стороны отдельных руководителей лагерных подразделений и исправительно-трудовых колоний. В данных подразделениях сложилась порочная практика непривлечения злостных нарушителей режима и лиц, отказывающихся от работы, к уголовной ответственности, замены ее мерами дисциплинарного характера. В свою очередь, это приводило к созданию атмосферы безнаказанности и провоцировало заключенных на совершение более тяжких преступлений.

Начальникам исправительно-трудовых лагерей, управлений и отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД было предписано принять ряд следующих мер:

- оформлять акты на каждый случай нарушения лагерной дисциплины или отказа от работы, которые являлись основным документом, подтверждающим факт преступления;
- передавать материалы на выявленных злостных отказчиков от работы и нарушителей лагерной дисциплины, допустивших данные нарушения более трех раз, в оперативно-чекистские отделы для расследования и последующего направления этих дел в суд;
- проводить оперативно-чекистским отделам расследование по данной категории дел в десятидневный срок с момента получения материала от начальника исправительно-трудового лагеря или исправительно-трудовой колонии;
- доводить до сведения всех заключенных приговоры суда по делам об отказе от работы и злостном нарушении лагерной дисциплины;
- хранить в личных делах заключенных подлинники актов о злостном нарушении лагерной дисциплины и отказе от работы;
- отправлять заключенных – злостных нарушителей лагерной дисциплины и отказывающихся от работы в штрафные лагерные пункты на период проведения следственных действий.

О том, насколько руководство ГУЛАГа было заинтересовано в сохранении трудового потенциала лагерей и колоний и работоспособности каждого отдельного заключенного, говорит следующее. Названный циркуляр предписывал применять в отношении отказчиков от работы меру наказания в виде водворения в штрафной изолятор без вывода на работу только в исключительных случаях. По всей видимости, это было обусловлено тем, что заключенный, содержащийся в штрафном изоляторе без права вывода на работу, получал пониженную, нерабочую пайку и быстро доходил до истощения и полной потери работоспособности.

Однако, несмотря на все трудности и противоречия, практические результаты деятельности ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны впечатляют. Формат статьи не позволяет перечислить всего, что было построено и произведено руками заключенных и мобилизованных трудармейцев. Вот некоторые данные о выполнении НКВД плана народного хозяйства за 1942 г.:

- закончено строительство Челябинского металлургического завода;
- введен в действие Актюбинский завод ферросплавов;
- введена в действие агломерационная фабрика на Нижне-Тагильском металлургическом заводе;
- введена в действие ТЭЦ Норильского никелевого комбината;
- закончены строительные работы на Красноярском аффинажном заводе;
- введен в действие нефтепровод от Сахалинских нефтепромыслов через Татарский пролив протяженностью 371 км;
- построено и введено в эксплуатацию 1800 км железнодорожных линий;
- построено и введено в эксплуатацию 502 км шоссейных дорог;

- построен и сдан в эксплуатацию Наркомату боеприпасов пороховой завод в Соликамске;
- построен и сдан в эксплуатацию Наркомату авиационной промышленности авиационный завод в Омске;
- построен и сдан в эксплуатацию Наркомату вооружения артиллерийский завод в Свердловске;
- построено и введено в действие 125 аэродромов;
- выловлено 258 тыс. ц рыбы;
- пошито обмундирования на 63 млн руб.;
- отремонтировано 250 тыс. пар разной обуви;
- произведено 135,8 млн штук кирпича и 84,5 тыс. т извести;
- заготовлено 976,2 тыс. кубометров древесины и 3812 тыс. штук шпал (докладная записка НКВД СССР в СНК СССР и Госплан СССР от 16 февраля 1943 г. «О выполнении народнохозяйственного плана за 1942 г.» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 44а. Д. 4884. Л. 33–47).

В шахтах и открытых месторождениях труженики ГУЛАГа добывали золото, платину, радий, медь, уголь, вольфрамовые и молибденовые концентраты, хромитовую руду. Кроме того, заключенные ГУЛАГа были заняты на производстве грейдерных машин, прицепных катков, автобензоцистерн, ручных насосов, прессов Бринелля, зерносортировок, кузовов для автомашин, тракторных саней, разной фурнитуры и ряда других изделий. Чрезвычайно важным для военной экономики государства являлось и то, что лагеря и исправительно-трудовые колонии ГУЛАГа не тратили денег из бюджета государства на содержание заключенных. При этом их вклад в экономику был очень высок.

Мы не беремся давать морально-нравственную оценку ГУЛАГу как пенитенциарному феномену. Мы всего лишь констатируем подвиг этих людей, совершенный ими как на полях сражений, так и в тяжелейших условиях лагерей и исправительно-трудовых колоний ГУЛАГа. Подвиг, ценою которому была великая Победа.

Библиографический список

1. Бердинских В. Вятлаг : учеб. пособие. Киров, 1998. 317 с.
2. Бугай Н. Ф. Система рабочих колонн и батальонов – составляющая часть «трудармий». 1940–1950-е годы // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 1-2. С. 9–49.
3. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. М. : Рос. полит. энцикл., 2004. Т. 3 : Экономика ГУЛАГа / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. 623 с.
4. Почему первые месяцы войны СССР нес катастрофические потери. И от чего нас спас подвиг бойцов. URL : <https://www.kp.ru/daily/28293/4432660> (дата обращения: 12.01.2022).

УДК 343.83

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.48-57

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ДОЛИНИН,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры управления и организации деятельности УИС,
Академия ФСИН России,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАДРОВЫХ РИСКОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Для цитирования

Долинин, А. Ю. Понятие, виды и основные факторы возникновения кадровых рисков в уголовно-исполнительной системе / А. Ю. Долинин // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 48–57. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.48-57.

Аннотация. В статье раскрывается авторский подход к сущности, видам и основным факторам возникновения кадровых рисков в уголовно-исполнительной системе. Затронутая тема актуальна в связи с тем, что учреждения и органы уголовно-исполнительной системы сталкиваются с угрозами кадровой безопасности (кадровыми рисками), что негативно влияет на их деятельность. Современная кадровая ситуация в уголовно-исполнительной системе характеризуется, с одной стороны, высоким уровнем неукomплектованности штатных должностей, с другой – недостаточно эффективной организацией работы с кадрами. Эти обстоятельства усиливают негативное влияние имеющихся в уголовно-исполнительной системе факторов возникновения различных кадровых рисков, которые в совокупности могут привести к снижению кадрового потенциала Федеральной службы исполнения наказаний. В силу этого в современных условиях идентификация, учет кадровых рисков и управление ими должны включаться в сферу кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний. Анализ литературы, посвященной проблемам кадровых рисков, позволил классифицировать кадровые риски уголовно-исполнительной системы по двум основным признакам: месту и источнику возникновения риска. В статье перечисляются основные факторы и причины возникновения кадровых рисков в соответствии с предложенной классификацией. Для оценки кадровых рисков рекомендуется использовать систему показателей, отражающих их состояние, изучение которых в динамике позволит оперативно получать достоверные данные об общем уровне кадровых рисков в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

© Долинин А. Ю., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, система управления персоналом, работа с кадрами, персонал уголовно-исполнительной системы, кадровый потенциал, кадровые риски.

Являясь неотъемлемой частью правоохранительной системы государства, Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН России), безусловно, сталкивается с угрозами кадровой безопасности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (УИС) (кадровыми рисками), что негативно сказывается на их деятельности. Следует отметить, что эти риски известны и не скрываются руководством ФСИН России. Это находит свое ежегодное отражение в ряде информационно-аналитических и руководящих материалов, в которых приводятся официальная статистика антикоррупционной деятельности, данные о работе с кадрами УИС и пр. Итоги деятельности УИС в 2020 г. (приказ ФСИН России от 23 марта 2021 г. № 182 «Об объявлении решения коллегии Федеральной службы исполнения наказаний „Об итогах деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в 2020 году и задачах на 2021 год”») показали, что второй год подряд количество принятых сотрудников превышает количество уволенных: в 2020 г. на службу в УИС принято 17 328 чел. на должности начальствующего состава (АППГ – 20 758 чел.), уволены 16 347 сотрудников (АППГ – 17 208). В 2020 г. принято на 981 чел. больше, чем уволено. Однако число нарушений законности коррупционной направленности среди сотрудников продолжает оставаться высоким. Так, в 2020 г. предъявлено 98 (АППГ – 108) обвинений сотрудникам УИС, совершившим преступления коррупционной направленности, осуждены 136 (АППГ – 105) сотрудников УИС.

Коллегия ФСИН России определила следующие приоритетные задачи в сфере работы с кадрами УИС в 2021 г.: обеспечение мониторинга социально-психологического климата в коллективе сотрудников УИС, в том числе анализ реализации комплексной программы по текучести кадров; повышение эффективности мероприятий, направленных на профилактику суицидов и чрезвычайных происшествий среди личного состава; повышение эффективности формирования и использования кадрового резерва; проведение мероприятий, направленных на снижение количества вакантных должностей в УИС. По итогам коллегии ФСИН России в 2021 г. перед управлением кадров ФСИН России и территориальными органами УИС поставлены две основные задачи в области организации кадровой работы:

- 1) разработать комплекс мер, направленных на формирование у сотрудников УИС стойкой профессиональной мотивации на соблюдение служебной дисциплины и законности;

- 2) принять меры по недопущению увеличения количества вакантных должностей, продолжить работу по снижению некомплекта личного состава.

Вместе с тем приходится констатировать отсутствие системного стратегического подхода к проблемам изучения и минимизации рисков в управлении кадрами УИС. Исключение составляет антикоррупционная деятельность ФСИН России, которая в последние годы включает в себя как организационно-структурные, так и практические мероприятия, так или иначе затронувшие все подразделения системы.

Эффективность уголовно-исполнительной практики во многом определяется эффективностью кадрового обеспечения УИС. Однако современная кадровая ситуация в УИС характеризуется, с одной стороны, высоким уровнем некомплектованности штатных должностей, что увеличивает служебную нагрузку на сотрудников, снижает их мотивацию и осложняет выполнение учреждениями поставленных задач, с другой –

недостаточно эффективной организацией работы с кадрами. Эти обстоятельства усиливают негативное влияние имеющихся в УИС факторов возникновения различных кадровых рисков, которые в совокупности могут привести к снижению кадрового потенциала ФСИН России. В силу этого в современных условиях идентификация, учет кадровых рисков УИС и управление ими должны включаться в сферу кадровой политики ФСИН России.

Различные риски во все времена являлись и являются неотъемлемой частью человеческой жизни. В последние десятилетия проблемам идентификации рисков и управлению ими посвящены многочисленные исследования специалистов разных отраслей знаний, чаще менеджмента. Авторы приводят различные толкования понятия риска применительно к различным видам человеческой деятельности как в масштабах государства, общества, так и в рамках отдельных хозяйствующих субъектов, организаций. В наиболее общем виде риск трактуют как угрозу неблагоприятного исхода какого-либо события или как вероятность отклонения от запланированного результата. В любом случае подчеркивается взаимосвязь понятий «риск» и «неопределенность». В последние годы риск стал восприниматься как сложное социально-экономическое явление, имеющее множество противоречивых основ, а само понятие риска превратилось в устойчивую и самостоятельную социально-экономическую категорию.

Обоснованно считается, что социальная организация любого масштаба (государство или предприятие), стремясь выжить и эффективно функционировать, должна управлять рисками. Кроме того, в силу объективной неопределенности управление рисками должно стать неотъемлемой частью стратегического менеджмента любой социальной организации, первой составляющей которого является анализ. Анализ, на котором базируется весь процесс управления, позволяет идентифицировать возможные риски, классифицировать их и разработать эффективные программы их минимизации.

Экономические риски, возникающие в деятельности коммерческих организаций, достаточно подробно изучены и классифицированы. Управление экономическими рисками включает в себя мероприятия по эффективному использованию таких ресурсов, как финансовые, материально-технические, информационные и т. п. Однако в последнее время обосновано мнение о том, что в современных условиях персонал является важнейшим ресурсом любой организации, позволяющим эффективно соединить все другие ресурсы для достижения организационных целей.

Представляется, что подобный подход в полной мере (а может быть, даже в большей степени) уместен и в государственном управлении. Что касается коммерческих организаций, то для них наряду с человеческими ресурсами на разных стадиях развития главную роль могут играть, например, финансовые ресурсы (их наличие или отсутствие). Финансовый ресурс государственной организации является составной частью бюджета страны. Он, с одной стороны, жестко лимитирован, с другой – гарантирован, чего нет в коммерческих организациях. Государственным учреждениям не грозит банкротство и многие другие коммерческие риски. Подобное можно сказать и о других видах ресурсов государственных организаций (например, материальных, технологических). В силу этого именно персонал выступает для системы государственного управления важнейшим ресурсом, и риски именно этой сферы подлежат выявлению, классификации и минимизации.

Следует отметить, что долгое время многие специалисты в области риск-менеджмента не выделяли кадровые риски в отдельную категорию. Однако развитие теории стратегического управления убедительно доказывает, что именно человеческий фактор выступает в качестве основного источника экономических рисков, в связи с чем ка-

дровые риски определяются как комплексные. Таким образом, кадровые риски могут привести к утрате организацией части своих ресурсов, таких как человеческий капитал, являющийся ключевым, материальные активы, информационные ресурсы, моральный капитал. Не случайно обоснованно считается, что риски экономических потерь имеют не только организационную, но и «человеческую» природу. В настоящее время сформировалось несколько моделей рисков человеческого фактора, от знания природы которых зависят методы их минимизации [1, с. 15–16; 2, с. 22–34].

Анализ литературных источников по рассматриваемой проблеме показывает, что имеющиеся подходы к понятию и сущности кадровых рисков в основном схожи, а большинство авторов отождествляют понятия «кадровые риски», «риски персонала», «персонал-риски», «риски управления персоналом».

В настоящее время сложились три основных подхода к определению кадрового риска. В первом подходе ответственность за возникновение кадровых рисков возлагается на персонал организации, во втором – на систему управления персоналом, третьем – объединяются положения двух первых подходов.

Анализ литературы, посвященной проблемам кадровых рисков, выявил наличие различных классификаций кадровых рисков. Схожесть имеющихся классификаций кадровых рисков связана с тем, что все они базируются на положениях давно сформировавшейся теории риск-менеджмента. Основное отличие этих классификаций в том, что в качестве основного (наиболее существенного) выделяются различные признаки: время, сфера и факторы возникновения; возможные последствия и другие признаки, используемые для оценки различных видов экономических рисков [2, с. 46; 3, с. 87].

Представляется, что кадровые риски УИС можно классифицировать по двум основным признакам: месту и источнику возникновения риска.

Кадровые риски УИС могут возникать во внешней и внутренней среде. Внешние кадровые риски возникают под воздействием политических, экономических, правовых, социальных, технологических и ряда других факторов, нередко не зависящих от деятельности УИС, и могут быть классифицированы соответствующим образом. Противодействовать внешним кадровым рискам достаточно сложно, поскольку усилиями отдельного исправительного учреждения едва ли можно изменить, например, отдельные региональные факторы риска. Однако в рамках законодательной инициативы ФСИН России в состоянии проводить дальнейшую работу по совершенствованию нормативной базы законодательного и подзаконного уровня, регламентирующей различные аспекты кадрового обеспечения.

Внутренние риски, возникающие непосредственно в УИС, определяют два источника возникновения риска: персонал и систему управления персоналом. Представляется, что в практическом организационно-кадровом контексте данная дифференциация рисков является основной, оказывающей наиболее существенное влияние на уголовно-исполнительную практику. Возникновение внутренних кадровых рисков в деятельности УИС обусловлено как объективными организационными, так и субъективными факторами.

В литературе приводятся различные классификации персонал-рисков. Например, в составе рисков персонала выделяют следующие уровни:

- профессиональный, в котором человек рассматривается как субъект деятельности; основными факторами риска выступают компетенции и квалификация персонала;
- морально-этический, в котором человек рассматривается как носитель ценностей и норм; основными факторами риска выступают верования, убеждения, ценности, интернализация норм [2, с. 35].

Кроме того, специалисты в сфере кадрового риск-менеджмента отдельно рассматривают индивидуальные особенности работников, которые могут выступать для организации факторами риска. В определенных условиях к таким рискам относят физиологические (возраст, здоровье, творческая активность, безопасность) и психологические (эмоциональное состояние, темперамент, поведение, в том числе невротическое и патологическое, стресс, фактор риска, различные зависимости) особенности человека [2, с. 125–152; 4].

К рискам персонала УИС, угрожающим кадровому потенциалу системы, следует отнести: риски профессиональной некомпетентности кадров; риски снижения мотивации кадров и риски неадекватного служебного и личного поведения персонала.

Профессиональная компетентность сотрудника УИС как комплексная категория включает в себя такие компоненты, как образование, стаж службы и возраст, определяющие жизненный опыт человека. Положительно, что в УИС ежегодно растет доля сотрудников старшего и среднего начальствующего состава с высшим образованием. На 1 января 2020 г. более 60 % личного состава – сотрудники в возрасте от 31 года до 45 лет, обладающие значительным жизненным опытом. Профессиональное кадровое ядро УИС составляют сотрудники, стаж службы которых 10 и более лет. Численность молодых сотрудников в возрасте до 30 лет – около 31 %. Анализ кадровой статистики УИС позволяет утверждать, что основное содержание рисков профессиональной некомпетентности персонала УИС заключается в том, что на фоне увеличения числа опытных сотрудников растет число сотрудников с незначительным стажем службы. Сотрудники в возрасте от 31 года и стажем службы свыше 10 лет – потенциальные пенсионеры, на смену которым придут молодые сотрудники, имеющие недостаточный жизненный и профессиональный опыт. Это обстоятельство может снизить уровень кадрового потенциала УИС. Таким образом, основные факторы возникновения рисков профессиональной некомпетентности персонала в первую очередь связаны с отсутствием у сотрудников квалификации и опыта.

Совокупность рисков профессиональной некомпетентности персонала имеет следующие основные формы проявления:

- неспособность выполнять служебные обязанности вследствие отсутствия необходимых знаний, умений и навыков;

- низкое качество выполнения сотрудниками возложенных служебных обязанностей.

Риски снижения мотивации персонала включают в себя:

- риски невысокой мотивации персонала к труду;

- репутационные риски, означающие снижение деловой репутации демотивированного сотрудника, неэффективная работа которого может угрожать репутации УИС и способствовать формированию ее негативного имиджа во внешней среде;

- риски снижения интереса работника к службе, функционированию и развитию исправительного учреждения (территориального органа), лояльности к его руководству;

Основными формами проявления мотивационных рисков являются:

- низкое качество выполнения работником служебных обязанностей;

- снижение производительности труда, творческой активности, уровня исполнительской дисциплины;

- нелояльность персонала, которая обычно проявляется в отсутствии позитивных отношений с руководством, безразличии к деятельности исправительного учреждения, игнорировании интересов службы и т. п.;

- конфликты с руководством, коллегами, внутренний конфликт сотрудника, связанный с наличием внутренних противоречий;

– текучесть кадров, предполагающая увольнение персонала по субъективным причинам, связанным в первую очередь с неудовлетворенностью сотрудников работой;

– абсентеизм, под которым понимается уклонение сотрудника от выполнения обязанностей без уважительной причины;

– симптомы плохого эмоционального самочувствия, которые свидетельствуют о низком уровне мотивации персонала (например, неблагоприятное эмоциональное состояние сотрудника, возникающее вследствие неудовлетворенности службой, стресс, неврастения, чувство тревожности, неуверенности, подавленности).

Основные факторы возникновения мотивационных рисков:

– неудовлетворенность служебной деятельностью: режимом работы, уровнем денежного довольствия, отношением с коллегами, руководством и т. п.;

– заблуждения по поводу мотивационной структуры государственного служащего (например, непонимание необходимости в своевременном и качественном выполнении работы).

Риски неадекватного служебного и личного поведения персонала могут быть дифференцированы:

– на дисциплинарные риски, определяющие склонность сотрудников к различным нарушениям трудовой и служебной дисциплины;

– коррупционные риски, которые выражаются в потенциальном или фактическом нарушении антикоррупционного законодательства сотрудниками;

– риски несоблюдения требований конфиденциальности, означающие несоблюдение сотрудниками требований работы с информацией, имеющей ограниченный доступ, нарушения режима секретности;

– риски деструктивного поведения, означающие склонность сотрудников к конфликтному поведению, а также к поведению, противоречащему установленным принципам служебного поведения государственных служащих.

Данные риски проявляются в следующих формах:

– снижение уровня исполнительской дисциплины персонала;

– нарушения законности;

– вступление сотрудника в запрещенные связи со спецконтингентом;

– нарушения антикоррупционного законодательства;

– нарушения режима секретности, разглашение секретной и конфиденциальной информации (умышленное или непреднамеренное);

– профессиональная деформация сотрудников, которая выражается в негативном изменении качеств личности, моральных установок, психологической дезориентации и т. п.;

– воровство, мошенничество и другие преступные деяния, причинами которых выступают корыстные мотивы;

– симптомы невротического и патологического поведения, свидетельствующие о снижении адекватности поведения персонала (например, наличие у сотрудника алкогольной или игровой зависимости);

– конфликты с руководством, коллегами, внутренний конфликт сотрудника, связанный с наличием внутренних противоречий.

Риски неадекватного служебного и личного поведения персонала возникают под воздействием следующих факторов:

– отсутствие или недостаток знаний о принятых нормах служебного поведения (например, незнание основ антикоррупционного поведения);

– заблуждения по поводу норм служебного поведения, связанные с неправильным их толкованием, убеждениями и ценностями сотрудника, не соответствующими общепринятым нормам морали;

– факторы, связанные с физиологическими (возраст, здоровье, наличие травм, заболеваний) и психологическими (темперамент, наличие зависимостей, невротических и патологических особенностей) особенностями человека, влияющими на адекватность поведения.

Эффективность деятельности и поведение персонала принято связывать с совокупностью внешних и внутренних факторов. Качество работы исполнителей зависит не только от внутренних (компетенции исполнителя), но и от внешних факторов, связанных с деятельностью системы управления персоналом, к которым относятся характеристики организации и руководителя.

Существует вполне обоснованное мнение о том, что внешние факторы включают в себя три группы:

1) факторы, характеризующие специфику руководства (стиль, способы принятия решений, виды контроля и т. п.), зависящие от опыта, образования и личностных качеств руководителя;

2) факторы, характеризующие содержание работы (трудоемкость, обеспеченность ресурсами, специфика контроля, критерии оценки результатов и т. п.);

3) факторы, характеризующие организационные аспекты деятельности системы управления персоналом (кадровая политика, организационная структура, организационная культура, система стимулирования) [5, с. 86].

Перечисленные факторы могут стать причиной возникновения кадровых рисков, обусловленных деятельностью системы управления персоналом. Так, первая группа факторов порождает риски, которые связаны с компетентностью управленческого персонала. Факторы, относящиеся ко второй и третьей группе, могут привести к возникновению следующих организационных рисков:

– риски кадровой политики, возникающие в процессе ее разработки и реализации;

– риски организационной культуры, возникающие вследствие несоответствия системы целей, ценностей, правил и норм поведения в организации целям и интересам работников, что приводит к ухудшению морально-психологического климата и не способствует эффективной работе персонала;

– структурные риски, вызванные неоптимальной организационной структурой;

– коммуникативные риски, вызванные нерациональностью документооборота и системы коммуникации;

– нормативно-правовые риски, связанные с неэффективностью действующих в организации систем регламентации, нормирования и оплаты труда, качеством нормативно-правовой, организационно-распорядительной и справочной документации;

– риски подбора персонала, связанные с принятием на работу персонала, не отвечающего ожиданиям организации [5, с. 103–105].

К рискам системы управления персоналом УИС, связанным с неэффективным управлением кадровыми ресурсами, следует отнести: 1) риски кадровой политики; 2) организационно-структурные риски; 3) нормативно-правовые риски; 4) риски некомпетентности субъектов системы управления персоналом; 5) риски организационной культуры; 6) риски организации прохождения службы. Следует отметить, что данная классификация рисков системы управления персоналом УИС достаточно условна, поскольку причины и формы проявления рисков, входящих в различные группы, нередко совпадают и требуют комплексного подхода к их минимизации.

Основные факторы возникновения рисков кадровой политики УИС связаны:

1) с отсутствием стратегического подхода к работе с кадрами, где важнейшими показателями риска выступают:

– отсутствие кадровой стратегии и долгосрочных планов работы с персоналом как в виде отдельного программного документа, так и в виде решений коллегиальных органов управления;

– отсутствие кадрового планирования, кадрового мониторинга и обоснованных стратегических решений в кадровой сфере, на основе которых изначально должна базироваться разработка кадровой политики;

– принижение роли кадровой службы в системе управления персоналом. В этом случае деятельность кадровой службы направлена исключительно на решение оперативных вопросов и нередко сводится к формальному выполнению перечня обязательных мероприятий кадровой направленности;

– узкий спектр кадровых вопросов, обсуждаемых коллегиальными органами управления, содержание которых в большей степени касается текущих или тактических проблем кадрового обеспечения;

– формальный подход к постановке целей и задач, связанных с управлением персоналом. В материалах работы органов управления подразделений УИС и планах работы кадровых служб из года в год повторяется один и тот же перечень кадровых задач и мероприятий, содержание которых не всегда учитывает реальные кадровые потребности и кадровую ситуацию;

2) несоответствием кадровой политики, реализуемой подразделениями УИС, стратегии и целям развития ФСИН России. Примерами показателей риска могут выступать:

– принижение роли кадрового потенциала в достижении уголовно-исполнительных целей;

– отсутствие преемственности целей управления персоналом с целями и стратегией развития уголовно-исполнительной системы;

– постановка целей и задач работы с персоналом без учета требований руководящих документов ФСИН России;

3) неэффективным использованием кадрового потенциала УИС. Типичными показателями рисков неэффективного использования кадрового потенциала являются:

– игнорирование потребности укрепления и развития кадрового потенциала;

– неполнота (противоречивость или отсутствие) нормативов и критериев качества служебной деятельности персонала;

– формальная реализация обязательных кадровых технологий;

– низкий уровень применения эффективных современных кадровых технологий, направленных на совершенствование кадрового потенциала;

– низкий уровень количественной и качественной укомплектованности персонала;

– низкий уровень показателей оперативно-служебной деятельности персонала.

Представляется, что в современных условиях именно риски кадровой политики выступают важнейшими среди прочих рисков системы управления персоналом УИС, поскольку являются их основной причиной и определяют их причины и содержание.

Основные факторы возникновения организационно-структурных рисков связаны:

– с нерациональным распределением организационно-штатных ресурсов;

– неэффективным распределением задач, функций, служебных обязанностей и служебной нагрузки между структурными подразделениями и сотрудниками;

– со слабым служебным взаимодействием между структурными подразделениями и сотрудниками, приводящим к тому, что поставленные задачи решаются не в том объеме, не в те сроки и не с тем качеством, как это планировалось (отсутствие регламентов служебного взаимодействия; потеря информации в процессе ее обработки; нарушение сроков прохождения информации между структурными подразделениями и сотрудниками; искажение информации в процессе ее передачи исполнителям и т. п.).

Нормативно-правовые риски в первую очередь связаны с неполнотой и противоречивостью правового регулирования отдельных направлений работы с кадрами уголовно-исполнительной системы и деятельности кадровых подразделений. До настоящего времени полностью не сформирована ведомственная нормативная база по реализации положений Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”». Например, не принят порядок организации кадровой работы, в том числе воспитательной, в учреждениях и органах УИС, необходимость утверждения которого определена в ст. 81 указанного Закона.

Основные факторы рисков некомпетентности субъектов системы управления персоналом УИС связаны с профессиональными и личностными характеристиками руководящего состава учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и их структурных подразделений. Эти риски могут быть отнесены к рискам персонала УИС, касающимся указанной категории работников, классифицированным выше, и обусловлены профессиональной и личностной некомпетентностью руководящего состава. В силу этого проблемы повышения компетентности руководящего состава учреждений и органов УИС, а также профилактики коррупционного поведения персонала являются весьма актуальными и требуют решения.

Формирование у руководителей соответствующих профессионально значимых качеств является важным фактором повышения эффективности функционирования системы управления персоналом. В современных условиях руководитель учреждения (органа) УИС должен быть ориентирован на использование приемов и методов руководства, способствующих повышению мотивации и заинтересованности подчиненных в служебной деятельности. Развитие управленческой компетентности руководителей выступает важным средством предотвращения и минимизации кадровых рисков, связанных с мотивацией и поведением персонала, а также реализацией основных кадровых технологий.

Риски организационной культуры УИС напрямую связаны с просчетами и неэффективностью кадровой политики (рисками кадровой политики), а также с некомпетентным руководством (рисками некомпетентности субъектов системы управления персоналом). Основные показатели этой группы рисков:

- низкий уровень организационной культуры и неблагоприятный социально-психологический климат в служебных коллективах;
- снижение доверия персонала к руководству, его мотивации, неудовлетворенность служебной деятельностью;
- напряженность и конфликты в служебных коллективах.

Основные причины проявления рисков прохождения службы связаны как с незнанием или игнорированием требований соответствующих нормативных актов, так и с формальным подходом к реализации кадровых процедур, таких как подбор, адаптация, расстановка, развитие и высвобождение кадров, деловая оценка, мотивация и стимулирование персонала.

В ежегодных отчетах управления кадров ФСИН России перечисляются территориальные органы, кадровые подразделения которых не выполняют требования трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, регламентирующих прохождение службы в УИС, а также указывается на некачественную организацию работы по расстановке кадров, отсутствие в ряде регионов перспективного планирования подготовки и подбора специалистов на должности старшего и среднего начсостава. Перечисленные недостатки в кадровой работе территориальных органов ФСИН России свидетельствуют об одновременном проявлении как нормативно-правовых рисков, так и рисков прохождения службы, связанных с неэффективностью реализации кадровых процедур. Это еще раз указывает на взаимосвязь и взаимозависимость кадровых рисков, отнесенных к различным видам.

На наличие в кадровом обеспечении УИС рисков персонала и рисков организации прохождения службы указывает целый ряд показателей. Так, высокий уровень текучести кадров, а также значительная доля сотрудников, увольняемых по собственному желанию, указывает на неэффективность применяемых технологий мотивации и стимулирования труда персонала. Высокий показатель числа сотрудников, увольняемых на первом году службы, свидетельствует о недостаточной эффективности технологий подбора и адаптации. Достаточно большое число нарушений сотрудниками УИС законности и служебной дисциплины, а также возбужденных уголовных дел в отношении сотрудников подтверждают не только наличие рисков снижения мотивации кадров и рисков неадекватного служебного и личного поведения персонала, но и неэффективность реализации соответствующих кадровых технологий.

Следует отметить, что многие из приведенных показателей, отражающих состояние кадровых рисков, являются показателями кадровой статистики в организации и находят широкое применение как в системе мониторинга безопасности, управления персоналом [1, с. 99–100], так и при проведении кадрового аудита. Представляется, что анализ этих показателей в динамике позволит оперативно получать достоверные данные об общем уровне кадровых рисков в УИС.

Рассмотренные проблемы в кадровом обеспечении УИС в современных условиях представляют собой основное содержание кадровых рисков. Предотвращение и минимизация кадровых рисков связаны с повышением эффективности реализации применяемых и внедрением новых кадровых технологий на основе их научно-практического обоснования. Например, профилактике коррупционных рисков персонала УИС будут способствовать совершенствование кадровых технологий, ротация и аттестация кадров, конкурсное замещение должностей, стимулирование персонала. Совершенствование кадровых технологий должно носить комплексный характер.

Библиографический список

1. Копейкин Г. К., Потемкин В. К. Экономическая безопасность в системе управления персоналом : учеб. пособие. 2-е изд., доп. СПб. : СПбГУЭФ, 2012. 123 с.
2. Слободской А. Л. Риски в управлении персоналом : учеб. пособие / под ред. В. К. Потемкина. СПб. : СПбГУЭФ, 2011. 155 с.
3. Шихвердиев А. П. Управление человеческим капиталом как фактор обеспечения корпоративной безопасности предприятия : монография. Сыктывкар : СыктГУ, 2012. 136 с.
4. Жариков Е. С., Парамонов А. А. Риски в кадровой работе: книга для руководителя и менеджера по персоналу. М. : МЦФЭР, 2005. 288 с.
5. Пронина И. В. Оценка компетенций персонала промышленного предприятия при принятии управленческих решений : дис. ... канд. экон. наук. Ижевск, 2005. 170 с.

УДК 343.91:343.83

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.58-64

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗВОНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминологии и организации профилактики преступлений,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация;
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института,
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация,
ORCID 0000-0002-9591-6286,
e-mail: zvonov_av@mail.ru;

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ХОХРИН,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент Института Академии ФСИН России по кафедре уголовного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0002-0900-1195,
e-mail: hohrinsa@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Для цитирования

Звонов, А. В. Некоторые особенности характеристики преступности сотрудников пенитенциарных учреждений / А. В. Звонов, С. А. Хохрин // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 58–64. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.58-64.

Аннотация. Статья посвящена криминологическим показателям преступности сотрудников пенитенциарных учреждений, которые в соответствии с Федеральным законом от 19 июля 2018 года № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» разделяются по категориям старшего, среднего и младшего начальствующего состава. Рассматривается удельный вес преступности сотрудников. На основании анализа полученных из территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний копий обвинительных заключений в отношении сотрудников преступления, совершаемые сотрудниками в период прохождения службы, сгруппированны по степени вероятности. В статье использовались возможности системно-структурного метода научного анализа пенитенциарной преступности, в связи с чем приме-

© Звонов А. В., Хохрин С. А., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

нялись такие методы, как формально-логический, конкретно-социологический. Изучение официально опубликованных статистических данных, материалов донесений, поступивших в дежурную службу управления планирования и организационно-аналитического обеспечения Федеральной службы исполнения наказаний, позволило спрогнозировать состояние преступности сотрудников и разделить совершаемые преступления по степени вероятности. Произошедшие изменения в социально-правовой политике и уголовно-исполнительной системе свидетельствуют о росте уровня криминогенных процессов, направленных на дестабилизацию обстановки в пенитенциарных учреждениях. Указанная активность подтверждается увеличением количества преступлений, совершенных сотрудниками исправительных учреждений.

Ключевые слова: сотрудники пенитенциарных учреждений, криминология, преступление, пенитенциарная преступность, квалификация преступлений.

Введение

Совершение преступлений сотрудниками уголовно-исполнительной системы (УИС) ставит под сомнение обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Как следствие, повышается степень общественной опасности совершенных деяний. К 2021 г. в учреждениях УИС количество сотрудников было сокращено более чем на 20 %. Показатели преступности сотрудников ежегодно растут, что также наносит ущерб авторитету учреждений и органов УИС.

Рассматривая количественные показатели преступлений, совершаемые сотрудниками, можно с уверенностью сказать о недостаточности проводимой работы по их предупреждению (рис. 1).

Ранее мы неоднократно указывали на увеличение нагрузки на личный состав пенитенциарных учреждений [1, с. 39].

Результаты исследования

В соответствии со ст. 7 «Классификация должностей в уголовно-исполнительной системе» Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-

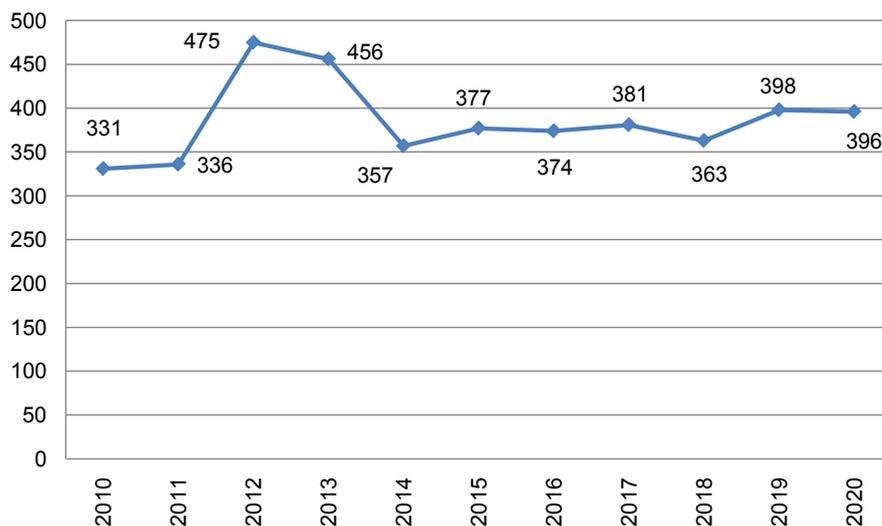

Рис. 1. Количество преступлений, совершенных сотрудниками УИС в 2010–2020 гг.

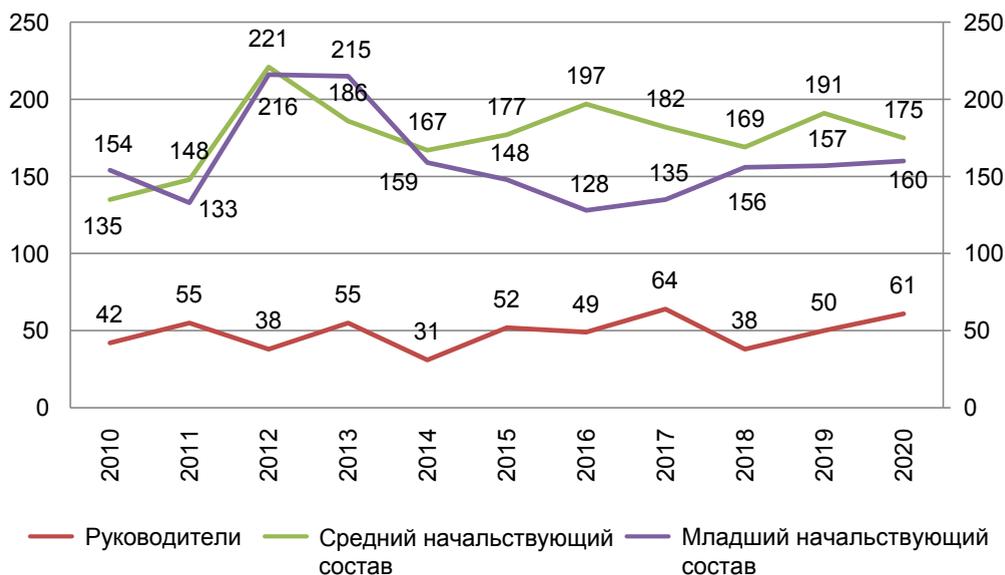

Рис. 2. Преступления, совершенные различными категориями сотрудников УИС в 2010–2020 гг.

исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» категории субъектов пенитенциарной преступности – сотрудников УИС целесообразно разделять на руководителей, средний и младший начальствующий состав (рис. 2) (Статистические данные ФСИН России. URL : <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika>).

Количественные показатели преступности сотрудников УИС на протяжении 2010–2020 гг. имеют положительную динамику. Необходимо также отметить общие тенденции роста числа преступлений, совершаемых указанными категориями лиц. В период 2010–2020 гг. число преступлений категории руководителей выросло на 30,3 %. Это, по нашему мнению, связано с регулярной сменой руководства ФСИН России и, как следствие, сменой большого количества руководителей в территориальных органах ФСИН России.

Количественные показатели преступности среднего начальствующего состава отличаются более динамичной картиной. С 2010 г. преступность данной категории лиц характеризуется нестабильностью: отмечается как ее рост, например, в 2012 и в 2016 гг., так значительное снижение в 2014 и 2018 гг. Тенденции роста характеризуют и количественные показатели преступности младшего начальствующего состава УИС в период с 2010 по 2020 год (рост показателей составляет 22,9 %).

У руководителей удельный вес совершаемых преступлений несколько снижается и колеблется от 12,69 в 2010 г. до 15,4 в 2020 г. В среднем показатель равен 12,7. Удельный вес преступности среднего и младшего начальствующего состава остается практически стабильным от 40,8 в 2010 г. до 44,2 в 2020 г. В среднем показатель равен 45,9. Преступность среднего и старшего начальствующего состава практически идентична показателям среднего и младшего начальствующего состава: от 46,53 в 2010 г. до 40,4 в 2020 г. В среднем показатель равен 41,3 % (рис. 3).

Рис. 3. Удельный вес совершенных преступлений по категориям сотрудников УИС в зависимости от общего числа преступлений в период 2010–2020 гг.

Общую характеристику совершенных пенитенциарных преступлений целесообразно рассматривать по группам: преступления, наиболее вероятные для совершения на территории учреждения; преступления, наименее вероятные для совершения на территории учреждения; преступления, невозможные для совершения на территории учреждения. Необходимо также учитывать факторы, при которых совершались преступления: непосредственно самими осужденными или сотрудниками либо с помощью третьих лиц. Указанная классификация позволит определить основные направления выработки мер по предупреждению данных преступлений и снижению их негативного воздействия.

Изучение полученных из территориальных органов ФСИН России копий обвинительных заключений в отношении сотрудников позволило выявить наличие фактов совершения преступлений, связанных с побоями, истязаниями, причинением легкого вреда здоровью, причем очень часто указанные деяния сопряжены с иными составами преступления, например с превышением должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

В качестве примера можно привести следующее. В январе 2019 г. в 21.00 в дежурную службу УФСИН России по Омской области из ИК-12 (г. Омск, общий режим) поступило сообщение о том, что из оперативного отдела учреждения получен рапорт о неправомерных действиях неустановленных сотрудников ИК-12 в отношении осужденного Л., 1980 г. р., в действиях неустановленных сотрудников усматриваются признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 286, 116 УК РФ (приговор Муромцевского районного суда (Омская область) № 1-88/2019 от 16 ноября 2019 г. по делу № 1-88/2019).

Квалификация преступлений против личности, совершенных сотрудниками УИС, дает нам возможность сформировать группу преступлений, наиболее вероятных для совершения на территории учреждений:

– посягательство на жизнь: убийство (ст. 105 УК РФ), убийство со смягчающими обстоятельствами (ст. 107–109), причинение смерти по неосторожности при причинении тяжкого вреда здоровью (ч. 4 ст. 111 УК РФ);

– посягательство на здоровье: причинение вреда здоровью (ст. 111, 112, 115 УК РФ); причинение вреда здоровью при смягчающих обстоятельствах (ст. 113, 114, 118), причинение боли и страданий (ст. 116, 116.1, 117 УК РФ).

К группе наименее вероятных для совершения на территории учреждения преступлений относятся:

– преступления, ставящие в опасность жизнь: доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ);

– преступления, ставящие в опасность здоровье: убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ), заражение венерической болезнью (ст. 121 УК РФ).

В группу преступлений, маловероятных для совершения на территории учреждения, входят принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ), незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123), неоказание помощи больному (ст. 124), оставление в опасности (ст. 125 УК РФ).

В статистических данных преступности сотрудников ФСИН России количество преступлений, посягающих на право собственности, представлено не только кражей (ст. 158 УК РФ), но и мошенничеством (ст. 159), присвоением и растратой (ст. 160 УК РФ). Как видно, число учитываемых преступлений значительно шире, чем количество учитываемых преступлений у осужденных, при этом, как мы ранее отмечали, совершение указанных преступлений фиксируется ежегодно, но их количество незначительно [1, с. 85]. Проведенный анализ эмпирических материалов позволяет сделать вывод о наличии фактов совершения вымогательства, где субъектом преступления является сотрудник. Например, в мае 2017 г. дежурный помощник начальника колонии ИК-8 при проведении личного обыска у осужденного С., 1974 г. р., обнаружил запрещенные предметы, в результате потребовал с осужденного денежные средства в размере 30 тыс. руб. за сокрытие данного факта (приговор Железнодорожного районного суда г. Пензы от 17 ноября 2017 г. по делу № 1-384/2017).

Совершение преступлений, посягающих на право собственности, не является распространенным среди сотрудников и носит разовые случаи. В целом статистические данные дают объективную картину совершаемых преступлений указанного блока. Мы считаем, что совершение сотрудниками таких преступлений, как грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), будет маловероятным. При поступлении на службу сотрудники все проходят психологический отбор. Имея стабильную работу, зарплату, сотрудник не пойдет на разбойное нападение или совершение грабежа.

Проанализировав полученные данные и судебную практику, мы пришли к выводу о том, что к преступлениям, наиболее вероятным для совершения сотрудниками на территории пенитенциарного учреждения, относятся: кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159), присвоение или растрата (ст. 160), вымогательство (ст. 163 УК РФ); к наименее вероятным – грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ).

Группу преступлений, не возможных для совершения на территории учреждения, составляют: мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ), мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному на-

казанию (ст. 158.1), хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

При рассмотрении классификации преступлений, совершаемых сотрудниками, необходимо особое внимание уделить преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

В статистических данных указанный блок преступлений занимает самое большое место и представлен шестью преступлениями: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение взятки (ст. 290), дача взятки (ст. 291), служебный подлог (ст. 292), халатность (ст. 293 УК РФ). Указанные преступления практически полностью охватывают весь перечень преступлений главы УК РФ. В соответствии с изученными документами сотрудники могут являться посредниками при передаче взятки и нести ответственность за совершение посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Например, в феврале 2019 г. инспектором группы по боевой и специальной подготовке отдела кадров и работы с личным составом ИК-13 (г. Уфа, общий режим) Т., 1989 г. р., задержан при посредничестве в получении взятки в размере 25 тыс. руб. за трудоустройство гражданского лица в ОМВД Республики Башкортостан (приговор Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 8 октября 2019 г. по делу № 1-534/2019).

Факты совершения указанного преступления нерегулярны, но встречаются и, следовательно, будут входить в группу наименее вероятных для совершения на территории учреждения. В указанную группу, по нашему мнению, попадает и нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ). За последние несколько лет имеются единичные факты его совершения. Так, в марте 2019 г. было возбуждено уголовное дело в отношении заместителя начальника УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области М., который в ноябре 2018 г. в нарушение требований государственного контракта с ООО «Флагман безопасности» по выполнению работ по капитальному ремонту инженерных сетей в ИК-5 (пос. Металлострой, общий режим) дал распоряжение на подготовку и внесение изменений в контракт в части, касающейся замены паровых пищеварочных котлов на электрические, чем причинил ущерб в общей сумме 718 353 руб. (приговор Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 8 февраля 2020 г. по делу № 1-119/2020).

Дополнительно мы можем сформировать группу преступлений, наиболее вероятных для совершения на территории учреждения: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение взятки (ст. 290), дача взятки (ст. 291), служебный подлог (ст. 292), халатность (ст. 293). В группу наименее вероятных для совершения на территории учреждения преступлений относятся: нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ).

Наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми сотрудниками УИС, являются также деяния, посягающие на здоровье населения и общественную нравственность, в частности: незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ). К группе наименее вероятных

для совершения на территории учреждения преступлений относятся: хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ). В группу преступлений, невозможных для совершения на территории учреждения, мы включили ранее не указанные уголовно-правовые запреты.

Выводы

В пенитенциарных учреждениях фиксируется рост уровня криминогенных процессов, направленных на дестабилизацию обстановки в пенитенциарных учреждениях. Указанная активность подтверждается увеличением количества преступлений, совершенных сотрудниками исправительных учреждений. В зависимости от степени вероятности все пенитенциарные преступления можно разделить на три группы:

- наиболее вероятные для совершения на территории учреждения;
- наименее вероятные для совершения на территории учреждения (практика по данным преступлениям характеризуется разовыми случаями);
- невозможные для совершения на территории учреждения.

Распределение преступлений по степени вероятности позволит выработать меры, направленные на их предупреждение.

Библиографический список

1. Хохрин С. А. Некоторые аспекты предупреждения преступлений, совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы : монография / под ред. К. А. Сыча. М. : Юрлитинформ, 2016. 191 с.

УДК 343.326

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.65-71

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА МАКАРОВА,
юрист, Адвокатский кабинет В. Н. Макарова,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: marisafarov@yandex.ru;

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЮМЕНЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: tymenev@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ БАНДИТИЗМА И СХОЖИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Для цитирования

Макарова, М. В. Проблемы дифференциации бандитизма и схожих преступлений террористической направленности / М. В. Макарова, А. В. Тюменев // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 65–71. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.65-71.

Аннотация. В статье исследуется проблема дифференциации бандитизма и схожих преступлений террористической направленности. В ходе историко-правового анализа делается вывод об обусловленности сращивания бандитизма и преступлений террористической направленности на раннем этапе кодификации в данных сферах, а также о недопустимости включения бандитизма в преступления террористической направленности и (или) содействующие террористической деятельности на современном этапе развития уголовного законодательства.

Ключевые слова: бандитизм, терроризм, террористический акт, уголовный бандитизм, политический бандитизм, бандитизм террористической направленности.

Системный анализ правоприменительной практики и уголовного законодательства показывает, что проблемы дифференциации бандитизма и схожих преступлений террористической направленности стоит достаточно остро. Это следует не только из толкования статей Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), но и из судебной

© Макарова М. В., Тюменев А. В., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

практики по данному вопросу. Согласно легальному определению термина «бандитизм», закрепленному в ст. 209 УК РФ, под ним следует понимать:

– образование путем сговора, приискания соучастников стабильной по составу группы лиц с выстроенной внутренней иерархией взаимоотношений, отлаженной системой координации действий, ее финансирование, вооружение и материально-техническое обеспечение в целях разового или неоднократного нападения на граждан или организации с использованием огнестрельного, холодного, газового или пневматического оружия, а также взрывных устройств;

– руководство такой группой, выражающееся в разработке преступного плана действий, выборе форм и методов преступного воздействия, определении ролей членов группы и степени их участия в реализации единого преступного умысла, координации действий, материально-техническом обеспечении, вооружении и финансировании;

– участие в указанной группе или в совершаемых ею нападениях, выражающееся как в непосредственной реализации действий, направленных на достижение преступного результата с использованием оружия и взрывных устройств и применением насилия над потерпевшим (созданием реальной угрозы его незамедлительного применения), так и в содействии в совершении преступления путем материально-технического обеспечения, вооружения, финансирования, подыскания объектов для нападения (постановление Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»).

Термин «бандитизм» в отечественном уголовном законодательстве начал использоваться в советское время. В царское время применялись такие конструкции, как «составление злонамеренных шаяк и вступление в оные» – ст. 1146 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. «Злонамеренные шайки» образовывались для осуществления разбойных нападений, краж, поджогов, фальшивомонетничества, подделки документов, контрабанды, подпольной торговли, организации и проведения запрещенных игр и для дачи взятки чиновникам. Законодатель, правоприменители и ученые-юристы того времени целью создания и деятельности «злонамеренных шаяк» определяли совершение совокупными силами неопределенного числа предполагаемых преступлений различной направленности с использованием разнообразных преступных форм и методов.

Впервые термин «бандитизм» появился в декрете СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. № 3 «О суде», которым рассмотрение дел, связанных с бандитизмом, было отнесено к подсудности окружных народных судов (ст. 1). 20 июня 1919 г. в постановлении ВЦИК об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении, был использован термин «бандитизм», которым законодатель объединил такие действия, как участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество им и укрывательство. Таким образом, законодателем подчеркивался корыстно-насильственный характер преступления.

Однако уже через несколько лет законодатель расширил содержание данного термина, включив в него действия, не сопряженные с применением насилия (угрозой его применения) и не направленные на извлечение выгоды. Так, ст. 76 УК РСФСР, введенного в действие 1 июня 1922 г., в главе, посвященной преступлениям против порядка управления, закреплялось уголовное наказание в виде применения высшей меры наказания и конфискации всего имущества осужденного за организацию и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановку поездов и

разрушения железнодорожных путей, вне зависимости от того, совершались ли в процессе этих нападений убийства и ограбления или нет.

Данное действие со стороны законодателя, на наш взгляд, объясняется скорее не совершенством юридической техники, однако рассмотрение его сквозь призму современного уголовного законодательства позволяет сделать интересные выводы. Так, остановка поездов и разрушение железнодорожных путей – это преступление против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Учитывая историко-политический контекст того времени, важность железнодорожного сообщения, можно предположить, что объединение двух различных составов преступлений в одной статье было попыткой, во-первых, лаконично и компактно перечислить все запрещенные деяния в Кодексе без введения дополнительных статей и терминов, а во-вторых, предупредить преступление за счет отождествления его с более тяжким и, как следствие, применения к виновным, его совершившим, более жестких санкций. При этом не следует забывать о том, что остановка поездов и разрушение железнодорожных путей могут образовывать состав таких преступлений, как:

– диверсия, если преступники желали совершением данного преступления добиться подрыва экономической безопасности страны. Объектом данного преступления является государственная власть. Однако указанный Уголовный кодекс содержал ст. 65, предусматривавшую наказание за разрушение железнодорожных путей в контрреволюционных целях. Следовательно, включая в статью, предусматривающую уголовную ответственность за бандитизм, действия, направленные на остановку поездов и разрушение железнодорожных путей, законодатель не преследовал цели объединить данное преступление с контрреволюционным;

– террористический акт, если целью было нарушение установленного процесса деятельности органов власти, оказание воздействия на принимаемые ими решения. Объектом такого преступления в современной трактовке является общественная безопасность и общественный порядок. И хотя в то время данные действия, совершенные по указанному мотиву, были бы квалифицированы скорее всего как диверсия, объективно у нас имеются все основания для того, чтобы говорить о возможном сращивании на первоначальном этапе бандитизма и преступления террористической направленности в современном его понимании.

Мысль о тесной взаимосвязи бандитизма и преступлений террористической направленности в современном понимании данного явления находит подтверждение при изучении таких правовых документов, как Записка к заседанию Президиума ЦК, подготовленная в ОГПУ в 1924 г., постановление ЦК «О борьбе с бандитизмом» того же года, в которых отмечалась не только уголовная природа банд, но и политический характер деятельности некоторых из их числа.

В ст. УК РСФСР 1960 г. статья, закрепляющая уголовную ответственность за бандитизм, была отнесена к иным государственным преступлениям и содержала запрет на организацию вооруженных банд с целью нападения на предприятия, учреждения, организации или отдельных лиц, а также участие в таких бандах. Таким образом, дополнение, присутствующее в предыдущих редакциях УК РСФСР, было исключено. Это объясняется изменением внутривнутриполитической обстановки.

Закрепление понятия «террористический акт» в отечественном уголовном законодательстве произошло также в советский период. Уголовно-правовые документы до-революционного периода содержали запреты на совершение деяний, имеющих признаки террористического акта. В УК РСФСР 1922 г. в ст. 64 устанавливалась уголовная

ответственность за участие в выполнении террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, с целью осуществления контрреволюционной деятельности. Данное преступление определялось как государственное, контрреволюционное. Современная уголовно-правовая наука определила бы его как преступление против порядка управления с дополнительным объектом – жизнь и здоровье представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций. Как и в случае с бандитизмом, введение в действие УК РСФСР 1926 г. существенно не изменило диспозиции статей, устанавливающих запрет на совершение террористических актов.

В УК РСФСР 1960 г. произошли некоторые изменения, связанные с описанием диспозиции террористического акта. Из анализа ст. 66 следует, что террористический акт законодатель определял как убийство государственного, общественного деятеля или представителя власти либо причинение данной категории лиц тяжких телесных повреждений, совершенные по политическим мотивам. В отдельную статью законодатель выделял совершение террористического акта против представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений.

С принятием в 1996 г. нового Уголовного кодекса преступлениям террористической направленности было уделено особое внимание: ввиду их повышенной общественной опасности разные проявления террористической деятельности закреплялись в отдельных статьях, они получали подробное легальное трактование, детально прописывались признаки составов данной категории преступлений, впоследствии перечень преступлений, имеющих характер террористических, расширился. Это было обусловлено как общемировыми тенденциями, так и событиями, происходящими внутри государства.

Впервые термин «терроризм» получил официальное закрепление в отечественном законодательстве постсоветского периода в ст. 3 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», в которой он определялся путем перечисления признаков преступлений террористической направленности, причем в форме, несколько отличной от той, что была использована в Уголовном кодексе. Закрепленную формулировку нельзя было назвать универсальной, так как она определяла терроризм как конкретные действия, описание которых отличалось от того, что было использовано в Уголовном кодексе что создавало предпосылки для коллизий, а также не учитывала расширение перечня преступлений террористического характера. 6 марта 2006 г. был принят новый Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в котором терроризм был признан идеологией, основанной на насилии, использующей устрашение населения (иные формы насильственных действий) с целью оказания влияния на принимаемые органами власти или международными организациями решения. Следовательно, определение термина «терроризм» стало более соразмерным и точным.

Таким образом, на раннем этапе кодификации законодательства в сфере противодействия бандитизму и предотвращения террористических актов наблюдаются не только существенные расхождения в рамках дифференциации данных преступных деяний по сравнению с современными трактовками, но и создание предпосылок для сращивания бандитизма с терроризмом. Историко-правовые предпосылки, а также объективная связь, выражающаяся в совершении бандами преступлений террористического характера, подводит многих авторов к мысли о необходимости включения бандитизма в перечень преступлений террористической направленности [1, с. 27–28].

На наш взгляд, данное предложение является весьма спорным и не отвечающим современным уголовно-правовым реалиям. Так, в советское время наличие в пре-

ступлениях, уголовная ответственность за совершение которых наступала по статье «Бандитизм», признаков преступлений террористической направленности было обусловлено тем, что бандитизм долгое время (вплоть до 1960-х годов XX в.) оставался крайне острой проблемой, в то время как террористические акты совершались редко [2]. В связи с этим считалось более целесообразным не развивать уголовное законодательство в сфере противодействия терроризму, а осуществлять правосудие за преступления данной направленности по имеющимся статьям Уголовного кодекса (в том числе осуждая по статье «Бандитизм»).

В 1980-е годы на волне политических изменений происходит усиление криминальной активности [3], в том числе возрастает число преступлений, имеющих характер террористических [4]. Именно в этот период активно формируется опыт борьбы с данной категорией преступлений, который впоследствии приведет к формированию соответствующей нормативно-правовой базы и правоприменительного опыта.

В настоящее время антитеррористическое законодательство имеет достаточно высокую степень проработанности, сформирована правоприменительная практика, что позволяет эффективно отграничивать преступления террористической направленности от бандитизма. Отнесение бандитизма к преступлениям террористической направленности, равно как и включение его в перечень преступлений, содействующих террористической деятельности, представляется неверным. На практике это сделает затруднительным привлечение по данной статье создателей, руководителей и участников банды, имевших исключительно корыстные цели.

Фактически отнесение бандитизма к преступлениям террористического характера определит в качестве обязательного элемента состава бандитизма наличие определенной идеологии, оправдывающей применение насилия и устрашения в ходе совершения преступлений. При этом бандитизм всегда был преступлением с формальным составом, квалификация по которому происходила по внешним признакам, при этом цели вооруженной устойчивой группы, которые она преследовала при совершении вооруженных нападений, не составляют обязательного элемента состава преступления. Кроме того, это может привести к коллизии, так как неясно, чем в таком случае бандитизм будет отличаться от преступления, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ (организация террористического сообщества и участие в нем).

В связи с изложенным считаем, что говорить о бандитизме террористической направленности недопустимо. При совершении участником банды преступления террористического характера его действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений. Данная тенденция отражена в современной правоприменительной практике (например, приговор А. Даудова по делу о захвате заложников в Буденновске. URL : <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10439145%40fsbMessage.html>). Эта же мысль отражена и в постановлениях пленумов Верховного Суда РФ (например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»). Так, если группа лиц изначально объединяется с целью осуществления террористической деятельности (в том числе террористических преступлений), то уголовная ответственность должна наступать по ст. 205.4, 205.5 УК РФ (в зависимости от соответствующих признаков). Если отдельные члены террористического сообщества (организации) объединились в банду в целях нападения на граждан или организации и участвуют в совершаемых ею нападениях, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 209,

205.4 (205.5) УК РФ (в случае совершения конкретных преступлений добавляется квалификация по совокупности и с ними).

Аналогичная ситуация с участниками незаконных вооруженных формирований (НВФ). Если группа лиц изначально объединяется для совершения вооруженных нападений, не имея цели пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, равно как и не планируя совершать преступления террористической направленности, то ее действия следует квалифицировать как бандитизм. Если деятельность банды начинает приобретать признаки террористического сообщества (организации), НВФ, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 209, 205.4 (205.5), 208 УК РФ (в случае совершения конкретных преступлений добавляется квалификация по совокупности и с ними).

Анализ уголовного законодательства позволяет сделать следующие выводы:

– у бандитизма и преступлений террористической направленности общими являются родовой и видовой объекты. Отличными могут быть дополнительные объекты в связи с тем, что бандитизм и схожие преступления террористической направленности следует рассматривать в контексте преступлений, предполагаемых для совершения группой лиц. Так, для бандитизма будут несвойственны такие дополнительные объекты, как мир и безопасность человечества, основы конституционного строя и безопасность государства;

– при общей схожести объективная сторона каждого преступления будет иметь свои нюансы. Нередко при использовании одинаковых определений в описательной части уголовно наказуемого деяния форма их реализации на практике будет различна. В случае сравнения бандитизма и НВФ различия будут не только в видах и характере вооружения, но и в особенностях организации деятельности внутри группы, как и в случае с объективной стороной. Именно рассмотрение изучаемых составов сквозь призму преступлений, для совершения которых происходит организация группы лиц, позволяет выделить главные отличия объективной стороны бандитизма и преступлений, предусмотренных ст. 205.4, 205.5 УК РФ;

– субъектом бандитизма является лицо, достигшее 16-летнего возраста, субъектом преступлений террористической направленности, схожих по объективной стороне, – лицо, достигшее 14 лет;

– субъективная сторона будет наиболее ярко отражать основные отличия бандитизма от схожих преступлений террористического характера. Так, в основе преступлений террористического характера будут лежать политические, сепаратистские, религиозные идеи, которыми будут руководствоваться преступники. Бандитизм не предполагает наличие каких-либо конкретных целей в качестве обязательного элемента состава преступления.

Таким образом, несмотря на наличие историко-правовых предпосылок «сращивания» бандитизма и преступлений террористической направленности, симбиоза бандформирований с «террористическим подпольем» [5, с. 94], проявляющегося нередко на практике, современное законодательство, его легальное толкование и сформированная правоприменительная практика обладают всеми ресурсами для дифференциации рассматриваемых преступлений.

Библиографический список

1. Боровиков В. Б., Боровикова В. В. Борьба с преступлениями террористического характера: уголовно-правовые аспекты // Российское правосудие. 2006. № 3. С. 27–32.

2. Макаров Г. С. История развития советского уголовного законодательства об ответственности за терроризм // Молодой ученый. 2015. № 11(91). С. 1078–1080.

3. Богданов С. В., Орлов В. Н. За фасадом перестройки в СССР: власть, хозяйственная преступность, общество // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4(9). С. 27–31.

4. Черноусова Е. С. Терроризм как явление в советский период истории России // Обзор. НЦПТИ. 2019. № 2(17). С. 56–59.

5. Магомедов Ш. Б., Абдулатипов А. М. Современные аспекты противодействия бандитизму и экстремизму // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2013. № 3. С. 94–99.

УДК 347.51

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.72-77

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РОМАНОВА,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Рязани,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: iromanovarzn@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Для цитирования

Романова, И. Н. Проблемы юридической ответственности за вред, причиненный при использовании технологий искусственного интеллекта / И. Н. Романова // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 72–77. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.72-77.

Аннотация. Функционирование искусственного интеллекта представляет собой своеобразное явление, которое недостаточно изучено с правовой точки зрения, что приводит к разным оценкам последствий его использования. Главной его особенностью является способность к самообучению, позволяющая принимать различные решения в одних и тех же ситуациях, в зависимости от ранее выполненных действий. В этих условиях возникает закономерный вопрос о наличии правовых оснований для юридической ответственности в случае причинения вреда при использовании подобных технологий. В правовой доктрине иногда обосновывается идея о правосубъектности искусственного интеллекта.

Объект исследования – общественные отношения, возникающие при решении вопросов юридической ответственности за вред, причиненный при применении технологий искусственного интеллекта. Цель исследования – выявление оснований возникновения юридической ответственности и порядка возмещения вреда, причиненного при использовании технологий искусственного интеллекта, а также определение направлений совершенствования законодательства в этой сфере с учетом зарубежного опыта. Методологическую основу исследования составили диалектический, логический, формально-юридический и системно-структурный методы. Материалы исследования: российское законодательство, научные публикации по проблемам применения искусственного интеллекта и решения вопросов ответственности за причиненный при этом вред. Проведенное исследование позволило автору прийти к выводу о том, что в рамках гражданско-правовой ответственности проблема возмещения вреда (ущерба) при использовании

© Романова И. Н., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

технологий искусственного интеллекта может быть решена с позиции признания их в качестве источника повышенной опасности. Из этого следует возможность постановки вопроса об ответственности лица, которое создало, произвело, владело, пользовалось и распоряжалось соответствующими технологиями. Однако при установлении правил гражданской ответственности для случаев использования искусственного интеллекта необходимо обеспечить баланс между защитой интересов общества и сохранением стимулов для инвестиций в соответствующие инновационные продукты. В силу этого важнейшим элементом защиты имущественных интересов потерпевших должно стать страхование ответственности лиц, использующих технологии искусственного интеллекта. Вопрос об административной и уголовной ответственности следует решать исходя их характера наступивших последствий и формы вины причинителя вреда, в качестве которого следует рассматривать лицо, определявшее условия и параметры использования соответствующей технологии.

Ключевые слова: возмещение вреда, защита имущественных интересов, искусственный интеллект, источник повышенной опасности, применение цифровых технологий, страхование ответственности, юридическая ответственность.

Введение

Концепция искусственного интеллекта, появившаяся еще в 1956 г., все больше привлекает к себе внимание юристов, поскольку сфера использования подобных технологий неуклонно расширяется. При этом сами технологии непрерывно совершенствуются, неся не только блага, но и дополнительные, нередко непрогнозируемые риски, обусловленные автономизацией принятия решений искусственным интеллектом, приобретшим способности к обучению и накоплению опыта. Эти риски признаются и разработчиками Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р, которые в качестве принципов деятельности в этой сфере, в частности, провозглашают: обязательность обоснованной оценки рисков причинения вреда жизни и здоровью человека, реализации угроз обороне страны и безопасности государства при применении искусственного интеллекта; запрет на причинение вреда человеку по инициативе систем искусственного интеллекта, что предполагает ограничение разработки, оборота и применения технологий, способных по своей инициативе целенаправленно причинять вред человеку; подконтрольность искусственного интеллекта человеку в той мере, в которой это возможно с учетом требуемой степени автономности таких систем. Исходя из этого ставится вопрос о проработке механизмов гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности в случае причинения вреда системами искусственного интеллекта, имеющими высокую степень автономности, при принятии ими решений, в том числе с точки зрения определения лиц, которые будут нести ответственность за их действия, доработки при необходимости механизмов безвиновной гражданско-правовой ответственности, а также возможности использования способов, позволяющих возместить вред, причиненный действиями таких систем, включая механизмы страхования ответственности.

Эта проблема привлекает внимание как российских [1–3], так и зарубежных [4, 5] ученых, которые оценивают имеющиеся правовые инструменты с точки зрения возможности их использования для решения рассматриваемых проблем и выработки предложений

по их совершенствованию. Исходя из этого цель настоящего исследования состоит в выявлении оснований возникновения юридической ответственности и порядка возмещения вреда, причиненного при использовании технологий искусственного интеллекта, а также определении направлений совершенствования законодательства в этой сфере с учетом зарубежного опыта. Методологическую основу исследования составили диалектический, логический, формально-юридический и системно-структурный методы, которые позволили рассмотреть проблему юридической ответственности за вред, причиненный при использовании технологий искусственного интеллекта в контексте соотношения с уже существующими правовыми институтами, и определить логически вытекающие из этого перспективы развития российского законодательства.

Результаты исследования

Отправным моментом в решении рассматриваемой проблемы является определение сущности искусственного интеллекта, где можно выделить два принципиально отличающихся направления в доктринальных подходах к его решению. Первый базируется на признании правосубъектности искусственного интеллекта, которая, впрочем, характеризуется непостоянством и зависит от типа юнита искусственного интеллекта, его изначальной экспектативной или текущей реальной функционально-целевой нагрузки [6, с. 31]. Предлагается конструкция электронного лица как формализованного технико-юридического образа, обладающего некоторыми признаками юридической фикции (по аналогии с юридическим лицом) [6, с. 30]. Второе направление юридической мысли основывается на признании искусственного интеллекта объектом права, средством осуществления деятельности традиционных субъектов права, поскольку даже «возможность сильных самообучающихся роботов превосходить людей в скорости, точности и объеме вычислительных операций... далеко не равнозначно человеческому сознанию, самосознанию и интеллекту» [1, с. 113]. В силу этого говорить об искусственном интеллекте как субъекте уголовной или административной ответственности, где эмоционально-волевая составляющая поведения является основой для его правовой оценки и принятия решения о применении мер государственного принуждения, вряд ли возможно. Впрочем, то же можно сказать и о деликтной ответственности, в основе которой лежит принцип полного возмещения вреда, источник покрытия которого при признании правосубъектности искусственного интеллекта будет найти затруднительно.

Концепция искусственного интеллекта как инструмента находит широкую поддержку и в зарубежной доктрине. Правила строгой ответственности регулируют поведение машины, связывая физическое или юридическое лицо, от имени которого она действовала, независимо от того, планировалось или предусматривалось такое поведение. Действующими лицами могут быть производители машин, систем искусственного интеллекта, пользователи искусственного интеллекта, программисты программного обеспечения, работающего на таких машинах, и их владельцы [5, с. 387]. Однако можно найти и компромиссные подходы. Так, В. А. Лаптев, признавая роботов с искусственным интеллектом объектом права, допускает, что через несколько десятков лет робот (автоматическое устройство) будет наделяться отдельными элементами правосубъектности (например, коллективной правосубъектностью совместно с лицом, управляемым данным роботом, либо определяющим установки по его поведению) [7, с. 32]. Впрочем, в науке существует точка зрения, согласно которой подобный подход может быть реализован уже на современном этапе [3, с. 45].

С учетом обозначенных трактовок сущности искусственного интеллекта решается и вопрос об основаниях и порядке реализации юридической ответственности за вред,

причиненный при использовании подобных технологий. При этом идея о возможности рассмотрения непрогнозируемых действий и решений искусственного интеллекта как обстоятельств непреодолимой силы, исключающей ответственность, не поддерживается. Одни авторы для достоверного определения субъекта, ответственного за последствия применения технологии искусственного интеллекта, предлагают установить лицо, от имени и в интересах которого оно осуществлялось, то есть «ответственность должна... возлагаться на лицо, получающее прибыль от деятельности искусственного интеллекта» [8, с. 64], другие – использовать уже имеющийся в гражданском праве институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) [1, с. 116].

Некоторые ученые акцентируют внимание на источнике возможной угрозы, заключающемся либо в ошибках программирования и изготовления соответствующих технических устройств, ненадлежащей их эксплуатации либо несанкционированном вмешательстве в их работу. Исходя из этого делается вывод о том, что за негативные последствия использования технологий искусственного интеллекта должны нести ответственность: 1) автор соответствующего изобретения либо программист; 2) юридическое лицо, являющееся правообладателем программного обеспечения либо изготовителем соответствующего технического устройства; 3) пользователь / собственник (как юридическое либо физическое лицо); 4) третье лицо в случае неправомерного завладения роботом или его перепрограммирования на причинение вреда [3, с. 45]. Кроме того, поднимается вопрос и об оценке качества сборки роботов, которая может отразиться на процессе их эксплуатации, становясь причиной наступления негативных последствий [9, с. 185]. Наконец, указывается на необходимость «подумать о дополнении существующей системы специальных деликтов, устанавливающих особые составы правонарушения, прямо предусмотренные законом» [10, с. 68].

Неопределенность в вопросе о субъекте, несущем ответственность за вред, причиненный при использовании технологии искусственного интеллекта, возникающая в том числе из-за объективных трудностей в установлении причин отклонения от заданных алгоритмов, порождает идею об использовании для подобных ситуаций потенциала страхового покрытия подобных рисков. В частности, речь может идти о введении обязательного страхования гражданской ответственности производителей / пользователей роботов за вред, причиненный ими третьим лицам по аналогии с обязательным страхованием ответственности владельцев транспортных средств и иных источников повышенной опасности.

Обсуждение результатов исследования

С учетом оценки существующих в науке подходов к определению сущности искусственного интеллекта представляется необходимым, по крайней мере, для целей привлечения к юридической ответственности исходить из его понимания как инструмента осуществления человеческой деятельности даже при достаточно высокой степени автономизации в принятии решений. Для определения лица, ответственного за вред, причиненный при использовании технологии искусственного интеллекта, целесообразно в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств причинения вреда, устанавливать субъекта, создающего, поддерживающего, контролирующего или вмешивающегося в систему искусственного интеллекта, который и должен нести ответственность за вред или ущерб, причиняемый деятельностью, устройством или процессом. Это предполагает выявление причинно-следственной связи между его поведением и наступившими последствиями. При таком подходе в зависимости от характера наступивших последствий

можно будет говорить о возможности установления оснований не только для гражданско-правовой, но и административной и уголовной ответственности, в том числе если искусственный интеллект был запрограммирован и использовался конкретным лицом в противоправных целях.

При этом очевидно, что в публично-правовой сфере речь может идти только о виновной ответственности, в то время как вопрос о возмещении вреда (ущерба) должен решаться в рамках существующего института гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Как представляется, на современном этапе можно обойтись без расширения системы специальных деликтов, предполагающих формирование особых составов правонарушений. В целях повышения эффективности защиты прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства представляется целесообразным внедрение системы обязательного негосударственного страхования ответственности за вред, причиненный при использовании технологий искусственного интеллекта. Это позволит обеспечить баланс интересов бизнеса, заинтересованного во внедрении передовых технологий, и общества, нуждающегося в действенных мерах защиты от непрогнозируемых рисков использования подобных технологий.

В Резолюции Европейского парламента от 20 октября 2020 г. с рекомендациями Комиссии по режиму гражданской ответственности за искусственный интеллект [2020/2014 (INL)] было отмечено отсутствие необходимости наделения систем искусственного интеллекта правосубъектностью, а следовательно, полного пересмотра хорошо функционирующих режимов ответственности при целесообразности конкретных и скоординированных корректировок режимов ответственности во избежание ситуации, при которой потерпевшие останутся без должной компенсации. При этом был сделан акцент на ответственности оператора, которая оправдана тем фактом, что он или она контролирует риск, связанный с системой искусственного интеллекта, сопоставимый с владельцем автомобиля. Кроме того, из-за сложности и связности системы искусственного интеллекта оператор во многих случаях будет первым видимым контактным лицом для пострадавшего лица.

Выводы

Общепризнанные принципы юридической ответственности предполагают, что лицо, деятельность которого создает риски для общества, должно принять меры для минимизации возможного ущерба, а в случае его наступления возместить его. Из этого в зависимости от обстоятельств причинения ущерба следует возможность постановки вопроса об ответственности лица, которое создало, произвело, владело, пользовалось и распоряжалось соответствующими технологиями.

В рамках гражданско-правовой ответственности проблема возмещения вреда (ущерба) при использовании технологий искусственного интеллекта может быть решена с позиции признания их в качестве источника повышенной опасности. Важнейшим элементом защиты имущественных интересов потерпевших должно стать страхование ответственности лиц, использующих подобные технологии.

При постановке вопроса об административной и уголовной ответственности вопрос следует решать исходя их характера наступивших последствий и формы вины причинителя вреда, в качестве которого следует рассматривать лицо, определявшее условия и параметры использования соответствующей технологии.

Библиографический список

1. Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–119.

-
2. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
 3. Цуканова Е. Ю., Скопенко О. Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 4А. С. 42–48.
 4. Benhamou, Y. & Ferland, J. 2020, 'Artificial Intelligence & Damages: Assessing Liability and Calculating the Damages (February 8, 2020)', *Leading Legal Disruption: Artificial Intelligence and a Toolkit for Lawyers and the Law, Forthcoming*, viewed 11 November 2021, <https://ssrn.com/abstract=3535387>.
 5. Cerka P., Grigiene J. & Sirbikyte G. 2015, 'Liability for damages caused by artificial intelligence', *Computer law & security review*, iss. 31, pp. 376–389.
 6. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.
 7. Лаптев В. А. Ответственность «будущего»: правовое существо и вопрос оценки доказательств // Гражданское право. 2017. № 3. С. 32–35.
 8. Горохова С. С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6. С. 60–67.
 9. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В. В. Архипов [и др.] ; под ред. А. В. Незнамова. М. : Инфотропик Медиа, 2018. 232 с.
 10. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве. М. : Статут, 2013. 133 с.

УДК 347.9:343.848.5

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.78-85

ТАЛЯТ АЛИЕВИЧ СУЛЕЙМАНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: suleymanov.talyat@yandex.ru;

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ФОМИН,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

МЕТОДИКА И ТАКТИКА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Для цитирования

Сулейманов, Т. А. Методика и тактика прокурорского надзора за исполнением законов при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы / Т. А. Сулейманов, В. В. Фомин // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 78–85. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.78-85.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями организации прокурорского надзора за соблюдением законов при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением прокурором предоставленных ему полномочий по реализации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, не связанные с лишением свободы. Цель исследования – выработка предложений и рекомендаций по совершенствованию прокурорского надзора.

Новизна исследования заключается в том, что предпринято изучение вопросов организации и исполнения прокурорского надзора в сфере исполнения законов администрацией уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров, исполняющих наказания, не связанные с лишением свободы, предложены рекомендации по обеспечению законности в их служебной деятельности. В статье излагаются тактические рекомендации по проведению прокурорской проверки за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы.

© Сулейманов Т. А., Фомин В. В., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, законность, прокурорская проверка, осужденные, альтернативные лишению свободы наказания.

Прокуратура Российской Федерации является специализированным правоохранительным органом, который обеспечивает надзор за соблюдением законности в различных сферах жизни человека, в том числе в местах лишения свободы и содержания задержанных. Особенность прокурорского надзора в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) обусловлена тем, что осужденные, отбывающие наказания, не связанные с лишением свободы, ограничены в возможности защищать свои права и интересы. Именно надзорная деятельность прокуратуры для данной категории осужденных выступает гарантией защиты их прав и свобод.

Уголовная политика Российской Федерации ориентирована на сокращение количества осужденных, отбывающих наказания в виде лишения свободы. Приоритетным становится уголовно-исполнительная политика, связанная с исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы. В ней реализуются два принципа уголовного права: принцип экономии уголовной репрессии и принцип гуманизма, которые ориентированы на назначение наказаний, не связанных с лишением свободы. Планируется увеличить количество осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Для лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, назначение наказаний, не связанных с лишением свободы, должно стать практикой в работе судов первой инстанции. Особенность прокурорского надзора за исполнением законов уголовно-исполнительными инспекциями (УИИ) состоит в том, что они исполняют различного вида наказания, не связанные с лишением свободы. Данное направление прокурорского надзора имеет некоторые отличия в специфике целей, задач, методике и тактике проведения. По состоянию на 1 января 2021 г. в УИС имелось 89 уголовно-исполнительных инспекций и 1429 их филиалов, в которых состояли на учете свыше 463 717 тыс. человек (Характеристика лиц, содержащихся в уголовно-исполнительных инспекциях. URL : <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/Xarakteristika%20лиц,%20состоящих%20на%20учете%20в%20уголовно-исполнительных%20инспекциях.xls>).

Статья 32 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в качестве самостоятельного подвида прокурорского надзора определяет надзор за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы. Данный подвид охватывает контроль за законностью исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и контроль за соблюдением прав осужденных, их отбывающих [1, с. 88]. Цель прокурорского надзора за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, – это общая цель деятельности прокуратуры России – верховенство закона, режим законности, охрана интересов общества и государства (ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Общей задачей прокурорского надзора за законностью исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, выступает повышение их эффективности, а также достижение их целей. К конкретным задачам прокурорского надзора относятся:

- профилактика нарушения законодательства при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы;
- выявление и пресечение нарушений законодательства в учреждениях и органах УИС;
- контроль за устранением нарушений и восстановление нарушенного законодательства в учреждениях и органах УИС.

К учреждениям УИС, которые исполняют наказания, не связанные с лишением свободы, относятся УИИ, исправительные центры. Реализация задачи по выявлению и пресечению нарушений законодательства в учреждениях и органах УИС достигается проведением прокурорского надзора, его частотой, эффективностью, методикой и тактикой его проведения. Прокурору необходимо обеспечить надзор за условно осужденными, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы [2, с. 96]. Прокурорский надзор за законностью исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, распространяется на следующие категории осужденных:

– лица, которым назначено наказание в виде штрафа, обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишения воинского, специального звания, классного чина, государственных наград, исправительных работ, ограничения свободы;

– лица, к которым применено условное осуждение, и лица, которым предоставлена отсрочка от отбывания наказания.

Для организации исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, Министерство юстиции Российской Федерации издало два приказа: от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»; от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы». При проведении прокурорской проверки необходимо проконтролировать законность нормативных актов, издаваемых учреждениями УИС, в связи с исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, состояние законности по обеспечению и соблюдению прав осужденных.

В итоге работа прокурорского надзора за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, должна привести к обозначенной выше цели – повышению эффективности наказаний, что означает снижение рецидива совершения преступлений у осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы [3, с. 291]. Прокурорский надзор за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, входит в самостоятельную отрасль прокурорского надзора – надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Деятельность УИИ, исправительных центров как объектов прокурорского надзора подлежит проверке ежеквартально. С осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, участковые уполномоченные полиции проводят индивидуально-воспитательную работу, которая, в свою очередь, также является объектом прокурорского надзора. Можно утверждать, что предметом прокурорского надзора за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, являются:

– проведение индивидуально-профилактической работы с осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

– контроль за поведением осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

К основным задачам уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказаний, не связанных с лишением свободы, относятся [4, с. 45]:

– организация исполнения наказаний;

– регистрация и постановка на учет осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, условно осужденных лиц, осужденных, которым предоставлена отсрочка от отбывания наказания;

– криминалистическая регистрация осужденных, разъяснение осужденным порядка отбывания наказания;

– осуществление надзора за осужденными, их поведением, исполнением ими своих обязанностей, возложенных на них судом;

– проведение воспитательной и профилактической работы с осужденными.

Анализ практики прокурорского надзора показывает, что организация работы и контроль за поведением осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, нуждаются в повышении эффективности и укреплении состояния законности. Предметом прокурорского надзора за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, является проверка соблюдения требований УИК РФ администрациями уголовно-исполнительных инспекций.

Исполнение наказания в виде обязательных работ осуществляется по месту жительства осужденного. Вид выполняемой работы, место работы по согласованию с УИИ определяется органами местного самоуправления. УИИ ведут учет обязательных работ, контролируют поведение осужденного, уведомляют суд, вынесший приговор, о начале исполнения приговора и месте отбывания осужденным наказания в виде обязательных работ [5, с. 91]. Осужденному к обязательным работам разъясняются его права и обязанности, связанные с отбыванием обязательных работ. На каждого осужденного к обязательным работам инспектор УИИ составляет учетную карточку в электронном виде, где ведется подсчет отработанного времени. Если осужденному к обязательным работам отказывают в приеме на работу, то УИИ уведомляет о факте отказа в приеме на работу в прокуратуру по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях [6, с. 369].

Особенность прокурорского надзора за исполнением наказания в виде обязательных работ обусловлена тремя обстоятельствами:

– определение объема прав осужденных к обязательным работам;

– выявление и устранение нарушений законодательства прокурором в части исполнения наказания в виде обязательных работ;

– контроль за соблюдением требований к виду обязательных работ, к которым привлекаются осужденные.

Отбывание наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью исполняется в качестве основного или дополнительного вида наказания. Отбывается данное наказание по месту жительства осужденного. На УИИ возлагается ведение учета осужденных по данному виду наказания, проверка соблюдения запрета осужденным занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, организация проведения индивидуально-профилактической работы с осужденным [7, с. 133]. Сущность данного наказания заключается в адресном запрете конкретному лицу занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Наказание в виде исправительных работ исполняется осужденными по месту работы, а осужденными, не имеющими работы, – по согласованию с УИИ, но в пределах места жительства осужденного. УИИ ведет регистрацию и учет осужденных к исправительным работам, контролирует соблюдение отбывания наказания, поведение осужденного, проводит воспитательную работу. УИИ сообщает в суд, вынесший приговор, о том, что приговор приведен в исполнение. В ходе прокурорской проверки выясняется срок отбытия наказания, начало и окончание срока исправительных работ. Проверяются удержания из заработной платы осужденного (в размере от 5 до 20 % заработка

осужденного). Осужденные к исправительным работам не могут уволиться с работы без разрешения УИИ. При производстве проверки прокурор сам определяет объекты проверки, лиц, подлежащих проверке. Отмеченные обстоятельства определяются в зависимости от организации исполнения исправительных работ УИИ и состояния законности в данной сфере надзора.

Отбывание наказания в виде ограничения свободы исполняет УИИ, за работой УИИ осуществляет надзор прокуратура. Осужденный подлежит регистрации и постановке на учет по месту своего жительства [8, с. 166]. Осужденный проходит криминалистическую регистрацию, дактилоскопирование и постановку на криминалистический учет. УИИ разъясняет осужденному сущность, установленные запреты, порядок и условия отбывания данного вида наказания. С осужденными к ограничению свободы проводится индивидуально-воспитательная работа. Состояние работы контролируется в ходе проверки.

Кроме наказаний, не связанных с лишением свободы, на УИИ возложена обязанность по исполнению меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета на совершение определенных действий. При избрании домашнего ареста судом на обвиняемого может быть возложен ряд ограничений: невозможность покидать жилище в часы, установленные по решению суда, запрет пользоваться средствами связи, почтой, получать и отправлять корреспонденцию. Инспекторы УИИ контролируют соблюдение обвиняемым установленных судом запретов и ограничений.

При производстве проверки исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, прокурор проверяет:

- законность регистрации и постановки на учет осужденного. Основанием для регистрации и постановки на учет осужденного является вступивший в законную силу приговор суда. При поступлении копии приговора в УИИ инспектор регистрирует приговор суда, ставит осужденного на учет. Дата регистрации приговора считается днем постановки осужденного на учет. При поступлении в УИИ копии приговора инспекция не позднее 30 суток со дня ее получения уведомляет суд, вынесший приговор, о приведении приговора в исполнение. Прокурор осуществляет проверку полученной копии приговора с регистрацией и постановкой на учет осужденного в журнале учета осужденных. На каждого осужденного заводится личное дело, составляется учетная карточка. Основанием освобождения осужденного от отбывания наказания является истечение срока наказания, постановление суда об условно-досрочном освобождении от наказания;

- контроль за исполнением осужденным условий отбывания наказания. УИИ создает и впоследствии ведет личное дело осужденного. В личное дело осужденного вносятся все необходимые сведения об осужденном, условиях и порядке отбывания наказания. Проводятся дактилоскопирование осужденного, воспитательная беседа с ним. По окончании беседы заполняется документ об обязанностях и правах осужденного. Условно осужденные обязаны пройти принудительный курс лечения [9, с. 163]. В ходе проверки прокурор изучает личное дело и анкету осужденного, соотносит полученные сведения с личным делом осужденного;

- проведение розыска осужденного либо установление места нахождения условно осужденного. УИИ предпринимает меры по установлению места нахождения осужденного к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Если осужденный отсутствует по месту жительства, УИИ информирует подразделение розыска об отсутствии осужденного, проводит опрос свидетелей по месту жительства, работы, учебы на предмет его местонахождения. Если в период 30 суток осужденный не будет найден, то материалы о скрывшемся осужденном передаются в территориальный орган внутренних дел для

организации и продолжения розыска осужденного. В ходе проверки прокурор изучает документы об организации и объявлении розыска;

– состояние воспитательной работы с осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы. УИИ организует и проводит индивидуально-воспитательную работу с осужденными, для чего привлекаются сотрудники ОВД, прокуратуры, общественность. В ходе проверки прокурор выясняет, применялись ли к осужденному формы воспитательной работы, проводились ли индивидуальные, групповые беседы, посещение осужденных по месту жительства и работы;

– законность применения мер поощрения и взыскания к осужденным. Проверяется правильность составления документов о поощрении или взыскании, справедливость применения мер поощрения или наложения мер взыскания. Для наложения взыскания в личном деле осужденного должен храниться рапорт сотрудника УИИ, объяснения осужденного, документы, подтверждающие факт нарушения условий отбывания наказания осужденным [10, с. 47];

– законность рассмотрения жалоб осужденного. УИИ рассматривает жалобы осужденного в пределах своей компетенции. При невозможности разрешить жалобу осужденного УИИ передает жалобу в вышестоящую инстанцию. Прокурор проверяет, как рассматривались жалобы осужденного, какие были приняты решения по жалобе осужденного. Особой проверке подлежат жалобы осужденного на незаконность применения в отношении его мер взыскания;

– законность осуществления контроля поведения обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. В ходе проверки прокурор устанавливает, какие методы контроля за обвиняемым применялись, при наличии у обвиняемого загранпаспорта он подлежит изъятию, при отказе предоставить его уведомляется миграционная служба РФ для установления запрета на выезд за пределы страны. Не реже двух раз в неделю проводится проверка обвиняемого на предмет соблюдения исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

Типичными нарушениями в деятельности УИИ при работе с осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, являются:

- нарушение сроков регистрации и постановки на учет осужденных;
- неполнота контроля со стороны УИИ за осужденным по выполнению условий отбывания наказания;
- непринятие мер со стороны УИИ для установления местонахождения осужденного;
- формальное ведение воспитательной работы с осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы;
- необоснованное применение мер поощрения и взыскания;
- нарушение сроков постановки и снятия с учета осужденных.

Наказание в виде принудительных работ исполняют исправительные центры, действующие на территории 16 субъектов Российской Федерации. Существует 14 исправительных центров, функционирующих при исправительных учреждениях [11, с. 38]. Прокурорский надзор за исполнением наказаний в виде принудительных работ особо не отличается от проведения надзора за соблюдением законности в исправительных учреждениях. Вместе с тем следует указать на особенности исполнения наказания в виде принудительных работ.

Территориальный орган УИИ по месту жительства осужденного в течение десяти суток со дня получения копии приговора уведомляет осужденного о необходимости прибытия к месту отбывания наказания. Если осужденный уклоняется от отбывания наказания или

не прибывает к месту отбывания наказания, он объявляется в розыск территориальными органами ФСИН России. После задержания осужденного материалы дела передаются в суд для принятия решения о замене принудительных работ на лишение свободы.

Осужденные к принудительным работам обязаны трудиться в местах, определяемых исправительными центрами. Они не вправе самостоятельно поступить на работу, уволиться с работы, перевестись на другую работу. При привлечении осужденных к принудительным работам исправительные центры должны учитывать половые, возрастные ограничения, ограничения по состоянию здоровья. В силу этого в ходе проверки прокурор контролирует трудоустройство осужденных к принудительным работам. В случае уклонения осужденного от отбывания принудительных работ оставшийся срок наказания заменяется лишением свободы из расчета один день принудительных работ на один день лишения свободы [12, с. 97]. Прокурору надлежит выяснить причины нежелания осужденного отбывать наказание в виде принудительных работ.

При трудоустройстве осужденного к принудительным работам прокурор должен проверить обеспечение техники безопасности работодателем, условия труда, режим труда и отдыха, получение спецодежды, инструментов и т. д. Если будут выявлены нарушения трудового законодательства, прокурор принимает меры к их устранению.

Осужденным к принудительным работам запрещается приобретать и хранить при себе предметы, изъятые из гражданского оборота, алкогольную продукцию, игральные карты, порнографическую литературу. При производстве проверки прокурору рекомендуется выяснить, как администрация предприятия контролирует соблюдение осужденными трудовой дисциплины, рабочего времени. Если принудительные работы выполняются на изолированных участках исправительного учреждения, прокурор должен проверить, как обеспечивается изоляция осужденных к принудительным работам от осужденных к лишению свободы.

При отбывании наказания в виде принудительных работ из заработка осужденного производятся удержания. Независимо от суммы удержания осужденному должно быть выплачено не менее 25 % от суммы начисленной заработной платы. Осужденные к принудительным работам оплачивают коммунально-бытовые услуги на свое содержание. Прокурор проверяет законность начисления и удержания из заработной платы осужденного. За добросовестное поведение и отношение к труду осужденные к принудительным работам могут быть представлены к поощрениям. К осужденным, допустившим нарушение условий отбывания наказания, могут применяться меры взыскания. Меры взыскания или поощрения налагаются начальником исправительного центра. В ходе проверки прокурор должен отменять незаконные решения о поощрении или наложении взыскания на осужденного к принудительным работам.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что организация прокурорского надзора за исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, должна способствовать повышению их эффективности, а следовательно, и снижению рецидива совершения преступлений у осужденных. Итогом прокурорских проверок в органах и учреждениях УИС должен стать режим законности, где все объекты надзора соблюдают и исполняют действующее законодательство. Сейчас ситуация такая, что проверки проводятся, а режима законности нет [13, с. 104]. Прокурорская проверка выступает одной из основных форм прокурорского надзора в системе УИС.

На сегодняшний день необходимо решить задачу, которая состоит в том, что большое число проверок не уменьшает количества нарушений законодательства в системе УИС. В подтверждение изложенного следует отметить, что большинство жалоб на наруше-

ние прав человека в Европейский суд по правам человека приходится на осужденных, содержащихся в учреждениях УИС. Эффективность прокурорского надзора в органах и учреждениях УИС повысится только тогда, когда прокурорские проверки будут проводиться качественно для достижения целей прокурорского надзора.

Библиографический список

1. Рубцова О. Н. Цели и задачи прокурорского надзора за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания, не связанные с лишением свободы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2016. № 16(2). С. 86–92.
2. Витина М. Д. Прокурорский надзор за соблюдением законов при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 95–97.
3. Рубцова О. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов органами полиции при осуществлении контроля за лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и лишению свободы условно // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25(1–4), № 2. С. 291–294.
4. Никитин Е. Л., Кустов М. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание, мест содержания задержанных и заключенных под стражу : учеб. пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 63 с.
5. Трегубова Е. А. О некоторых особенностях исполнения наказания в виде обязательных работ // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 5(36). С. 89–95.
6. Коваленко Е. Н. Прокурорский надзор за исполнением наказания в виде исправительных и обязательных работ // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 4(17). С. 367–369.
7. Лядов Э. В. Уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в законодательстве и правоприменительной практике // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33, № 1. С. 133–139.
8. Малков В. П., Шафигуллина Ч. Ф. Ограничение свободы в системе видов наказаний по Уголовному кодексу Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 3(15). С. 164–170.
9. Степашин В. М. Обязанности, возлагаемые при условном осуждении по усмотрению суда // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2013. № 4(37). С. 161–167.
10. Красоткин П. Н., Шаклеина А. Ю. Организационные и правовые проблемы исполнения некоторых наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы // Вестник Кузбасского института. 2019. № 3(40). С. 46–56.
11. Саутина С. А. Исправительные центры в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 2(213). С. 37–44.
12. Дулепов В. В. Принудительные работы как вид уголовного наказания // Закон и право. 2018. № 10. С. 96–98.
13. Гречин А. В. Анализ осуществления и реализации прокурорской деятельности по соблюдению и исполнению законов в местах содержания под стражей уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (на материалах статистических данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации и прокуратур субъектов) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 103–112.

УДК 159.923:343.83

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.86-95

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА СОРОКОУМОВА,

доктор психологических наук, профессор,
Российская академия образования, г. Москва, Российская Федерация;
профессор факультета психологии,
Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Российская Федерация;
профессор кафедры социальных и гуманитарных дисциплин,
Новосибирский военный ордена Жукова институт
имени генерала армии И. К. Яковлева войск Национальной гвардии,
г. Новосибирск, Российская Федерация;
профессор кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-8339-6597,
e-mail: 4013@bk.ru;

ДЕНИС АЛЕКСЕЕВИЧ КУРДИН,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0002-9292-7342,
e-mail: dnskurdin@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ DATA MINING В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Для цитирования

Сорокоумова, С. Н. Использование data mining в изучении динамики личностного роста курсантов ведомственного вуза Федеральной службы исполнения наказаний / С. Н. Сорокоумова, Д. А. Курдин // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 86–95. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.86-95.

Аннотация. Исследования в области компьютерных технологий и создание новых программных продуктов сегодня крайне актуальны. Данные сферы развивают смежные научные области. Data mining – одно из ключевых понятий современной науки, метод, способный внести новые веяния в устоявшиеся инструменты добычи новых знаний. Данный метод имеет под собой философский фундамент в виде ответвления механицизма – коннекционизма. Одно из самых перспективных направлений data mining – это нейронные сети. Искусственная нейронная сеть представляет собой алгоритм, позволяющий принимать решения в отношении испытуемых посредством распределения их по группам. В статье отра-

© Сорокоумова С. Н., Курдин Д. А., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

жены результаты работы по созданию искусственной нейронной сети на базе Академии ФСИН России как эффективного инструмента психологического сопровождения курсантов ведомственных вузов Федеральной службы исполнения наказаний. Целью исследования являлось рассмотрение теоретических основ понятия «data mining» в психологии; изучение возможности использования некоторых методов data mining в психологии; описание практических примеров применения методов data mining. В исследовании приняли участие 548 курсантов Академии ФСИН России, при создании искусственной нейронной сети использовались обследования августа 2019 г., для проверки гипотезы и создания программы профилактики – обследования 2021 г.

В качестве методик тестирования были выбраны: Опросник самооценки (В. В. Столин, 1985); Диагностика эмоционального интеллекта (Н. Холл); Опросник «Структура индивидуального правосознания» (Д. В. Сочивко, Т. А. Симакова); Самоактуализационный тест (САТ); Опросник психодинамической типологии просоциального (дистантного) поведения (Д. В. Сочивко). Эти данные послужили основой для разработки и создания искусственной нейронной сети, которая впоследствии анализировала данные зачисленных на первый курс будущих сотрудников.

Ключевые слова: data mining, курсанты, искусственная нейронная сеть, психологические исследования, профилактика отчислений, психологическое сопровождение.

Введение

Использование новых методов обработки информации открывает позитивные перспективы поиска новых знаний, в том числе психологических. Математические знания в симбиозе с вычислительной мощностью компьютеров (ЭВМ) могут дать психологической науке мощный толчок развития. Использование инноваций имеет в своем фундаменте философские знания, метод data mining не стал исключением. Предпосылки метода лежат в философии механицизма, а конкретнее – в его ответвлении – коннекционизме. Коннекционизм (от англ. *connectionism* от *connection* – связь): 1) психологическое направление, заявленное в работах Э. Л. Торндайка, посвященных исследованию законов научения как формирования связей между стимулом (ситуацией) и реакциями организма; 2) направление когнитивной науки, обозначаемое как нейронные сети [1]. По нашему мнению, определение данного понятия заужено, необходимо включить в него не только нейронные сети, но и все смежные методы, которые возможно объединить общим термином «data mining», то есть добыча данных.

Data mining – это собирательное значение для методов, дающих возможность ориентироваться в потоке информации, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности. Данный термин был впервые введен Г. И. Пятецким-Шапиро. Огромный прогресс виден и в text mining (большинство программных комплексов для data mining теперь включают в себя компоненты для text mining), а также в multimedia mining. И то и другое – прекрасные области для исследований [2]. Data mining – это процесс поддержки принятия решений, основанный на поиске в данных скрытых закономерностей (шаблонов информации) [3].

Использование в практической области data mining достаточно распространено. Существуют научные исследования, связанные с этим методом, в том числе

отечественные. А. Б. Мосягин использовал методологию data mining при решении задач обработки социальных данных [4]. Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев исследовали результаты сбора и учета больших данных, характеризующих реальное поведение людей, а также последствия влияния больших данных на общество, социальные науки и психологическое знание [5]. Р. Б. Куприянов, Д. Л. Агранат, Р. С. Сулейманов не только применили data mining в психологическом знании, но и выстроили систему индивидуальных образовательных траекторий [6]. На сегодняшний день есть примеры законченных исследований в психологической науке с использованием искусственной нейронной сети (ИНС) (А. А. Арзамасцев, П. А. Азарова, Н. А. Зенкова [7], Е. В. Славутская, В. С. Аbruков, Л. А. Славутский [8], М. Г. Доррер [9] и др.).

Методы

Data mining можно условно разделить на три уровня [10]:

- 1) поверхностный – по аналогии с психодиагностикой это простая первичная обработка данных. Цифровое представление ответов на стимулы в шкалах методики;
- 2) неглубокий – по той же аналогии. Это статистическая обработка данных, то есть применение различных критериев (t-Стьюдента) для подтверждения гипотез;
- 3) скрытый – раскрывается понятие коннекционизма. Обработка данных происходит с элементами искусственного интеллекта, нейросетевого анализа и др.

Рассмотрим применение data mining в психологических исследованиях более подробно. Следует обозначить методы, которые, по нашему мнению, могут быть использованы в психологических исследованиях: муравьиный алгоритм, искусственная нейронная сеть, клеточный автомат, генетический алгоритм (табл. 1). Именно в такой последовательности от менее требовательных к вычислительным мощностям ЭВМ к более требовательным.

Таблица 1

Методы data mining в психологии

Метод data mining	Область применения в психологии	Ресурсозатратность
1	2	3
Муравьиный алгоритм	Данный подход к поиску оптимального пути представлен в вычислениях, производимых компьютерами. Если за оптимальный путь принять психологические параметры, подходящие, например, под определенный род деятельности (по примеру профессионального психологического отбора), то алгоритм в вычислениях подберет те значения из имеющихся, которые будут максимально подходить под заявленные психологические требования (например, кандидатов на должность)	Использование мощности ЭВМ невелико, но пропорционально количеству точек оптимизации пути
ИНС	Использование ИНС дает существенные преимущества по сравнению с муравьиным алгоритмом. ИНС не только анализирует оптимальный путь, но и прогнозирует успешность его нахождения, вычисляет и анализирует связи имеющихся значений	Использование мощности ЭВМ достаточно велико, но пропорционально входящим данным и количеству скрытых слоев

Окончание таблицы 1

1	2	3
Клеточный автомат	Использование клеточного автомата – это уровень взаимодействия между данными психологического характера. Каждый представленный населяющий клеточный автомат бот включает в себя ИНС, а она соответственно муравьиный алгоритм. Таким образом клеточный автомат создает условия, вычисляет и анализирует взаимодействие связей существующих значений	Использование мощности ЭВМ велико и не хватит для полноценного моделирования в полном объеме человека. На сегодняшний день представляется возможным использование в анализе простейших микроорганизмов, вирусов, бактерий
Генетический алгоритм	Использование генетического алгоритма в авторском представлении именно как обобщающего метода, применимого в связке с клеточным автоматом, ИНС, муравьиным алгоритмом, позволит создавать новые значения	Использование мощности ЭВМ велико. На сегодняшний день не представляется возможным

Муравьиный алгоритм – один из методов искусственного интеллекта, предложенный М. Дориго. Основная идея алгоритма подсмотрена в природе и имитирует движение колонии муравьев [11].

Искусственная нейронная сеть – математическая модель, а также ее программное или аппаратное воплощение, построена по принципу организации и функционирования биологических нейронных сетей – сетей нервных клеток живого организма [12].

Клеточный автомат – среда обитания, закольцованная внутри себя, созданная модель программной реальности с моделируемыми законами, ресурсами, наполняемая искусственными программируемыми организмами (ботами), по аналогии с природой – вода и одноклеточные организмы. Клеточные автоматы – это «дискретные динамические системы, поведение которых полностью определяются в терминах локальных зависимостей... в информатике они являются аналогом физического понятия «„поле”» [13].

Генетический алгоритм – это алгоритм поиска, используемый для решения задач оптимизации и моделирования путем случайного подбора. Создатель этого метода Н. А. Барричелли был одним из пионеров эволюционных вычислений [14].

В практическом исследовании, проведенном нами на базе Академии ФСИН России, применялась ИНС по следующим причинам: во-первых, ИНС – один из самых развитых и наиболее исследованных в практическом аспекте методов, о чем уже упоминалось ранее; во-вторых, относительно небольшое использование ресурсов в построении ИНС, развитые программные комплексы для обработки данных ИНС. ИНС весьма многочисленны. Классификация ИНС выглядит следующим образом:

1) по типу организации слоев ИНС:

– полносвязные нейронные сети – структуры, в которых каждый нейрон сети имеет прямую связь с другими нейронами;

– многослойные нейронные сети (перцептроны) – нейроны объединяются в слои, содержащие совокупность нейронов с единными входными сигналами. Могут содержать входной, выходной и N промежуточных слоев;

2) типу входной информации:

– аналоговые нейронные сети – используют информацию в форме действительных чисел;

– двоичные нейронные сети – оперируют с информацией, представленной в двоичном виде;

– образные нейронные сети – оперируют с информацией, представленной в виде образов: знаков, иероглифов, символов;

3) характеру настройки синапсов:

– сети с фиксированными связями – весовые коэффициенты нейронной сети выбираются сразу, исходя из условий задачи;

– сети с динамическими связями – для них в процессе обучения происходит настройка синаптических связей.

4) характеру обучения:

– нейронные сети, использующие обучение с учителем;

– нейронные сети, использующие обучение без учителя;

– смешанная парадигма обучения.

Рассмотрим структуру ИНС. Основой нейросети служит нейрон, который состоит из входных данных (X), весов связей (W), сумматора, функции активации, выходных данных (Y). Входные данные – это данные числового вида, которые могут поступать из любых источников, например данные о набранных баллах испытуемых при проведении психодиагностики. Веса связей – результат обучения ИНС, то есть изменяемые числа, благодаря которым ИНС обретает «опыт» предыдущих итераций. Сумматор и функции активации – внутренние инструменты ИНС, необходимы для ее функционирования (рис. 1).

В нашем исследовании ИНС создавалась с использованием следующих программных продуктов: IBM SPSS 22.0, Neural Excel, STATISTICA 13.3 Automated Neural Networks. Данные программы работали независимо друг от друга, что также позволяло увеличить прогноз и валидность результатов. Критериями успешно созданной ИНС послужили: высокий прогноз (минимум 85 %), стремление к минимальной вычислительной мощности, что уже обсуждалось в научном сообществе как оптимальное значение [15]. В качестве прототипа ИНС был выбран многослойный перцептрон. Для «обучения»

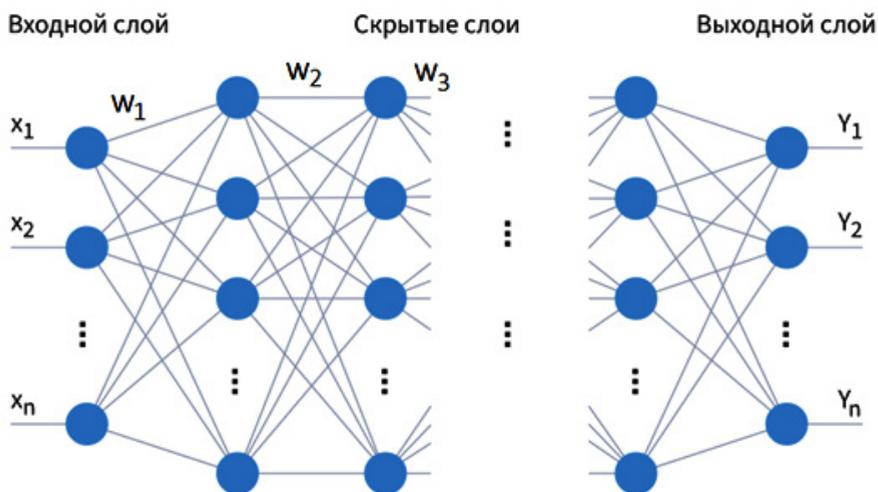

Рис. 1. Многослойная ИНС:

X_1, X_2, X_3 – данные психодиагностического обследования клиента (ответ на вопросы или баллы шкал); W_1, W_2, W_3 – веса ИНС (изменяемые коэффициенты с целью оптимального результата); Y_1, Y_2, Y_3 – результат прогноза или псевдовероятность

ИНС использовались «сырые» баллы методик: Опросник самооотношения (В. В. Столин, 1985); Диагностика эмоционального интеллекта (Н. Холл); Опросник «Структура индивидуального правосознания» (Д. В. Сочивко, Т. А. Симакова); Самоактуализационный тест (САТ); Опросник психодинамической типологии просоциального (дистантного) поведения (Д. В. Сочивко).

Ход создания ИНС выглядел следующим образом. Данные эмпирического обследования курсантов были переведены в матрицу данных Excel, где курсанты, отчисленные по отрицательным мотивам, составляли отдельную группу. В качестве входящих нейронов выступали набранные баллы по шкалам и ответы испытуемых на стимулы перечисленных методик, в качестве выходных нейронов – результаты классификации по параметру «отчислен» – «не отчислен», то есть вероятность принадлежности к группе, представленная в процентах. Всего нейронов в ИНС 1118, входящих нейронов – 10, скрытых нейронов – 10, выходов – 2, функция активации – экспонента, Softmax.

Результаты

Обязательным условием стабильной работы ИНС является процесс обучения – порядок подбора коэффициентов (W) с помощью метода обратного распространения ошибки. Заключается он в зависимости коэффициента (W) от результата анализа ИНС (в нашем случае принадлежность к группе отчисленных курсантов). При первой итерации коэффициенты (W) подбираются случайно, а далее корректируются разностью промежуточного результата вывода ИНС. Основная цель данного метода состоит в обучении ИНС определению максимально схожего значения в группе отчисленных курсантов. На практике это выглядело следующим образом. В августе 2019 г. было проведено обследование 273 курсантов Академии ФСИН России по методикам, упоминавшимся ранее. Принадлежность к факультетам, демографические данные не учитывались. На момент августа 2021 г. 25 курсантов было отчислено из Академии ФСИН России по следующим причинам: слабая успеваемость, низкая дисциплина и по собственному желанию (отсутствие мотивации к учебе, плохая адаптация и т. п.). 248 курсантов из обследованных продолжали обучение в Академии ФСИН России. Группу отчисленных курсантов разделили пропорционально: 70 и 30 %. Большую часть использовали для обучения ИНС, меньшую – в качестве проверки результатов обучения. Обучение ИНС происходило с помощью программы IBM SPSS Statistics 22.0 и STATISTICA 13.3 Automated Neural Networks.

В результате анализа было выявлено, что ИНС вполне справляется с поставленными задачами и может с высокой вероятностью предсказывать результат отчисления. В результате обученная ИНС смогла предсказать 88 % отчисленных курсантов (табл. 2).

Таблица 2

Результаты работы созданной ИНС

Группы	Количество курсантов	Отчислено по мнению ИНС	Обучаются по мнению ИНС	Точность прогноза ИНС, %
Отчисленные	25	22	3	88
Обучающиеся	248	29	219	89

Работа обученной ИНС заключалась в следующем. В августе 2021 г. проведено психологическое обследование курсантов первого курса набора 2021 г. по методикам, упомянутым выше. Всего обследовано 275 чел. Данные психодиагностики загрузались в

Рис. 2. Нормализованная важность параметра

обученную ИНС, которые она анализировала. В результате анализа из 275 курсантов 19 были помечены как отчисленные. Тем самым ИНС обозначила группу курсантов, которые могут быть отчислены.

В упомянутых программных комплексах существует функция, благодаря которой возможно наблюдать, на какие данные ИНС опиралась при составлении прогноза, и выстроить их в иерархию. Программная платформа IBM SPSS Statistics 22.0 создает иерархию важности компонентов, данный параметр имеет название «Нормализованная важность». Программный комплекс STATISTICA 13.3 Automated Neural Networks имеет отличное название этой функции – «Сенсорная чувствительность ИНС». Такая функция позволяет выявить степень значимости того или иного показателя на выходные решения. Она оценивает прогнозную силу каждого отдельного параметра и на его основе ранжирует факторы. На рисунке 2 представлены наиболее значимые переменные, которые имелись в нашей сети при ранжировании с помощью показателя нормализованной важности.

На левой стороне рисунка 2 – название шкал перечисленных методик, то есть факторы, качества, умения – то, что описывают эти шкалы, на правой – количественное выражение, вклад данных шкал в структуру ИНС. Другими словами, баллы шкалы «Самоуважение» методики «Самоактуализационный тест» на уровне 3,5 % влияют на результата прогноза ИНС. Значит, для профилактики отчисления из вуза необходимо корректировать уровень самоуважения курсанта.

На основе описанных исследований была создана программа профилактики. Данная программа включала в себя блок психодиагностики и сессии индивидуальных консультативных встреч с курсантами, которых ИНС отметила как отчисленные. Уникальность программы заключается в ее универсальности. Программу возможно модифицировать таким образом, что в поле ее зрения будут попадать любые респонденты с заданными характеристиками. Цель программы – это диагностика и профилактика негативных психологических особенностей курсантов ведомственных вузов ФСИН России, которые способствуют их отчислению. Задача программы – диагностировать респондентов,

Рис. 3. Схема работы психодиагностики с помощью ИНС

выявлять из их числа нуждающихся в психологической помощи, указывать психологу психологические особенности, необходимые для коррекции.

Первая часть программы – диагностика с помощью ИНС, поиск курсантов, которые нуждаются в профилактике отчисления, а также поиск психологических качеств для коррекции (рис. 3).

Блок 1 – ввод данных осуществляется испытуемыми при проведении психодиагностического обследования, ответы заносятся в базу данных, например на платформе Excel.

Блок 2 – на основе базы данных результатов обследований испытуемых создается ИНС. С Excel осуществляется перенос данных в программные комплексы IBM SPSS 22.0, STATISTICA 13.3 Automated Neural Networks, посредством которых формируется и обучается ИНС.

Блок 3 – использование прогноза ИНС в работе – это результат работы ИНС. В прогноз входит количественное представление соответствия с «внутренним представлением» ИНС. Психолог получает конкретный список испытуемых, с которыми необходимо провести психологические мероприятия (консультация или коррекция). В прогноз также входит иерархия факторов, которые влияют на построения ИНС, они же психологические свойства, которые следует корректировать. После прогноза у психолога есть конкретные курсанты и их психологические свойства и качества, что позволяет сосредоточить усилия именно там, где необходима психологическая помощь.

Блок 4 – данные, получаемые при прогнозе, могут отличаться от реальной обстановки в силу объективных причин. Стандартное эффективное использование ИНС строится на уровне 80–90 % достоверности. Если учесть, что и окружающие обстоятельства испытуемых также могут меняться, то ИНС необходимо корректировать, внося новые данные, и переобучать. Этот процесс сделает систему динамичной и гибкой к изменениям окружающей действительности.

Организация работы пенитенциарного психолога по указанной схеме позволит эффективно очерчивать круг курсантов, с которыми необходимо проводить работу по профилактике отчисления. Коррекция ИНС в зависимости от новых данных поможет не потерять актуальность.

Вторая часть программы связана с развитием свойств, направленных на профилактику отчисления. Нормализованная важность или сенсорная чувствительность программ, создающих ИНС, позволяют выдать те качества, умения, свойства психики, которые необходимо развивать. Эта информация была перенесена в план индивидуальных консультаций с курсантами, которых ИНС отметила как отчисленных. Консультативные сессии проводились еженедельно на протяжении 2 месяцев, каждый курсант в среднем посетил психолога 4 раза. При повторном тестировании группы отчисленных были получены следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3

Результаты по отдельным шкалам

Группа	Шкалы методик					
	Социальная тревожность	Самоуважение	Самотрансцендентность	Ответственность	Интегральное чувство за или против	Управление своими эмоциями
	В сырых средних баллах по выбранной группе					
До коррекции	5,90	12,09	61,86	43,13	20,05	6,68
Контрольная группа	7,45	11,4	61,94	41,04	20,79	6,86
После коррекции	6,68	11,13	61,22	41,86	20,54	6,45

Результаты повторного психодиагностического обследования загружались в ИНС для анализа. Целью служила оценка нейросетью проведенной работы и повторный прогноз по группе. Из 19 курсантов, отмеченных ранее как отчисленные, ИНС при повторном прогнозе оставила 7 курсантов.

Выводы

1. Использование ИНС как одного из методов data mining является эффективным. Применение в качестве материалов для обучения ИНС данных психологических обследований отчисленных курсантов позволит объективизировать принятие решений в выборе объектов для усиленного психологического сопровождения. Обученная ИНС в состоянии эффективно справляться с задачами прогноза психологического сопровождения.

2. Структурные составляющие ИНС позволяют очертить психологические качества, свойства в качестве объектов в контексте профилактики отчисления курсантов из Академии ФСИН России. Данные ИНС позволяют создать эффективные планы консультаций с курсантами.

3. В результате проведенного исследования стало возможным создать и полностью апробировать систему профилактики отчисления курсантов Академии ФСИН России. Эта система была внедрена в деятельность психологических служб Академии ФСИН России и Самарского юридического института ФСИН России.

Библиографический список

1. Психологическая энциклопедия. URL : https://gufo.me/dict/psychology_encyclopedia (дата обращения: 01.03.2020).

2. Левкович-Маслюк Л. И. Великие раскопки и великие вызовы // Компьютерра. 2007. № 11. С. 48–51.
3. Паклин Н. Б., Орешков В. И. Бизнес-аналитика: от данных к знаниям. М. : Питер, 2013. 701 с.
4. Мосягин А. Б. Использование методологии data mining при решении задач обработки социальных данных // Большая социология: расширение пространства данных : материалы V Междунар. социол. Грушинской конф. М., 2015. С. 143–145.
5. Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Анализ больших данных в психологии и социогуманитарных науках: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 5–17.
6. Куприянов Р. Б., Агранат Д. Л., Сулейманов Р. С. Использование технологий искусственного интеллекта для выстраивания индивидуальных образовательных траекторий обучающихся // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Информатизация образования. 2021. Т. 18, № 1. С. 27–35.
7. Арзамасцев А. А., Азарова П. А., Зенкова Н. А. Модель профессиональных и личностных качеств студентов университета на основе искусственной нейронной сети с адаптивной структурой // Вестник тамбовского университета. Сер. Естественные и технические. 2007. № 5. С. 623–632.
8. Славутская Е. В., Аbruков В. С., Славутский Л. А. Простые нейросетевые алгоритмы для оценки латентных связей психологических характеристик младших подростков // Экспериментальная психология. 2019. № 2. С. 131–144.
9. Доррер М. Г. Психологическая интуиция искусственных нейронных сетей : дис. ... канд. тех. наук. Красноярск, 1998. 127 с.
10. Дюк В., Самойленко А. Data mining : учеб. курс. СПб. : Питер, 2001. 368 с.
11. Кирсанов М. Н. Графы в Maple. М. : Физматлит, 2007. 168 с.
12. Нейронная сеть // Большая российская энциклопедия : в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. М. : Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
13. Астафьев Г. Б. Клеточные автоматы : учеб.-метод. пособие. Саратов, 2003. 24 с.
14. Fogel, D. B. 2006, 'Historic perspective – Nils Barricelli-artificial life, coevolution, self-adaptation', *IEEE Computational Intelligence Magazine*, iss. 1, pp. 41–45.
15. Курдин Д. А. Прогноз успешности обучения курсантов с помощью искусственной нейронной сети на основе результатов исследования динамики личностного роста // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сб. материалов Всерос. симпозиума психологов с международным участием. Рязань : Академия ФСИН России, 2020. С. 799–805.

УДК 343.83:159.9:328.185

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.96-101

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СИМАКОВА,

кандидат психологических наук, доцент,

ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра,

Академия ФСИИ России, г. Рязань, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-0777-1111,

e-mail: simakovatanea@yandex.ru;

ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА ГАВРИНА,

кандидат психологических наук, доцент,

начальник психологического факультета,

Академия ФСИИ России, г. Рязань, Российская Федерация,

ORCID 0000-0001-8131-8122,

e-mail: gawrina_elen@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ И КОРРУПЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Для цитирования

Симакова, Т. А. Психологическая неустойчивость и коррупционная направленность личности как проблемы профессионального образования / Т. А. Симакова, Е. Е. Гаврина // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 96–101. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.96-101.

Аннотация. Психологическая неустойчивость личности как чрезмерная подверженность влиянию негативных факторов окружающей действительности и коррупционная направленность личности как ориентированность самореализации вне правового поля имеют взаимосвязь и являются факторами национальной безопасности Российского государства. В контексте реализации комплексного подхода к решению проблемы преодоления указанных социально-психологических недугов следует особое внимание обратить на профессиональное образование современной молодежи. Профессиональная подготовка на этапе высшего образования обладает значительным ресурсом для решения обозначенной проблемы при условии ее оптимизации за счет реализации ряда методологических принципов и оптимизации психологического сопровождения обучающихся.

Ключевые слова: психологическая неустойчивость личности, коррупционная направленность личности, профессиональная подготовка, профессионализм личности, методологические принципы профессионально-образовательной деятельности.

© Симакова Т. А., Гаврина Е. Е., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Психологическая неустойчивость личности в современной действительности, характеризующейся повышенной турбулентностью социальных процессов, непредсказуемостью и прямой угрозой жизни из-за пандемии, имеет тенденцию нарастания во всех слоях населения. При этом коррупционная направленность личности, относясь к социальным недугам, также имеет характер массовых проявлений. Масштабность коррупционной зараженности современного общества заставляет трактовать данный феномен как фактор национальной безопасности Российского государства. Необходимость комплексного решения названной проблемы требует задействования всех институтов общества. Институт образования обладает энергоемким ресурсом предотвращения появления психологической неустойчивости и коррупционной направленности личности. Особенное значение и наибольший потенциал данного ресурса раскрываются на этапе вузовского образования в онтологическом и онтогенетическом контекстах. Современная система профессионально-образовательной деятельности обладает способностью предотвращения возникновения и развития коррупционной направленности личности за счет формирования психологической устойчивости на этапе вузовского становления личности профессионала. Эмпирические исследования профессиональной среды гражданского общества, ведомственных силовых структур и осужденных, отбывающих наказания за преступления коррупционного характера [1], позволяют констатировать, что профессиональная неподготовленность специалистов (сотрудников), неспособность личности к самореализации в профессиональной деятельности рассматриваются в качестве пусковых механизмов названных социальных недугов. Важнейшим условием оптимизации профессионального образования личности обучающихся, по нашему мнению, является реализованность методологических принципов развития, субъектности, деятельности, гуманизма, комплексного подхода. Продуктами психологического сопровождения вузовской профессиональной подготовки являются навыки использования внутреннего ресурса личности при проживании затруднительных обстоятельств жизнедеятельности, навыки эффективного психофизиологического восстановления при возникновении непредвиденных сложных обстоятельств, навыки гигиены и поддержания психологического и физического здоровья, оптимизация саморазвития когнитивных процессов и опора на критичность мышления, духовно-нравственный статус личности, готовность к самопреобразовательной деятельности, навыки саморегуляции в случаях возникновения форс-мажорных обстоятельств, ориентированность личности на общечеловеческие ценности в поиске ресурсов преодоления объективных и субъективных затруднений в контексте возникновения абсолютно новых социальных явлений, связанных с пандемией.

Проблема психологической неустойчивости в настоящее время имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, ее особенности рассматриваются психологами, психофизиологами, медицинскими работниками, политологами, социологами, философами и представителями современного социально ориентированного искусства. Психологическое содержание этого феномена раскрывается в особенностях сознания, отношения и поведения. Проявление психологической неустойчивости маркируется личностным обесцениванием ценности жизни, неспособностью находить и использовать внутренние и внешние ресурсы для преодоления возникающих препятствий в удовлетворении потребностей, преобладанием переключивания ответственности за персональное благополучие на внешние инстанции, склонностью к катастрофизации при отсутствии прямой и однозначной угрозы жизни. На наш взгляд, широта проявления психологической неустойчивости не является доказательством ментальной особенности наших соотече-

ственников. Корни этого социально-психологического недуга имеют историческое происхождение и связаны с общественно-экономическими преобразованиями общества, носившими характер потрясений, близкий по содержанию и времени осуществления к социальным катастрофам. Опасность психологической неустойчивости личности заключается в стирании границ персональной ответственности личности за свою жизнь и благополучие, в неспособности использования доступных ресурсов самозащиты, в отрицании необходимости выдерживать определенные психологические и психофизиологические нагрузки в изменяющихся условиях окружающей действительности. Это, в свою очередь, порождает вседозволенность и создает почву для жизни по принципу «так сложились обстоятельства».

Коррупционная направленность личности представляет собой комплексное свойство личности, ядерным образованием которого является система потребностей достижения желаемого посредством использования (включая злоупотребление) служебного положения, игнорируя законные интересы общества и государства в целях получения выгоды.

Исследования теоретических сторон проблем психологической устойчивости и коррупционной направленности личности, а также эмпирические исследования привели нас к пониманию взаимосвязи этих негативных социальных явлений. Встает закономерный вопрос: что же делать с этими острейшими проблемами современного общества? Безусловно, превентивные меры и собственно борьба с этими социальными недугами должны иметь комплексный характер, в ней должны быть задействованы все институты гражданского общества, начиная с семьи, включая образовательные государственные организации, правоохранительные органы, средства массовой информации, общественные организации, религиозные концессии. На наш взгляд, один из наиболее энергоемких ресурсов по профилактике и предупреждению развития рассматриваемых негативных социальных явлений – это профессиональное образование. В содержание такого профессионального образования входит понимание профессионализма личности в качестве универсального механизма прикрепления отдельного человека к миру других людей через профессиональную деятельность посредством самореализации в ней, а не способа зарабатывания на жизнь и выполнения труда, лишённого ценностно-смыслового отношения, независимо от сферы деятельности. Первое от второго отличается высокой внутренней мотивированностью, ценностным отношением к труду и развитыми практическими навыками уже на начальных этапах осуществления профессиональной деятельности.

Многолетние эмпирические исследования феноменов коррупции и психологической устойчивости сотрудников и обучающихся уголовно-исполнительной системы [1, 2] показали, что в большинстве случаев их пусковыми механизмами являются глубинные чувства неудовлетворенности личности, переживание собственной несостоятельности, нереализованность в карьерном росте. Достижение высокого уровня профессиональной компетентности (независимо от вида профессиональной сферы) снимает сложнейшее противоречие в общем контексте поиска смысла жизни: «Для кого и для чего жить, для себя или для других?». Важнейшим признаком такой профессиональной деятельности является отсутствие переживания «отчужденности» (К. Маркс, А. Н. Леонтьев) личности от результатов деятельности. Становясь мастером-профессионалом «со своим почерком», своим авторским стилем получения продукта деятельности, предназначенного для других, человек реализует свою уникальность. Его продукты труда становятся узонаваемыми, востребованными другими людьми только потому, что он в них особенным образом отразил свою самобытность, свои способности.

Каким должно быть профессиональное образование, чтобы обучающиеся были готовы к такому восприятию профессионального труда и самореализации в нем? Во многом ответ на этот вопрос был заложен в трудах выдающегося русского мыслителя и педагога К. Д. Ушинского, который говорил о необходимости психологизировать процесс обучения. Реализация этой далеко не новой идеи, на наш взгляд, происходит посредством соблюдения важнейших методологических принципов психологии в организации образовательного процесса профессиональной подготовки в образовательных организациях уголовно-исполнительной системы.

Комплексный подход в отечественной психологии разработан Б. Г. Ананьевым, ориентировавшим проводимые исследования человека на интеграцию отдельных знаний о нем. Сквозь призму данного методологического подхода объясняется взаимодействующая взаимосвязь всех основных модусов человеческой природы. Неучтенность или игнорирование модусной организации человеческой сущности (индивид – личность – субъект – индивидуальность – универсум) [3] всех участников образовательной среды, включая администрацию, профессорско-преподавательский состав и обучающихся, провоцирует учебную дезадаптацию и функциональную незавершенность образовательной деятельности, основным результатом которых принято считать изменения во внутреннем мире обучающихся, их мотивации, навыках и компетенциях, волевой регуляции, рефлексивной оценке успехов и неудач выполняемой деятельности.

Принцип развития в контексте педагогической деятельности требует учитывать особенности прохождения субъектами образования закономерных этапов онтогенетического развития, зону развития (актуальная зона и зона ближайшего развития), объективные (возрастные) и субъективные (степень разрешения закономерных противоречий предшествующих возрастов, степень «застывания» личности на предшествующих этапах онтогенетического развития), переломные моменты жизненного пути как кризисы и особенности их прохождения, сензитивность обучающихся.

Деятельностный принцип в контексте проектирования образовательного пространства является методологическим инструментом, позволяющим предметно определять цели, связывая их с продуктами образовательного процесса, ориентируясь на социальный заказ общества и внутренние преобразования обучающихся как субъектов деятельности. Отечественная педагогика и психология позиционируют ключевую идею образовательной деятельности исходя из того, что она считается выполненной только в том случае, если изменения происходят в самом обучающемся, в развитии его мотивации, эмоционально-волевой регуляции, когнитивной и ценностно-смысловой сферах личности.

Реализация деятельностного принципа предотвращает учебную дезадаптацию за счет ориентированности на оптимальное опредмечивание когнитивных потребностей обучающихся посредством подбора учебного материала, соответствующего их уровню обученности и способности ассимилировать предлагаемую информацию, развитию учебных действий, умений, навыков и компетенций, формированию навыков контроля и самоконтроля в учебно-профессиональной деятельности.

Принцип субъектности предполагает целевую ориентированность образовательного процесса на развитие инициативности, активности и ответственности за достигаемые (недостигаемые) уровни обученности и саморазвития. Субъектность личности раскрывается в восприятии собственного внутреннего опыта в качестве объекта преобразовательной деятельности, ответственности за результаты проработанности

травматического опыта, отказ от принципа «меня не научили», в опознавании поведения в сложных жизненных ситуациях по типу психологических защит, в готовности к полисубъектным отношениям в учебно-профессиональной среде. В контексте субъектного принципа учебная деятельность выступает в качестве процесса оптимизации рассогласования Я-реального и Я-идеального, являющегося центральным элементом кризиса юности.

Принцип гуманизма ориентирован на развитие навыков конструктивного сотрудничества, межличностной эмпатии, самоидентификации как конгруэнтного самовосприятия, взаимоуважения, оптимального сочетания педагогического контроля и безоценочности в части, касающейся индивидуальных особенностей обучающихся.

Прикладные аспекты психолого-педагогического понимания профессионально-образовательной деятельности требуют современных разработок по профиографированию, развитию индивидуальных траекторий становления профессионализма деятельности и личности.

В данном контексте необходимо вести научно-прикладной поиск инвариантных и вариативных составляющих профессионализма в условиях динамических изменений социума, общественных институтов гражданского общества и современного рынка труда. Без этого невозможно решать сложнейшие вопросы моделирования профессиональной подготовленности и профессиональной компетентности специалистов на основных этапах профессионального становления, включая допрофессиональный уровень. Поскольку моделирование отражает процесс личностно-профессионального становления и направляется представлениями – образами будущего субъекта труда, оно должно отражать его желаемые свойства, отталкиваясь от реального, достигнутого уровня подготовленности в настоящем времени, включая алгоритм индивидуального развития и саморазвития.

Учебно-воспитательный процесс профессионального образования в качестве важнейшего ресурса предотвращения психологической неустойчивости и коррупционной направленности личности обучающихся должен соответствовать ряду требований. К числу системообразующих требований относится содержательное наполнение психологического сопровождения обучающихся не как внешней помощи и поддержки, а как развития их внутреннего потенциала:

- раскрытие внутреннего ресурса психофизиологического восстановления вместо отказа от дополнительных трудностей и противоречий, являющихся источником развития;
- формирование навыков гигиены и поддержания психологического здоровья вместо использования сомнительных средств быстрого восстановления и употребления психостимуляторов;
- оптимизация развития когнитивных процессов вместо стремления к стабильности информационного обеспечения;
- развитие духовно-нравственных качеств личности, препятствующих потребительской культуре;
- формирование готовности к самопреобразовательной деятельности и саморегуляции в случаях возникновения форс-мажорных обстоятельств вместо искусственного поддержания стабильности любой ценой;
- формирование устойчивой направленности личности на поиск ресурсов преодоления объективных и субъективных затруднений в пределах правового поля вместо правовой безответственности и правового авантюризма.

Библиографический список

1. Гаврина Е. Е., Хаванова И. С. Психологические особенности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные и общеуголовные преступления // В мире научных открытий. 2015. № 3.7(63). С. 3212–3224.

2. Сочивко Д. В., Симакова Т. А. Теория и методика исследования индивидуального правосознания и его инфантилизации и криминализации // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. С. 24–40.

3. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.

УДК 351.7:159.9

DOI 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.102-109

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ СУХОВ,
доктор психологических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации,
заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БЕЗОПАСНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП

Для цитирования

Сухов, А. Н. Социально-психологический анализ безопасности различных групп / А. Н. Сухов // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 102–109. – DOI : 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.102-109.

Аннотация. В статье раскрывается актуальность исследования проблемы, связанной с безопасностью группы, а также сущность социально-психологического подхода к ее пониманию, рассматриваются внешние и внутренние угрозы группы. Безопасность положительных групп базируется на открытой системе общения, доверии, симпатии, уверенности в поддержке, нормальных ценностях и целях, безопасность отрицательных и криминальных групп – на противоположных явлениях. Их безопасность – это криминальная безопасность. В силу этого данное понятие нельзя путать с антикриминальной безопасностью нормальных, положительных с точки зрения морали и закона групп. В статье анализируется практика преодоления данных угроз в целях обеспечения безопасности различных видов группы. Без этого невозможно вести речь об эффективном обеспечении безопасности группы.

Ключевые слова: безопасность, антикриминальная группа, криминальная группа, норма, ценности, традиционные и современные средства криминогенного общения.

Введение

Социально-психологический подход к пониманию различных видов безопасности, в том числе группы, позволяет: 1) сформулировать понятие, структуру и стадии обеспечения безопасности; 2) выявить угрозы, влияющие на уровень безопасности; 3) проанализировать и определить механизм воздействия внешних и внутренних угроз; 4) обосновать социально-психологические технологии обеспечения безопасности.

© Сухов А. Н., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

На основании этого можно сказать, что безопасность – это система действий субъектов путем использования различных средств и технологий в целях выявления (диагностирования), идентификации и ликвидации внешних и внутренних угроз, представляющих собой деструктивное воздействие на объекты безопасности в целях обеспечения их надежного функционирования или сохранения на основе минимализации рисков для них. При этом следует иметь в виду, что группа может выступать в качестве как субъекта, так и объекта безопасности. Актуальность данной проблемы определяется последствиями антикриминальной и криминальной безопасности различных неформальных групп. Если в первом случае они носят явно позитивный характер, то во втором – наоборот [4, 14].

Результаты исследования

Анализ угроз безопасности группы позволяет дать их адекватную характеристику. Так, групповая безопасность во многом зависит от норм неформальных групп. Позитивные нормы, социальные ценности определяют их безопасность, во всяком случае для других, деструктивные – напротив. Что касается внутригрупповой безопасности, то она во многом представляет собой копию организационной безопасности в миниатюре на неформальной основе. Безопасность положительных групп базируется на открытой системе общения, доверии, симпатии, уверенности в поддержке, нормальных ценностях и целях, безопасность отрицательных и криминальных группировок – на противоположных явлениях. В основе внутригрупповой безопасности криминальных групп лежат соответствующие нормы: «воровские» законы, правила, которые, в свою очередь, реализуются с помощью системы криминогенного общения, занятия манипулятивной деятельностью, нелегальной запрещенной игрой, «теневым» бизнесом, вымогательством, мошенничеством и т. д. Их безопасность – это криминальная безопасность. При этом не последнюю роль играет так называемое крышевание. Данное понятие нельзя путать с антикриминальной безопасностью нормальных, положительных с точки зрения морали и закона групп.

Следует отметить, что понятие «антикриминальная безопасность» более точное по сравнению с понятием «криминальная безопасность». Оно означает защиту от криминальных угроз, а также безопасность сотрудников, осуществляющих эту деятельность. Что касается понятия «криминальная безопасность», то оно многозначно и аморфно. Его можно даже трактовать как противоположное явление, как защиту криминального мира. Тем не менее это широко употребляемое, часто используемое понятие.

Согласно общепринятому определению группа – это двое или более лиц, которые особым образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к группе и воспринимаются другими как члены данной группы. Неформальная группа – это малая группа. Она, как правило, состоит из нескольких членов, и их поведение строится в соответствии с «неписаными» законами, нормами и правилами. Правда, в отношении размеров, то есть верхней границы неформальных групп, следует сделать существенное уточнение. Обычно они начинаются с объединения от 3 и более лиц, но группа может достигать и больших размеров: от нескольких десятков до нескольких тысяч членов, имея не локальный, а сетевой организованный характер. Иначе говоря, группы могут иметь разветвленную структуру и повторяться в различных регионах, организациях и т. п.

Существует подход к классификации неформальных групп, основанный на учете их направленности. С точки зрения этого подхода выделяют группы положительной, неустойчивой и отрицательной направленности, а также преступные группы, которые, в

свою очередь, подразделяются на организованные преступные группы и банды. Размеры организованных преступных групп иногда достигают транснациональных масштабов.

Положительные неформальные группы образуются на основе симпатии, совпадения интересов, землячества. Они возникают добровольно, а криминальные, например группы наркоманов, – по принуждению. Конфликты в положительных группах, как правило, носят конструктивный характер, так как связаны с открытым и ненасильственным характером обсуждения и решения проблем. Они возникают и в момент, и после образования подобных групп по различным поводам. Структура неформальных групп характеризуется рядом параметров: количественным составом, ролевой структурой, причинами образования, системой общения, нормами поведения и санкциями за их нарушение, устойчивостью группы, временем существования, сплоченностью, положением среди других групп.

Безопасность неформальных групп в основном связана с их нормами, позитивной активностью. Ценности выступают как регуляторы социального поведения личности и группы. Сами по себе ценности разделяются на два класса: терминальные, представляющие собой критерии выбора цели и способов ее достижения, и инструментальные – критерии, стандарты оценки модуса поведения. В основе групповых норм лежат социальные ценности, представления, которые разделяются членами группы. Если эти ценности позитивны, то и нормы групп соответственно положительны. Данное обстоятельство определяет безопасный тип группы, что находит свое выражение в позитивной активности групп.

Исследования нормативного поведения в социальной психологии носят разнородный и обширный характер. Позитивная активность молодежных групп проявляется в различных формах, в том числе в конструктивных конфликтах. Данный вид активности проявляется в конструктивных конфликтах со стороны известных молодежных групп. Однако иногда трудно провести границу между конструктивными групповыми конфликтами и радикальными формами их проявления. Отсутствие четких критериев разграничения между этими явлениями порождает разногласия в оценке конструктивных групповых конфликтов и радикальных форм их проявления, то есть неоднозначную интерпретацию. Примеры на этот счет известны. Они получили широкий резонанс.

Групповые деструктивные конфликты складываются из внутригрупповых и межгрупповых. Они возникают и проявляются во всех без исключения группах, но чаще всего в преступных (в основном они изложены в нашей статье «Безопасность группы: антикриминальный и криминальный аспекты» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 314–3318). В данном случае наблюдается парадоксальная ситуация. Если для положительных малых неформальных групп позитивные факторы воспринимаются адекватно: положительное влияние расценивается как помощь, как усиление их безопасности, а негативные – как угроза, то для отрицательных и криминальных групп внимание правоохранительных органов воспринимается как угроза их безопасности, за исключением случаев так называемого крышевания.

В вопросе классификации преступных групп также отсутствует единство. Согласно уголовно-правовой теории и практике выделяют организованные преступные группы, банды и т. д. Однако на сегодняшний день нет общепринятой, непротиворечивой классификации преступных групп. Более того, в литературе встречаются такие понятия, как «преступная группа», «преступная группировка», «преступное сообщество» и пр. Структурными характеристиками преступной группы являются: количественный состав, причины возникновения, статусно-ролевая структура (каждый член группы выполняет

определенную роль и занимает тот или иной статус); система общения (в основном криминогенного), то есть внутригрупповых связей (каналов, мест и времени «сходок», специальных средств, способов маскировки целей и действий); характер норм и «санкций» в случае отклонения от этих норм; положение данной группы среди других.

Структура организованного преступного сообщества включает в себя элитную группу, мозговой центр, систему связей, службы безопасности, разведки, контрразведки, боевиков. Во всяком случае, большинство изобличенных преступных групп функционировало по схеме. Данная структура нацелена на обеспечение так называемой групповой безопасности криминальных групп путем вербовки нужных лиц, проверки новых членов, лояльности, соблюдения конспирации, секретов, тайны деятельности и т. д. [10].

В основе криминальной безопасности групп лежит криминальная модель достижения успеха, которая неосуществима без создания законспирированной преступной организации, а та – без традиционных и современных средств криминогенного общения. С точки зрения социальной психологии в качестве основного механизма приготовления и совершения преступлений выступает криминогенное общение, которое осуществляется с помощью специальных средств. К традиционным средствам криминогенного общения относятся: жаргон, татуировки, тайнопись и др., к современным средствам – шифрование информационных сообщений с помощью математических методов преобразования информации и т. д.

Внутренняя безопасность криминальных групп во многом зависит от знаний и умений владения их членами современными средствами криминогенного общения. Необходимость маскировки преступной деятельности, страх и боязнь разоблачения, стремление правонарушителей уйти от ответственности приводят к созданию специальной системы общения, его криминальной деформации. С помощью общения происходят обмен преступным опытом, подготовка, маскировка и совершение преступлений путем психического (информационного) насилия. К числу признаков криминальной деформации общения относятся условные средства связи. Они основаны на взаимной договоренности определенного круга участников общения о системе кодирования и декодирования (ключе) и технологии маскировки знаков, выступающих в качестве только им понятного способа передачи информации.

Условные средства общения имеют знаковую природу. Любой знак может быть использован для передачи сообщений: цветы на подоконнике, черта на столбе, нанесенная губной помадой, и т. п. Нужно только договориться, что это значит. Условные средства общения – это своеобразный способ ухода субъекта от ответственности за подготовку и успешное совершение антиобщественных действий. Попытка уйти от ответственности достигается с помощью условных средств общения в целях сокрытия преступных действий.

Во многих случаях условные средства общения используются для достижения эффекта внезапности, создания дефицита времени для объекта и тем самым неотвратимости осуществления преступных целей и действий. О степени владения осужденными средствами условного общения следует судить не только по частоте их употребления, но и по знанию значения данных средств, умению кодировать, декодировать, а также незаметно передавать (конспирировать). В качестве условных средств общения осужденные используют вербальные и невербальные средства.

К вербальным средствам общения относится жаргон («блатная феня»), а к невербальным – татуировки, информация, передаваемая по коду (перестукивание через каналы и отопительные системы), книгам, свист, условные жесты, позы, средства

тайнописи. Чаще всего используют жесты рук, жаргон, особенности голоса и тайнопись. Традиционные средства криминогенного общения связаны с особенностями тайного общения, в том числе с уголовным жаргоном, блатной музыкой, условными звуковыми сигналами, аудиовизуальным тайным общением, особенностями тайного письменного общения, техническими средствами и пр. [9].

К сожалению, модернизация коснулась и средств криминогенного общения, в том числе в среде осужденных. Если традиционные средства криминогенного общения использовались для реализации задач прежде всего в формате общеуголовной преступности, то в настоящее время ситуация изменилась. Традиционные средства криминогенного общения подверглись трансформации. Известно, что традиционные средства криминогенного общения претерпели существенные изменения, хотя пользоваться ими не перестали. Имеется в виду шифрованная переписка с помощью книг, тайнописи и пр.

Как известно, для подготовки криминогенных ситуаций часто используются средства тайнописи, начиная от симпатических (невидимых) чернил и кончая шифрованной перепиской с помощью различных технологий. Однако на смену традиционным пришли современные средства криминогенного общения. Речь идет о шифровании информационных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, передачи информации через специальные интернет-каналы. Такое происходит не только на свободе, но и в условиях исправительных учреждений при обмене информацией. Современные средства криминогенного общения привели к росту возможностей криминального мира. Имеются в виду хакерские атаки по съему денег со счетов, подготовка террористических актов с помощью интернет-технологий, то есть закрытых каналов связи, операции с криптовалютой, мошенничество в рамках цифрового учета недвижимости, рейдерство, взлом базы данных, тотальный электронно-информационный контроль, что по своим последствиям тяжелее изоляционной деформации, и пр.

Современное криминогенное общение – это особый вид общения, который используется для подготовки, конспирации и совершения преступлений на более профессиональном уровне. Оно выполняет те же специфические функции, что и раньше, но их возможности значительно возросли. Как уже отмечалось, модернизация затронула как вербальные, так и невербальные средства криминогенного общения. Речь идет о передаче разговорной речи через каналы, доступ к которым крайне ограничен и возможен только при наличии ключа. На этом примеры не заканчиваются. В части невербальных средств имеются в виду возможности шифрования сообщений с помощью криптографии.

Коммуникативно-атрибутивная функция позволяет производить прием и передачу сообщений, необходимых для подготовки, совершения и конспирации преступлений на современной профессиональной основе. При этом прием и передача сообщений происходит с помощью не только традиционных, но и модернизированных специальных средств. Как известно, они представляют собой знаковую систему, которая имеет конвенциональную природу на основе взаимной договоренности определенного круга участников общения о системе кодирования, декодирования и технологии маскировки знаков, выступающих в качестве только им одним понятного способа передачи информации. К числу современных специальных средств общения относится передача шифрованных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, интернет-технологий и т. п. Цифровизация сказала свое слово и здесь [13].

Организованные преступные группы в основном занимаются преступным бизнесом в форме рэкета, проституции, контрабанды наркотиков, азартных игр. Групповые деструктивные конфликты определяются групповыми нормами. В каждой групповой

норме можно выделить требование, как поступать: не выдавать тайн сообщества, не доносить на «своих», не надевать «чужого» белья, соприкасавшегося с открытым телом другого человека; не заниматься преступным промыслом на «чужой» территории; социальные ожидания (надежду группы, что человек выполнит предписание группы) и санкции (групповое одобрение за точное выполнение предписаний, наказание – за нарушения запретов).

Криминальная субкультура включает в себя ценности, законы, правила, реализуемые в групповой криминальной деятельности (знания, умения, профессионально-преступные навыки и привычки, этические взгляды, эстетические потребности, мировоззрение, формы и способы обогащения, способы разрешения конфликтов, управления преступными сообществами, криминальную мифологию, привилегии для «элиты», предпочтения, вкусы и способы проведения досуга, формы отношений к «своим», «чужим», лицам противоположного пола и т. п.), предметные результаты деятельности преступных сообществ (орудия и способы совершения преступлений, материальные ценности, денежные средства и т. п.). Все это находит отражение в особой философии, своеобразной идеологии уголовного мира, оправдывающей совершение преступлений, отрицающей вину и ответственность за содеянное, заменяющей низменные побуждения благородными и возвышенными мотивами: в насильственных преступлениях – чувством коллективизма, товарищеской взаимопомощи, обвинением жертвы; в корыстных преступлениях – идеей перераспределения имеющейся у людей собственности и ее присвоения с самой разнообразной «позитивной» мотивацией. Как видно, все это имеет самое непосредственное отношение к деформации социальных представлений о механизме достижения успеха, а главное, меняет содержание понятия «карьера» на понятие «криминальный профессионализм».

«Воровские» ценности или законы прошли длительную апробацию в жизни преступных сообществ, постоянно совершенствовались и шлифовались. Они приемлемы своей стабильностью, определенностью и четкостью моральных требований, правил продвижения в групповой иерархии [2, 3, 5]. «Воровские» законы не окостенели, они постоянно совершенствуются представителями «воровской» элиты с учетом социальных процессов в обществе, предпринимаемых правоохранительными органами мер, издаваемых законов. При этом «авторитеты» воровского мира учитывают при модернизации запросы и потребности современной молодежи, ее психологии. В этом и состоит сущность их модернизации. Конкуренция среди молодежных групп резко ужесточилась.

«Крутизну» как модель поведения используют те, которые испытывают серьезные трудности в области самореализации, достижения успеха. В данном случае речь идет о молодежных группах и в первую очередь о так называемых группах из числа неблагополучных подростков. Те, у кого ничтожно мало шансов на успех, рассматриваются как потенциальные участники цветных революций. Они легко поддаются обработке. Достаточно пообещать, что после победы они получают шанс на успех, то, о чем все время страстно мечтали. Они готовы действовать по команде в нужное время и в нужном месте. Их портрет, модель поведения вполне подходят для роли активного участника огненного шоу. Недостатка в примерах на этот счет нет, скорее наоборот. В ряде стран абсолютно все так и было. После того, когда заканчиваются цветные революции, о героях забывают. Революции у них просто-напросто крадут. При этом работу с молодежью следует проводить не только на личностном, но и, главным образом, на групповом уровне. Именно они требуют внимания к себе и поддержки.

Другого отношения заслуживают криминальные группировки. Их нужно разобщать, развенчивать их лидеров. В большинстве стран мира не наблюдается сокращения коли-

чества малолетних преступников. За последние 5 лет доля преступлений, совершаемых в Европе несовершеннолетними, возросла с 40 до 70 %. Не лучше положение в США.

Безопасность малых неформальных групп складывается не только из работы и поддержки положительных, но и из методов разобщения отрицательных и криминальных групп с помощью управляемых конфликтов, а также «развенчания и самоосуждения» лидеров последних. Развенчание лидеров является одним из методов разобщения криминальных групп и обеспечения антикриминальной безопасности. На этот счет накоплен немалый опыт [10, 14].

Проблема безопасности неформальных групп не менее актуальна и в условиях исправительных учреждений. Осужденных вынуждают объединяться в группы последствия не только изоляционной, но и, главным образом, нравственной и криминальной деформации общения в их среде. Положительная часть осужденных, осознавая угрозу, исходящую от среды, пытается, объединившись в группы, нейтрализовать ее, защитить себя от посягательств, а отрицательная – стремится выгодно, комфортно устроиться в условиях изоляции, тем самым уменьшить или свести на нет последствия наказания. В данном случае сознательно используется организующая роль общения, с помощью которого формируются цели и мотивы, ролевая структура и нормы поведения групп.

Отрицательные группы осужденных преследуют конфликтогенные, то есть корыстные и насильственные, цели: 1) противодействовать администрации; 2) не участвовать в работе самодеятельных организаций; 3) занимать высокое положение в среде исправительного учреждения, чтобы, не работая, жить за счет других и извлекать нетрудовые доходы; 4) заниматься сексуальными извращениями, насилием и т. п. (эти действия могут проявляться как в открытой, так и в скрытой форме). Малые группы осужденных молодежного возраста стараются не маскировать и не скрывать своих целей. В то же время антиобщественные цели часто скрываются под внешней маской общественной активности и лояльности [2].

Выводы

Таким образом, проблема антикриминальной безопасности положительных групп должна стоять в центре внимания не только правоохранительных органов, но и других структур, в том числе общественных, связанных с волонтерской деятельностью, реализацией молодежной политики. Что касается криминальной безопасности групп, то она связана с методами разобщения отрицательных и криминальных групп, а также развенчания и самоосуждения лидеров последних и пресечения их крышевания со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М. : МГУ, 1990. 239 с.
2. Антонян Ю. М. Особо опасные лидеры в ИТУ и воспитательное воздействие на них. М. : ВНИИ МВД СССР, 1989. 78 с.
3. Башкатов И. П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. М. : Информпечать, 2000. 334 с.
4. Волков И. П. Социальная психология малых групп и коллективов : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Л., 1978. 31 с.
5. Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М. : Юрид. лит., 1990. 304 с.

-
6. Десев Л. Психология малых групп: социальные иллюзии и проблемы. М. : Прогресс, 1979. 208 с.
 7. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Психология малой группы. М. : МГУ, 1991. 205 с.
 8. Монахов В. И. Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними. М. : Изд-во политотдела ГУ ИТК МВД СССР, 1957. 79 с.
 9. Сухов А. Н. Психология криминогенного общения в среде осужденных : учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД РФ, 1993. 133 с.
 10. Сухов А. Н. Социальная психология организованной преступности : монография. М. : Юнити, 2017. 158 с.
 11. Сухов А. Н. Реальная социальная психология : учеб. пособие. М. : Московский психолого-социальный институт, 2004. 351 с.
 12. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Academia, 2005. 249 с.
 13. Сухов А. Н. Традиционные и современные средства криминогенного общения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 267–272.
 14. Сухов А. Н. Социальная психология преступности : учеб. пособие. М. : Моск. психол.-соц. ун-т, 2007. 568 с.

УДК 378.6:343.8-051

ГРИГОРИЙ ВИКТОРОВИЧ ЩЕРБАКОВ,
кандидат психологических наук, доцент,
врио начальника,

НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: gregoralt@yandex.ru;

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КУЗНЕЦОВ,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

**ПОЛВЕКА СЛУЖЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ НАУКЕ.
К 75-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЯЗАНСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВETERANОВ
АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ,
ДОЦЕНТА КАФЕДРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ,
КАНДИДАТА ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТА
ВАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВИЧА КАЗАНЦЕВА**

Для цитирования

Щербаков, Г. В. Полвека служения пенитенциарной науке. К 75-летию заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, первого заместителя председателя Рязанской общественной организации ветеранов Академии ФСИН России, доцента кафедры социальной психологии и социальной работы кандидата философских наук, доцента Валерия Николаевича Казанцева / Г. В. Щербаков, М. И. Кузнецов // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 110–113.

В. Н. Казанцев родился 15 января 1947 г. в г. Коврове Владимирской области. В 1965 г. после окончания средней школы стал студентом физико-математического факультета Владимирского государственного педагогического института имени П. И. Лебедева-Полянского. Seriously увлеклся спортом (первый разряд по лыжам, второй разряд по плаванию), социальной педагогикой и социологией. Еще в студенческие годы проявил себя на научном поприще: на четвертом году обучения исследование Валерия Николаевича было удостоено серебряной медали на Всесоюзном конкурсе студенческих работ.

© Щербаков Г. В., Кузнецов М. И., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

После получения высшего образования жажда знаний и стремление к самосовершенствованию привели В. Н. Казанцева в очную аспирантуру Института конкретных социологических исследований Академии наук СССР. Учебу пришлось прервать в связи с призывом в армию в мае 1970 г. Проходил срочную службу рядовым в войсках противовоздушной обороны. После завершения армейской службы В. Н. Казанцев продолжил обучение в аспирантуре, которое завершил в 1973 г. Тогда же защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Деятельность журналистов местных средств массовой информации по выражению общественного мнения», выполненную под научным руководством выдающегося советского и российского ученого доктора социологических наук, профессора, члена-корреспондента Российской академии образования Бориса Андреевича Грушина (1929–2007 гг.), и продолжил работу в институте в должности младшего научного сотрудника.

Находившаяся в стадии становления в первой половине 1970-х годов Рязанская высшая школа МВД СССР (РВШ МВД СССР) остро нуждалась в молодых, перспективных научно-педагогических кадрах. В июне 1974 г. В. Н. Казанцев был принят на работу в РВШ МВД СССР с присвоением специального звания капитана внутренней службы. Начал с должности научного сотрудника, затем стал старшим научным сотрудником лаборатории по исследованию проблем перевоспитания осужденных. В связи с расформированием лаборатории в 1985 г. был переведен на должность старшего научного сотрудника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, а в октябре 1986 г. перешел на преподавательскую работу доцентом кафедры марксистско-ленинской философии и научного коммунизма.

Наряду с проведением учебных занятий и научной деятельностью сотрудники РВШ МВД СССР выполняли и масштабные служебные задачи. Вместе с сослуживцами В. Н. Казанцев принимал участие в охране общественного порядка на Олимпиаде-80 в Москве, в 1985 г. – на Всемирном фестивале молодежи и студентов, в 1988 г. – в Нагорном Карабахе Азербайджанской ССР. В августе 1991 г. в составе сводного отряда РВШ МВД СССР участвовал в поддержании конституционного порядка в Москве и конвоировании членов государственного комитета по чрезвычайному положению в следственный изолятор.

С сентября 1991 г. работает доцентом кафедры социальной психологии и социальной работы психологического факультета. В. Н. Казанцев принимает активное участие в работе комитета ветеранов учебного заведения. В 2011 г. избирался председателем, а с 2012 г. является первым заместителем председателя комитета ветеранов академии. Автор, составитель нескольких сборников о фронтовых судьбах участников Великой Отечественной войны, служивших в разное время в РВШ МВД СССР – Академии ФСИН России, а также цикла очерков о выпускниках вуза, погибших при исполнении служебных обязанностей.

Неоднократно поощрялся ведомственными наградами МВД СССР и России, Минюста России, ФСИН России. За многолетний добросовестный труд по подготовке высококвалифицированных кадров для УИС Валерию Николаевичу Президентом России в 2004 г. присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», в 2013 г. он стал ведущим доцентом Академии ФСИН России, а в 2014 г. удостоен звания «Почетный работник образования Рязанской области». По итогам 2020/21 учебного года занял 1-е место в конкурсе «Преподаватель года» в номинации «Педагог-новатор».

В. Н. Казанцев является членом ученого совета академии, членом научно-экспертного совета нашей образовательной организации. За период научно-педагогической

деятельности им лично и в соавторстве подготовлено более 120 научных трудов, в том числе 12 учебников и учебных пособий, 5 монографий, более 80 статей.

Научную деятельность доцента В. Н. Казанцева можно разделить на три периода:

1) 1974–1985 гг. – социологические исследования микросреды осужденных в исправительно-трудовых учреждениях и работы с сотрудниками исправительно-трудовой системы СССР [1–7];

2) 1986–1999 гг. – исследования в сфере социальной и прикладной социальной психологии [8, 9];

3) с 2000 г. по настоящее время – научные разработки по различным аспектам социальной работы с лицами, отбывающими наказание в нашей стране и за рубежом, а также по социальной защите сотрудников УИС России [10–22].

С 1999 по 2008 год принимал активное участие в международном российско-швейцарском проекте по становлению социальной работы с осужденными в отечественных пенитенциарных учреждениях и подготовке сотрудников социальных служб для уголовно-исполнительной системы России [10, 11, 23].

Более полувека назад В. Н. Казанцев создал крепкую семью. В ноябре 1970 г. у Валерия и Ларисы Казанцевых родились двойняшки. Сын Тимур после окончания военной академии имени А. Ф. Можайского стал программистом, а дочь Ирина, получив образование в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина, пошла по стопам отца, проходила службу в нашем учебном заведении. Затем около 20 лет служила в пресс-службе УФСИН России по Рязанской области, ныне – подполковник внутренней службы в отставке. Сегодня у четы Казанцевых четверо внуков.

Для коллег, ветеранов и обучающихся В. Н. Казанцев является примером добросовестного исполнения служебных и общественных обязанностей, трудолюбия, скромности и порядочности. Его отличает ответственный подход к любому делу, исполнительность и дисциплинированность.

В настоящее время В. Н. Казанцев – один из старейших действующих сотрудников нашей образовательной организации. Непрерывный стаж его службы и работы составляет почти 50 лет!

Коллектив академии, выпускники нашего учебного заведения поздравляют Валерия Николаевича с юбилеем, желают ему крепкого здоровья и новых достижений в научно-педагогической и общественной деятельности!

Библиографический список

1. Казанцев В. Н. Контент-анализ массовой документальной информации в ИТУ : учеб.-практ. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1977. 45 с.

2. Казанцев В. Н. Средства массового информационного воздействия в ИТУ и пути повышения их эффективности в политико-воспитательной работе с осужденными : учеб.-практ. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1978. 46 с.

3. Севрюгин А. С., Казанцев В. Н., Сазонов Ф. Г. Комплексная оценка эффективности частного предупреждения правонарушений с помощью экспертов : учеб.-практ. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1978. 60 с.

4. Деев В. Г., Казанцев В. Н., Сазонов Ф. Г. Методики прикладных исследований микросреды и личности осужденного в исправительно-трудовом учреждении : учеб. пособие / под ред. И. В. Шмарова. Рязань : РВШ МВД СССР, 1981. 39 с.

5. Казанцев В. Н. Особенности изучения мнений осужденных в ИТУ : учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1982. 29 с.

6. Дебольский М. Г., Казанцев В. Н. Использование метода формализованного анализа документов в работе с жалобами и заявлениями осужденных : учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1984. 48 с.
7. Казанцев В. Н. Организация наставничества в ИТУ : лекция. Рязань : РВШ МВД СССР, 1986. 40 с.
8. Основы социально-психологической теории : учеб. пособие / А. Г. Ковалев [и др.] ; под ред. А. А. Бодалева, А. Н. Сухова. Рязань : РИПЭ МВД России, 1995. 294 с.
9. Социальная психология : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. М. : Академия, 2001. 600 с.
10. Кузнецов М. И., Казанцев В. Н. Социальная работа в исправительных учреждениях Швейцарии : лекция. Рязань : Академия Минюста России, 2003. 74 с.
11. Хохштрассер Ф., Кузнецов М. И., Казанцев В. Н. Совершенствование подготовки и практической деятельности специалистов по социальной работе для уголовно-исполнительной системы России (отчет об итогах российско-швейцарского сотрудничества). Рязань : Академия Минюста России ; Базель : Департамент содействия и развития МИД Швейцарской конфедерации, 2003. 73 с.
12. Кузнецов М. И., Казанцев В. Н., Ивашин Д. В. Социальная работа в пенитенциарных системах зарубежных стран : учеб. пособие. Рязань : Академия Минюста России, 2004. 109 с.
13. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе / С. А. Лузгин [и др.] ; под общ. ред. Ю. И. Калинина. Рязань : Академия ФСИН России, 2005. 354 с.
14. Кузнецов М. И., Казанцев В. Н. Социальная работа в пенитенциарных системах зарубежных стран : учеб. пособие. Рязань : Академия Минюста России, 2007. 102 с.
15. Кузнецов М. И., Казанцев В. Н. Опыт пенитенциарной социальной работы в России : монография. Рязань : Академия ФСИН России, 2007. 72 с.
16. Социальная работа в пенитенциарных учреждениях : учеб. пособие / А. Я. Гришко, В. Н. Казанцев, М. И. Кузнецов [и др.] ; под ред. А. Н. Сухова. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2008. 382 с.
17. Ананьев О. Г. Ресоциализация и социальная адаптация лиц, освобождаемых из исправительных учреждений : практ. рек. / О. Г. Ананьев [и др.]. Рязань : Академия ФСИН России, 2014. 59 с.
18. Казанцев В. Н. Прогнозирование и проектирование в пенитенциарной социальной работе : учеб. пособие. Рязань : Академия ФСИН России, 2016.
19. Психосоциальная работа в уголовно-исполнительной системе с осужденными, освобождаемыми из исправительных учреждений : учеб. пособие / В. Н. Казанцев [и др.] ; под ред. А. Н. Сухова. М. : Флинта, 2019. 151 с.
20. Лафуткин А. М., Ананьев О. Г., Казанцев В. Н. Психология толпы и массовых беспорядков : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Рязань : Академия ФСИН России, 2019.
21. Ананьев О. Г., Казанцев В. Н., Кузнецов М. И. Социальная работа с сотрудниками УИС : курс лекций. 2-е изд., доп. и перераб. Рязань : Академия ФСИН России, 2020.
22. Пенитенциарная психология : учебник / под науч. ред. А. Н. Сухова. М. : Проспект ; Академия ФСИН России, 2021. 1248 с.
23. Казанцев В. Н., Кузнецов М. И., Лузгин С. А. Российско-швейцарский проект в области пенитенциарной социальной работы: опыт международного сотрудничества образовательных организаций и исправительных учреждений // Человек: преступление и наказание. Т. 29(1–4), № 2. 2021. С. 270–277.

УДК 378.6:343.8-051

ПЕТР ПЕТРОВИЧ БОДЬКО,

почетный работник уголовно-исполнительной системы,
председатель Рязанской общественной организации ветеранов,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: upip2009@yandex.ru;

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КУЗНЕЦОВ,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

**ЮБИЛЕЙ ПОЧЕТНОГО РАБОТНИКА
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ,
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
КОМИТЕТА ВЕТЕРАНОВ АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ
ПОЛКОВНИКА ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ В ОТСТАВКЕ
АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ХАБАРОВА**

Для цитирования

Бодько, П. П. Юбилей почетного работника уголовно-исполнительной системы, заместителя председателя комитета ветеранов Академии ФСИН России полковника внутренней службы в отставке Александра Михайловича Хабарова / П. П. Бодько, М. И. Кузнецов // Человек: преступление и наказание. – 2022. – Т. 30(1–4), № 1. – С. 114–116.

В декабре 2021 г. отметил 90-летний юбилей старейшина ветеранской организации академии, заместитель председателя комитета ветеранов Академии ФСИН России, заслуженный ветеран академии полковник внутренней службы в отставке Александр Михайлович Хабаров.

А. М. Хабаров родился 19 декабря 1931 г. в селе Сарай Сараевского района Рязанской области в семье рабочих. В годы Великой Отечественной войны участвовал в сельскохозяйственных работах, внося свою лепту в продовольственное снабжение бойцов Красной Армии, сражавшихся на фронте. В 1950 г. Александр по окончании средней школы поступил в Московское пограничное училище Министерства государственной безопасности СССР, после завершения обучения служил в пограничных войсках сначала в должности заместителя начальника заставы, а затем начальника заставы, которые дислоцировались на территории Азербайджанской ССР на границе СССР с Турцией и Ираном. Служебные обязанности выполнял добросовестно, о чем сви-

© Бодько П. П., Кузнецов М. И., 2022

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

детельствует награда молодого офицера: указом Президиума Верховного Совета СССР удостоен медали «За отличие в охране государственной границы». В 1960 г. был уволен с военной службы в запас по собственному желанию.

Вернувшись на малую родину, А. М. Хабаров около года работал резьбошлифовщиком на Рязанском заводе счетно-аналитических машин. В начале 1961 г. отставной офицер-пограничник был приглашен в горком КПСС: ему предложили службу в органах внутренних дел. Александр Михайлович был назначен на должность оперуполномоченного в отдел уголовного розыска Управления внутренних дел (УВД) Рязанского облисполкома. Службу совмещал с заочным обучением в Высшей школе Министерства охраны общественного порядка (МООП) СССР (Академия управления МВД России), которое завершил в 1967 г. К среднему военному образованию органично прибавилось высшее юридическое.

В конце 1960-х годов майору милиции Хабарову было поручено возглавить группу по борьбе с карманными ворами и наркоманами. Затем он был назначен на должность начальника контрольно-инспекционного отделения УВД Рязанской области. Спустя некоторое время он был вновь откомандирован для дальнейшего продолжения служебной деятельности в уголовный розыск.

С 1968 по 1971 год проходил службу в организационно-инспекторском отделе УВД Рязанского облисполкома: старший инспектор, начальник отделения, начальник отдела. В 1971–1974 гг. возглавлял отдел службы областного УВД.

В 1974 г. Александр Михайлович переходит на службу в Рязанскую высшую школу МВД СССР (РВШ МВД СССР). Первый начальник РВШ МВД СССР комиссар милиции 3-го ранга Н. Г. Емелин предложил подполковнику внутренней службы А. М. Хабарову с учетом его образования и служебного опыта на выбор две вакантные должности: старшего преподавателя кафедры или начальника курса. Александр Михайлович без колебаний выбрал должность начальника курса юридического факультета, в которой прослужил более семи лет. Под его руководством было осуществлено два выпуска специалистов с высшим юридическим образованием. Воспитанники А. М. Хабарова достигли значительных высот в служебной, научной, педагогической и государственной деятельности. В 1981 г. А. М. Хабаров переходит на педагогическую работу: он назначен старшим преподавателем кафедры мобилизационной и тактико-специальной подготовки. В мае 1983 г. возвращается к командно-административной деятельности – начальником впервые созданного и единственного в Советском Союзе в то время факультета подготовки работников исправительно-трудовых учреждений РВШ МВД СССР. Работая в должности начальника факультета, Александр Михайлович часто исполнял обязанности помощника начальника школы по строевой части. Несмотря на предложение со стороны руководства вуза занять должность помощника начальника РВШ МВД по строевой части, он решил остаться на командно-педагогической работе.

За 16 лет службы в нашем учебном заведении Александр Михайлович неоднократно назначался командиром сводных батальонов для выполнения задач по охране общественного порядка с отрывом от места постоянной дислокации учебного заведения: в Москве на XXII летних Олимпийских играх 1980 г., XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в 1985 г., на Играх доброй воли 1986 г. Несколько раз возглавлял подразделения РВШ МВД СССР для несения службы по обеспечению общественного порядка и безопасности в республиках Закавказья в конце 1980-х гг. За усердие и инициативу в выполнении ответственных служебных обязанностей государственной важности Александр Михайлович награжден орденом «Знак Почета» и двумя медалями «За отличную службу по охране общественного порядка». Всего у заслуженного ветерана более двад-

цати государственных и ведомственных наград. В канун солидного юбилея приказом директора ФСИН России А. М. Хабаров удостоен звания «Почетный работник уголовно-исполнительной системы России» и награжден ценным подарком.

В 1990 г. Александр Михайлович уволился на пенсию по выслуге лет. После увольнения работал в администрации города Рязани начальником отдела по благоустройству города и около восьми лет – в городском Совете консультантом по правовым вопросам, юристом в коммерческом предприятии, преподавал в общеобразовательной школе право. На общественных началах состоял в городской думе председателем административно-правовой комиссии. На протяжении многих лет активно работает в комитете ветеранов Академии ФСИН России, является заместителем председателя. Общий служебный и трудовой стаж Александра Михайловича Хабарова превышает 70 лет!

Комитет ветеранов академии, сотрудники нашей образовательной организации, плеяда воспитанников заслуженного ветерана академии поздравляют Александра Михайловича со значимым юбилеем и желают ему доброго здоровья и долголетия! Вы являетесь для нас примером в выполнении служебных обязанностей и активности в общественной работе!

SCIENCE FORUM

Tat'yana Aleksandrovna Simakova, PhD (Psychology), Associate Professor, leading researcher of the research department at the scientific center, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0002-5715-0291, e-mail: simakovatanea@yandex.ru

DEVELOPMENT OF CYBERACTIVITY SKILLS AMONG SUBJECTS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA IN THE PROCESS OF FORMING A POSITIVE IMAGE

Recommended citation

Simakova, T. A. 2022, 'Development of cyberactivity skills among subjects of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia in the process of forming a positive image', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 12–24, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.12-24.

Abstract. The activities of law enforcement agencies are carried out in conditions of intensification of informational processes. This circumstance determines the need to respond to the communication challenges of modern society and involves the use of innovative types and technologies of human communication, which undoubtedly has an impact on the formation of public opinion. Digital technologies and the Internet are open spaces for employees to interact with the public. The article discusses the factors that can optimize the process of developing the image of the Academy of the FPS of Russia when using digital technologies. At the same time, the positive cyberactivity skills of the subjects of an educational organization are considered as fundamental factors that have a direct impact on the process of creating and strengthening a positive image.

Keywords: image of an educational organization, digital technologies, cyberactivity skills, modern technologies of human communication.

References

Guchanova, A. S. 2016, 'Managing the creation of the image of an educational institution', *Young scientist*, iss. 24, pp. 520–523.

Perelygina, E. B. 2003, *Image as a phenomenon of intersubjective interaction: content and ways of development: PHD thesis (Psychology)*, Moscow.

Shcherbakova, T. N. 2012, 'On the issue of the formation of the image of an educational institution', *Young scientist*, iss. 3, pp. 430–434.

Lazarenko, I. R. 2000, 'Formation of the image of an educational institution as a managerial innovation', *Pedagogue: science, technology, practice*, iss. 2, pp. 39–42.

Petrova, E. A. 2011, *Imagology: selected works*, RIC AIM, Moscow.

Mikhaylova, O. P. & Shepel', V. N. 2015, 'Models of brand formation of a higher educational institution: an analytical review', *Bulletin of the Orenburg State University*, iss. 4(179), pp. 304–312.

Audience of social networks in Russia n.d., viewed 1 December 2020, <https://popsters.ru/blog/post/auditoriya-socsetey-v-rossii>.

Rodina, L. V. 2018, 'Regulation of the behavior of law enforcement officers and civil servants in social networks as a tool for managing the reputation of the department', *Academic thought*, iss. 2(3), pp. 36–39.

Novikova, T. B. 2015, *New information technologies in the formation of the image of an educational institution*, Magnitogorsk.

ADMINISTRATIVE PRACTICE

Sergey Vladimirovich Ponikarov, lecturer of the department of the regime and supervision organization in the penal system, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF EMPLOYEES OF SPECIAL PURPOSE DEPARTMENTS IN THE TERRITORIAL BODIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA RELATED TO THE USE OF WEAPONS DURING SPECIAL OPERATIONS UNDER THE LEADERSHIP OF THE NATIONAL ANTITERRORISM COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Recommended citation

Ponikarov, S. V. 2022, 'Law enforcement activities of employees of special purpose departments in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia related to the use of weapons during special operations under the leadership of the National Antiterrorism Committee of the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 25–29, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.25-29.

Abstract. The article examines the managerial, law enforcement activities of employees who serve in special purpose departments under the territorial body of the Federal Penitentiary Service of Russia. This line of activity involves the use of service weapons by these subjects during a special operation under the control of the National Antiterrorism Committee. The scientific result of the presented article was the identification of factors of the lawful use of weapons by prison special forces officers, as well as proposals for improving the current legislation regarding the conduct of the operation by the specified special forces under the subordination of the National Antiterrorism Committee.

Keywords: law enforcement activity, special forces officers, special purpose departments, territorial bodies of the FPS of Russia, the National Antiterrorism Committee, weapons.

References

Ponikarov, S. V. 2019, 'Classification of normative acts regulating the law enforcement activities of special purpose units of institutions and bodies performing functions in the field of execution of criminal penalties', *Penitentiary science*, vol. 13, iss. 4, pp. 552–557.

Lobel, O. 2015, 'Interlocking Regulatory and Industrial Relations: The Governance of Workplace Safety', *Administrative Law Review*, vol. 57, iss. 4, pp. 1071–1151.

Prelo, M. 2017, *Organisation de la peine judiciaire en France*, Paris.

Bordeaux, N. 2019, *Direction d'Etat, autorités de police de la France*, Marcel.

Regina Radikovna Umatkulova, adjunct (department of criminal law and criminology), Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation, e-mail: reginaum@mail.ru

THE CONCEPT OF DISCRETION IN LAW: ITS LEGAL NATURE AND GROUNDS

Recommended citation

Umatkulova, R. R. 2022, 'The concept of discretion in law: its legal nature and grounds', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 30–32, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4). 1.30-32.

Abstract. The article discusses the concept of discretion in law, its legal nature and grounds. The necessity of a detailed study of discretion in law is substantiated, the essential characteristics of this legal phenomenon are investigated, the differences between discretion in law and subjective law are highlighted. The author explores the main positions of legal scholars, highlighting two approaches to understanding discretion in law – positive and negative. On the basis of the conducted research, analysis of scientific literature, the definition of the concept of "discretion in law" is formulated.

Keywords: discretion, discretion in law, rule of law, interpretation of legal norms, law-making technique.

References

Baskin, Yu. Ya., Kornev, A. V., Lazarev, V. V. & Lipen', S. V. n.d., *History of state-legal doctrines*, viewed 24 November 2021, <http://lawlibrary.ru/izdanie2515.html>.

Demidov, V. V. 2004, *Legality in the modern Russian state: PhD thesis (Law)*, Nizhniy Novgorod.

Onosov, Yu. V. 2019, 'On the question of the concept of discretion in law', *Law and politics*, iss. 10, pp. 32–39.

Onosov, Yu. V. 2020, 'On a comprehensive approach to the study of discretion in law', *Siberian Legal Review*, vol. 17, iss. 1, pp. 11–16.

Skudarnov, A. S. 2018, 'Discretion in the application of law', *Eurasian Law Journal*, iss. 9(124), pp. 79–83.

ABROAD

Roman Gennad'evich Kuz'min, deputy head of the control and investigation department, investigative department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Amur Region; PhD student, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Blagoveshchensk, Russian Federation, e-mail: ronnie1979@mail.ru

THE INSTITUTION OF RETURNING A CRIMINAL CASE BY A PROSECUTOR TO AN INVESTIGATOR FOR ADDITIONAL INVESTIGATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND OTHER STATES

Recommended citation

Kuz'min, R. G. 2022, 'The institution of returning a criminal case by a prosecutor to an investigator for additional investigation in the criminal procedure legislation of the Russian Federation and other states', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 33–40, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.33-40.

Abstract. The article is devoted to the problem of legal regulation in the Russian criminal process of the discretionary powers of the prosecutor to return the criminal case to the investigator for additional investigation and elimination of the identified shortcomings, since the law contains only framework and insufficiently specified grounds for the prosecutor's decision to return the criminal case to the investigator. Comparison of this institution with the relevant laws of a number of foreign countries allowed the author to identify its shortcomings that hinder the more effective work of the law enforcement system. The article contains proposals for the specification of legislation, in particular, a list of possible grounds for the prosecutor's decision to return the criminal case to the investigator.

Keywords: the powers of the prosecutor, the return of the criminal case to the investigator for additional investigation, the grounds for the return of the criminal case by the prosecutor, written instructions from the prosecutor, the sufficiency of evidence, improving the quality of the investigation.

References

Kolesnikov, O. V. 2009, 'Redistribution of powers between the Prosecutor and the head of the investigative body under the Federal Law adopted on 05.06.2007', *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3, pp. 70–72.

Tabolina, K. A. 2015, 'Features of the criminal procedural activity of the prosecutor in pre-trial proceedings in foreign countries', *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, iss. 6, pp. 1076–1083.

TIME LENS

Sergey Alekseevich Kutyaikin, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of administrative and financial law, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: kutiakin@yandex.ru

HISTORICAL AND DOCUMENTARY ANALYSIS OF THE CONTRIBUTION TO THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 OF THE LABOR OF PRISONERS AND PERSONS MOBILIZED IN THE LABOR COLUMNS OF THE GULAG OF THE NKVD OF THE USSR

Recommended citation

Kutyaikin, S. A. 2022, 'Historical and documentary analysis of the contribution to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 of the labor of prisoners and persons mobilized in the labor columns of the GULAG of the NKVD of the USSR', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 41–47, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.41-47.

Abstract. The article examines the activities of the GULAG of the NKVD of the USSR to fulfill the tasks of the Soviet government aimed at providing the needs of the state, primarily the Red Army, with human and material resources. The author conducts an excursion into the history of the GULAG of the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945, for which he examines archival documents and other materials devoted to the activities of the GULAG. The purpose of the study is to highlight the contribution of the GULAG of the NKVD of the USSR in the person of prisoners and persons mobilized in working columns to the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: GULAG of the NKVD of the USSR, the Great Patriotic War, production and economic activities of the GULAG of the NKVD of the USSR, prisoners, working columns at the camps of the GULAG of the NKVD of the USSR, labor soldiers, Victory in the Great Patriotic War.

References

- Berdinskikh, V. 1998, *Vyatlag*, Kirov.
- Bugay, N. F. 2015, 'The system of working columns and battalions is an integral part of the "labor armies". 1940s-1950s', *"White spots" of Russian and world history*, iss. 1-2, pp. 9–49.
- The history of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s* 2004, in 7 vols, vol. 3, O. V. Khlevnyuk (ed.), *The economy of the Gulag*, Russian Political Encyclopedia, Moscow.
- Why the USSR suffered catastrophic losses in the first months of the war. And what did the feat of the fighters save us from* n.d., viewed 12 January 2022, <https://www.kp.ru/daily/28293/4432660>.

MANAGEMENT VECTOR

Aleksandr Yur'evich Dolinin, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of management and activities organization in the penal system, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: aleksander.dolinin@yandex.ru

THE CONCEPT, TYPES AND MAIN FACTORS OF THE OCCURRENCE OF PERSONNEL RISKS IN THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Dolinin, A. Yu. 2022, 'The concept, types and main factors of the occurrence of personnel risks in the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 48–57, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.48-57.

Abstract. The article reveals the author's approach to the essence, types and main factors of the occurrence of personnel risks in the penal system. The topic raised is relevant due to the fact that institutions and bodies of the penal system face threats to personnel security (personnel risks), which negatively affects their activities. The current personnel situation in the penal system, on the one hand, is characterized by a high level of understaffing of staff positions, on the other – insufficiently effective organization of work with personnel. These circumstances increase the negative impact of the factors of occurrence of various personnel risks in the penal system, which together can lead to a decrease in the personnel potential of the Federal Penitentiary Service of Russia. Therefore, in modern conditions, the identification, accounting of personnel risks and their management should be included in the sphere of personnel policy of the Federal Penitentiary Service of Russia. The analysis of the literature devoted to the problems of personnel risks allowed the author to classify the personnel risks of the penal system according to two main characteristics: the place of occurrence and the source of the risk. The article lists the main factors and causes of personnel risks in accordance with the proposed classification. To assess personnel risks, it is recommended to use a system of indicators reflecting their state, the study of which in dynamics will allow you to quickly obtain reliable data on the overall level of personnel risks in institutions and bodies of the penal system.

Keywords: penal system, personnel management system, work with personnel, personnel of the penal system, personnel potential, personnel risks.

References

Kopeykin, G. K. & Potemkin, V. K. 2012, *Economic security in the personnel management system*, 2nd edn, SPbSEU, St. Petersburg.

Slobodskoy, A. L. 2011, *Risks in personnel management*, V. K. Potemkin (ed.), SPbSEU, St. Petersburg.

Shikhverdiev, A. P. 2012, *Human capital management as a factor of corporate security of the enterprise*, Syktyvkar State University, Syktyvkar.

Zharikov, E. S. & Paramonov, A. A. 2005, *Risks in HR work: a book for the head and HR manager*, MCFR, Moscow.

Pronina, I. V. 2005, *Assessment of the personnel competencies of an industrial enterprise in making managerial decisions: PhD thesis (Economy)*, Izhevsk.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Andrey Vladimirovich Zvonov, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of criminology and organization of crime prevention, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation; associate professor of the department of criminal law disciplines of the Law Institute, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, ORCID 0000-0002-9591-6286, e-mail: zvonov_av@mail.ru;

Sergey Aleksandrovich Khokhrin, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the Institute of the Academy of the FPS of Russia in the department of criminal law, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0002-0900-1195, e-mail: hohrinsa@yandex.ru

SOME FEATURES OF THE CRIMINALITY CHARACTERISTICS OF PENITENTIARY STAFF

Recommended citation

Zvonov, A. V. & Khokhrin, S. A. 2022, 'Some features of the criminality characteristics of penitentiary staff', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 58–64, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.58-64.

Abstract. The article is devoted to criminological indicators of crime of penitentiary staff, which, in accordance with Federal Law № 197 adopted on 19.07.2018 "On service in the penal system of the Russian Federation and on amendments to the Law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty"" are divided into categories of senior, middle and junior commanding staff. The specific weight of employee crime is considered. Additionally, the analysis of copies of indictments against employees received from the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia helped the authors group the crimes committed by employees during their service, according to the degree of probability. The article used the possibilities of the system-structural method of scientific analysis of penitentiary crime, in connection with which such methods as formal-logical, concrete-sociological were used. The study of officially published statistical data, materials of reports received by the duty service of the Department of Planning and organizational and analytical support of the Federal Penitentiary Service of Russia, made it possible to predict the state of crime of employees and to divide the committed crimes according to the degree of probability. The authors believe that the changes that have taken place in the socio-legal policy and in the penal system indicate an increase in the level of criminogenic processes aimed at destabilizing the situation in penitentiary institutions. This activity is confirmed by an increase in the number of crimes committed by correctional officers.

Keywords: employees of penitentiary institutions, criminology, crime, penitentiary crime, qualification of crimes.

References

Khokhrin, S. A. 2016, *Some aspects of the prevention of crimes committed by employees of the penal system*, K. A. Sych (ed.), Urlitinform, Moscow.

Mariya Vladimirovna Makarova, lawyer in V. N. Makarov's lawyer office, Ryazan, Russian Federation, e-mail: marisafarov@yandex.ru;

Aleksey Vladimirovich Tyumenev, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of theory of state and law, international and European law, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: tymenev@yandex.ru

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF BANDITRY AND SIMILAR TERRORIST CRIMES

Recommended citation

Makarova, M. V. & Tyumenev, A. V. 2022, 'Problems of differentiation of banditry and similar terrorist crimes', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 65–71, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.65-71.

Abstract. The article examines the problem of differentiation of banditry and similar terrorist crimes. In the course of the historical and legal analysis, a conclusion is made about the conditionality of the fusion of banditry and terrorist crimes at an early stage of codification in these areas, as well as about the inadmissibility of including banditry in terrorist crimes and (or) contributing to terrorist activities at the current stage of development of criminal legislation.

Keywords: banditry, terrorism, terrorist act, criminal banditry, political banditry, terrorist-oriented banditry.

References

Borovikov, V. B. & Borovikova, V. V. 2006, 'Combating terrorist crimes: criminal and legal aspects', *Russian justice*, iss. 3, pp. 27–32.

Makarov, G. S. 2015, 'The history of the development of Soviet criminal legislation on responsibility for terrorism', *Young scientist*, iss. 11(91), pp. 1078–1080.

Bogdanov, S. V. & Orlov, V. N. 2009, 'Behind the facade of perestroika in the USSR: power, economic crime, society', *Proceedings of the Altai State University*, iss. 4–4(9), pp. 27–31.

Chernousova, E. S. 2019, 'Terrorism as a Phenomenon in the Soviet Period of Russian History', *Review. NCPTI*, iss. 2(17), pp. 56–59.

Magomedov, Sh. B. & Abdulatipov, A. M. 2013, 'Modern aspects of countering banditry and extremism', *Legal Bulletin of Dagestan State University*, iss. 3, pp. 94–99.

Irina Nikolaevna Romanova, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of civil law disciplines, Branch of "Moscow Witte University" in Ryazan, e-mail: iromanovarzn@bk.ru

PROBLEMS OF LEGAL LIABILITY FOR HARM CAUSED BY THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

Recommended citation

Romanova, I. N. 2022, 'Problems of legal liability for harm caused by the use of artificial intelligence technologies', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 72–77, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.72-77.

Abstract. The functioning of artificial intelligence is a peculiar phenomenon that has not been sufficiently studied from a legal point of view, which leads to different estimates of the consequences of its use. Its main feature is the ability to self-study, which allows you to make different decisions in the same situations, depending on previously performed actions. In these conditions, a natural question arises about the existence of legal grounds for legal liability in the event of harm caused by the use of such technologies. The legal doctrine sometimes justifies the idea of the legal personality of artificial intelligence. The object of the study is social relations arising in solving issues of legal liability for harm caused by the use of artificial intelligence technologies. The purpose of the study is to identify the grounds for legal liability and the procedure for compensation for damage caused by the use of artificial intelligence technologies, as well as to identify areas for improving legislation in this area, taking into account foreign experience. The methodological basis of the study was dialectical, logical, formal-legal and system-structural methods. Research materials: Russian legislation, scientific publications on the problems of using artificial intelligence and solving issues of responsibility for the harm caused in this case. The conducted research allowed the author to come to the conclusion that within the framework of civil liability, the problem of compensation for harm (damage) when using artificial intelligence technologies can be solved from the position of recognizing them as a source of increased danger. This implies the possibility of raising the question of the responsibility of the person who created, produced, owned, used and disposed of the relevant technologies. However, when establishing rules of civil liability for the use of artificial intelligence, it is necessary to ensure a balance between protecting the interests of society and preserving incentives for investment in relevant innovative products. Because of this, the most important element of protecting the property interests of victims should be liability insurance of persons using artificial intelligence technologies. The issue of administrative and criminal liability should be resolved based on the nature of the consequences that have occurred and the form of the fault of the harm-doer, as which the person who determined the conditions and parameters of the use of the appropriate technology should be considered.

Keywords: compensation for damage, protection of property interests, artificial intelligence, a source of increased danger, the use of digital technologies, liability insurance, legal liability.

References

Apostolova, N. N. 2021, 'Liability for damage caused by artificial intelligence', *North Caucasian Legal Bulletin*, iss. 1, pp. 112–119.

LapteV, V. A. 2019, 'The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work', *Law, Journal of the Higher School of Economics*, iss. 2, pp. 79–102.

Tsukanova, E. Yu. & Skopenko, O. R. 2018, 'Legal aspects of liability for harm caused by a robot with artificial intelligence', *Issues of Russian and international law*, vol. 8, iss. 4A, pp. 42–48.

Benhamou, Y. & Ferland, J. 2020, 'Artificial Intelligence & Damages: Assessing Liability and Calculating the Damages (February 8, 2020)', *Leading Legal Disruption: Artificial Intelligence and a Toolkit for Lawyers and the Law, Forthcoming*, viewed 11 November 2021, <https://ssrn.com/abstract=3535387>.

Cerka P., Grigiene J. & Sirbikyte G. 2015, 'Liability for damages caused by artificial intelligence', *Computer law & security review*, iss. 31, pp. 376–389.

Morkhat, P. M. 2018, *The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: PhD thesis (law)*, Moscow.

Laptev, V. A. 2017, 'The responsibility of the "future": the legal substance and the issue of evaluating evidence', *Civil law*, iss. 3, pp. 32–35.

Gorokhova, S. S. 2021, 'Technologies based on artificial intelligence: prospects and responsibility in the legal field', *Lawyer*, iss. 6, pp. 60–67.

Neznamov A. V. (ed.) 2018, *Regulation of robotics: an introduction to "robopravo". Legal aspects of the development of robotics and artificial intelligence technologies*, Infotropic Media, Moscow.

Shevchenko, A. S. & Shevchenko, G. N. 2013, *Tort obligations in Russian Civil law*, Statut, Moscow.

Talyat Alievich Suleymanov, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of criminal procedure and criminalistics, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: suleymanov.talyat@yandex.ru;

Vasilii Vasil'evich Fomin, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of criminal procedure and criminalistics, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

METHODS AND TACTICS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF LAWS IN THE EXECUTION OF NON-CUSTODIAL SENTENCES

Recommended citation

Suleymanov, T. A. & Fomin, V. V. 2022, 'Methods and tactics of prosecutorial supervision over the execution of laws in the execution of non-custodial sentences', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 78–85, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.78-85.

Abstract. The article deals with issues related to the peculiarities of the organization of prosecutorial supervision over the execution of laws in the execution of punishments not related to imprisonment in institutions of the penal system. The object of the study is the social relations that develop in connection with the implementation by the prosecutor of the powers granted to him to exercise supervision over the execution of laws by the administrations of institutions and bodies executing criminal penalties not related to deprivation of liberty. The purpose of the study is to develop proposals and recommendations for improving prosecutorial supervision. The novelty of the research lies in the fact that the authors have undertaken to study the issues of organization and execution of prosecutorial supervision in the field of law enforcement by the administration of penal inspections and correctional centers executing non-custodial sentences, and have proposed recommendations to ensure legality in their official activities. The article sets out tactical recommendations for conducting a prosecutor's inspection of the execution of non-custodial sentences.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, legality, prosecutor's check, convicted persons, alternative to imprisonment of punishment.

References

Rubtsova, O. N. 2016, 'Goals and objectives of the prosecutor's supervision over the execution of laws by the administrations of bodies and institutions executing non-custodial sentences', *Bulletin of the South Ural State University, Series Law*, iss. 16(2), pp. 86–92.

Vitina, M. D. 2010, 'Prosecutor's supervision over the observance of laws in the execution of non-custodial sentences', *Bulletin of Tomsk State University*, iss. 339, pp. 95–97.

Rubtsova, O. N. 2017, 'Prosecutor's supervision over the execution of laws by police bodies in the exercise of control over persons sentenced to non-custodial sentences and conditional imprisonment', *Man: crime and punishment*, vol. 25(1–4), iss. 2, pp. 291–294.

Nikitin, E. L. & Kustov, M. N. 2018, *Prosecutor's supervision over the execution of laws by the administrations of bodies and institutions executing punishment, places of detention of detainees and prisoners in custody*, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg.

Tregubova, E. A. 2019, 'About some features of the execution of punishment in the form of compulsory labor', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 5(36), pp. 89–95.

Kovalenko, E. N. 2016, 'Prosecutor's supervision over the execution of punishment in the form of correctional and compulsory labor', *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 5, iss. 4(17), pp. 367–369.

Lyadov, E. V. 2020, 'Criminal punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities in legislation and law enforcement practice', *Legal Bulletin of Dagestan State University*, vol. 33, iss. 1, pp. 133–139.

Malkov, V. P. & Shafigullina, Ch. F. 2010, 'Restriction of freedom in the system of types of punishments under the Criminal Code of the Russian Federation', *Actual problems of economics and law*, iss. 3(15), pp. 164–170.

Stepashin, V. M. 2013, 'Duties imposed upon probation at the discretion of the court', *Herald of Omsk University, Series Law*, iss. 4(37), pp. 161–167.

Krasotkin, P. N. & Shakleina, A. Yu. 2019, 'Organizational and legal problems of execution of certain punishments and measures of a criminal nature not related to deprivation of liberty', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 3(40), pp. 46–56.

Sautina, S. A. 2020, 'Correctional centers in the penal system of the Russian Federation', *Vedomosti of the penal system*, iss. 2(213), pp. 37–44.

Dulepov, V. V. 2018, 'Forced labor as a type of criminal punishment', *Law and right*, Iss. 10, pp. 96–98.

Grechin, A. V. 2019, 'Analysis of the implementation and realization of prosecutorial activities on compliance with and enforcement of laws in places of detention of the penal system of the Russian Federation (based on statistical data of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and the Prosecutor's offices of the subjects)', *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, iss. 4, pp. 103–112.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Svetlana Nikolaevna Sorokoumova, Sc.D (Psychology), Professor, Russian Academy of Education, Moscow, Russian Federation; professor of the faculty of psychology, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation; professor of the department of social and humanitarian disciplines, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I. K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation; professor of the department of legal psychology and pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-8339-6597, e-mail: 4013@bk.ru;

Denis Alekseevich Kurdin, adjunct of the faculty of scientific and pedagogical personnel training, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0002-9292-7342, e-mail: dnskurdin@gmail.com

THE USE OF DATA MINING IN THE STUDY OF THE DYNAMICS OF PERSONAL GROWTH AMONG CADETS OF A DEPARTMENTAL UNIVERSITY OF THE FPS OF RUSSIA

Recommended citation

Sorokoumova, S. N. & Kurdin, D. A. 2022, 'The use of Data mining in the study of the dynamics of personal growth among cadets of a departmental university of the FPS of Russia', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 86–95, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.86-95.

Abstract. Research in the field of computer technology and the creation of new software products are extremely relevant today. These spheres develop related scientific fields. Data mining is one of the key concepts of modern science, a method capable of introducing new trends into established tools for extracting new knowledge. Today it is actively used in psychological research (E. V. Slavutskaya, T. A. Nestik, A. B. Mosyagin etc.). This method has a philosophical foundation in the form of a branch of mechanismism – connectionism. One of the most promising areas of Data mining, in our opinion, is neural networks. An artificial neural network is an algorithm that allows you to make decisions about subjects by distributing them into groups. The authors carried out work on the creation of an artificial neural network on the basis of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia as an effective tool for psychological support of cadets of departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia, developed a program for the prevention of expulsions of cadets from the university. The purpose of the study is to consider the theoretical foundations of the concept of Data mining in psychology; to analyze the possibility of using some Data mining methods in psychology; to describe practical examples of the use of Data mining methods. Cadets of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia were as the basis for the study, surveys of August 2019 were used to create an artificial neural network, to test the hypothesis and create a prevention program – surveys of 2021. A total of 548 cadets took part in the study. The following methods of testing were chosen: Questionnaire of self-attitude (V. V. Stolin, 1985); Diagnostics of "emotional intelligence" (N. Hall); Questionnaire "Structure of individual legal consciousness" (D. V. Sochivko, T. A. Simakova); Self-actualization test (SAT); Questionnaire of psychodynamic typology of prosocial (distant) behavior (D. V. Sochivko). These data served as the basis for the development and creation of

an artificial neural network, which subsequently analyzed the data of future employees enrolled in the first year.

Keywords: Data mining, cadets, artificial neural network, psychological research, prevention of deductions, psychological support.

References

Psychological Encyclopedia n.d., viewed 1 March 2020, https://gufo.me/dict/psychology_encyclopedia.

Levkovich-Maslyuk, L. I. 2007, 'Great excavations and great challenges', *Computerra*, iss. 11, pp. 48–51.

Paklin, N. B. & Oreshkov, V. I. 2013, *Business Analytics: from Data to Knowledge*, Piter, Moscow.

Mosyagin, A. B. 2015, 'Using Data mining methodology in solving social data processing tasks', in *Big Sociology: Expanding the Data Space: Proceedings of the V International Sociological Grushinskaya Conference*, pp. 143–145, Moscow.

Nestik, T. A. & Zhuravlev, A. L. 2019, 'Big data analysis in psychology and socio-humanitarian sciences: promising areas of research', *Psychological Journal*, vol. 40, iss. 6, pp. 5–17.

Kupriyanov, R. B., Agranat, D. L. & Suleymanov, R. S. 2021, 'The use of artificial intelligence technologies to build individual educational trajectories of students', *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Series Informatization of Education*, vol. 18, iss. 1, pp. 27–35.

Arzamastsev, A. A., Azarova, P. A. & Zenkova, N. A. 2007, 'A model of professional and personal qualities of university students based on an artificial neural network with an adaptive structure', *Bulletin of the Tambov University, Series Natural and Technical Sciences*, iss. 5, pp. 623–632.

Slavutskaya, E. V., Abrukov, V. S. & Slavutskiy, L. A. 2019, 'Simple neural network algorithms for assessing latent connections of psychological characteristics of young adolescents', *Experimental psychology*, iss. 2, pp. 131–144.

Dorrer, M. G. 1998, *Psychological intuition of artificial neural networks: PhD thesis (Technical Sciences)*, Krasnoyarsk.

Dyuk, V. & Samoylenko, A. 2001, *Data mining: training course*, Piter, St. Petersburg.

Kirsanov, M. N. 2007, *Graphs in Maple*, Physmatlit, Moscow.

'Neural network' in Osipov, Yu. S. (ed.) 2004–2017, *The Great Russian Encyclopedia*, in 35 vols, The Great Russian Encyclopedia, Moscow.

Astaf'ev, G. B. 2003, *Cellular automata*, Saratov.

Fogel, D. B. 2006, 'Historic perspective – Nils Barricelli-artificial life, coevolution, self-adaptation', *IEEE Computational Intelligence Magazine*, iss. 1, pp. 41–45.

Kurdin, D. A. 2020, 'Prediction of the success of training cadets using an artificial neural network based on the results of the study of the dynamics of personal growth', in *Psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development: a collection of materials of the All-Russian Symposium of Psychologists with international participation*, pp. 799–805, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Tat'yana Aleksandrovna Simakova, PhD (Psychology), Associate Professor, leading researcher of the research department at the scientific center, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0002-0777-1111, e-mail: simakovatanea@yandex.ru;

Elena Evgen'evna Gavrina, PhD (Psychology), Associate Professor, head of psychology faculty, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-8131-8122, e-mail: gavrina_elen@mail.ru

PSYCHOLOGICAL INSTABILITY AND CORRUPTION ORIENTATION OF PERSONALITY AS PROBLEMS OF PROFESSIONAL EDUCATION

Recommended citation

Simakova, T. A. & Gavrina, E. E. 2022, 'Psychological instability and corruption orientation of personality as problems of professional education', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 96–101, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4).1.96-101.

Abstract. Psychological instability of the personality as an excessive exposure to the influence of negative factors of the surrounding reality and the corruption orientation of the individual as an orientation of self-realization outside the legal field are interrelated and are factors of national security of the modern Russian state. In the context of the implementation of an integrated approach to solving the problem of overcoming these socio-psychological ailments, special attention should be paid to the professional education of modern youth. Professional training at the stage of higher education has a significant resource for solving this problem, provided its optimization through the implementation of a number of methodological principles and optimization of psychological support of students.

Keywords: psychological instability of personality, corruption orientation of personality, professional training, professionalism of personality, methodological principles of professional and educational activity.

References

Gavrina, E. E. & Khavanova, I. S. 2015, 'Psychological characteristics of former employees of the penal system convicted for corruption and ordinary crimes', *In the world of scientific discoveries*, iss. 3.7(63), pp. 3212–3224.

Sochivko, D. V. & Simakova, T. A. 2015, 'Theory and methodology of research of individual legal consciousness and its infantilization and criminalization', *Applied legal psychology*, iss. 2, pp. 24–40.

Slobodchikov, V. I. & Isaev, E. I. 1995, *Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology: an introduction to the psychology of subjectivity*, School Press, Moscow.

Anatoliy Nikolaevich Sukhov, Sc.D (Psychology), Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, head of the department of social psychology and social work, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE SECURITY OF VARIOUS GROUPS

Recommended citation

Sukhov, A. N. 2022, 'Socio-psychological analysis of the security of various groups', *Man: crime and punishment*, vol. 30(1–4), iss. 1, pp. 102–109, doi: 10.33463/2687-1238.2022.30(1-4). 1.102-109.

Abstract. The article reveals the relevance of the study of the problem related to the safety of the group, and also examines the essence of the socio-psychological approach to its understanding. The external and internal threats to the group are considered. The security of positive groups is based on an open system of communication, trust, sympathy, confidence in support, normal values and goals; at the same time, the security of negative and criminal groups is based on opposite phenomena. Their security is criminal security. Because of this, this concept should not be confused with the anti-criminal security of normal, morally and legally positive groups. The article also analyzes the practice of overcoming these threats in order to ensure the security of various types of groups. Without this, it is impossible to talk about the effective security of the group.

Keywords: security, anti-criminal group, criminal group, norm, values, traditional and modern means of criminal communication.

References

- Ageev, V. S. 1990, *Intergroup interaction: socio-psychological problems*, MSU, Moscow.
- Antonyan, Yu. M. 1989, *Especially dangerous leaders in ITU and the educational impact on them*, Research Institute of the MIA of the USSR, Moscow.
- Bashkatov, I. P. 2000, *Psychology of informal adolescent and youth groups*, Informpechat, Moscow.
- Volkov, I. P. 1978, *Social psychology of small groups and collectives: PhD thesis (Psychology)*, Leningrad.
- Gurov, A. I. 1990, *Professional crime. Past and present*, Legal literature, Moscow.
- Desev, L. 1979, *Psychology of small groups: social illusions and problems*, Progress, Moscow.
- Krichevskiy, R. L. & Dubovskaya, E. M. 1991, *Psychology of a small group*, MSU, Moscow.
- Monakhov, V. I. 1957, *Groups of recidivist thieves and some issues of combating them*, Publishing House of the Political Department of the Main Directorate of Correctional Labor Camps and Colonies of the MIA of the USSR, Moscow.
- Sukhov, A. N. 1993, *Psychology of criminogenic communication among convicts*, Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ryazan.
- Sukhov, A. N. 2017, *Social psychology of organized crime*, Unity, Moscow.
- Sukhov, A. N. 2004, *Real social psychology*, Moscow Psychological and Social Institute, Moscow.
- Sukhov, A. N. 2005, *Social psychology of security*, 2nd edn, Academia, Moscow.
- Sukhov, A. N. 2020, 'Traditional and modern means of criminal communication', *Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia*, iss. 4, pp. 267–272.
- Sukhov, A. N. 2007, *Social psychology of crime*, Moscow Psychological and Social University, Moscow

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 04.04.2022. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 8,38. Усл. печ. л. 7,79. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 1999-9917

22301

